

ОТГОЛОСКИ.

Наше блое и черное духовенство такъ занято Л. Н. Толстымъ, что положитель-но не имѣетъ времени подумать объ эпидеміи, охватившей столицу. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ въ газетахъ не было ни одной строчки, гдѣ говорилось бы о пожертвованіяхъ со стороны такихъ богатѣйшихъ учрежденій, какъ Александровская лавра и пр.

— Ни одной копѣйки! Ни одного куска хлѣба!—такъ характеризуются «дѣятельность» столичнаго духовенства и заботы его о голодающей низшей братіи въ это холерное время.

Правда, духовенство устраивало крестные ходы, пѣло молебны, но о матеріальныхъ жертвахъ его мы до 10 сентября не слышали ни одного слова...

Впрочемъ, и 10-го сентября произошло не Богъ вѣсть что: митрополитъ Антоній просто на просто распорядился, чтобы духовенство... поощрило прихожанъ на матеріальными жерт-вами.

Росск. 16-Сен. 1908

Вокругъ имени Л. Н. Толстого. Новоторжское земское собраніе послало Л. Н. Толстому слѣдующую телеграмму: «Новоторжское очередное земское собраніе въ засѣданіи постановило приветствовать васъ, Левъ Николаевичъ, какъ гордость нашей родины, великаго художника и друга человѣчества».

— Коммерческій клубъ въ Ростовѣ-на-Дону въ обществ. собраніи ассигновалъ 500 рублей для музея Толстого въ Петербургъ и 2,000 руб.—на школьный фондъ имени Толстого и на ежегодную субсидію школъ («Р. Сл.»).

— Въ с. Быховѣ, сердобскаго у., саратовской губ., во время торжественной все-нощной на открытой площади командированный епископомъ Гермогеномъ священникъ-миссіонеръ говорилъ рѣчь противъ Л. Н. Толстого. Какъ разъ въ разгаръ рѣчи ударили въ набатъ, и огромная толпа молящихся унахала, что пожаръ охватилъ селеніе. Огнемъ уничтожено много домовъ и гумнъ хлѣба. Въ деревенской глуши это случайное совпаденіе проповѣди съ пожаромъ произвело впечатлѣніе чего-то роковаго и зловѣщаго. Стоустая молва говорить о поджогѣ, умышленно организованномъ («Гол. М.»).

Росск. 16-Сен. 1908

ФЕЛЬЕТОНЪ.

О „ВЛАСТИ ТЬМЫ“ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО

Сюжетъ «Власти тьмы», или «Увиѣзъ кто-токъ» всей птичкѣ пропасть, — такъ первоначально называлась драма Л. Н., — взятъ изъ мѣстной уголовной хроники тульского окружнаго суда. Подробности дѣла, по словамъ «Русск. Сл.», сообщилъ Толстому бывшій предсѣдатель тульского, а затѣмъ московскаго окружнаго суда Н. В. Давыдовъ, часто посѣщавшій Л. Н. въ Ясной Полянѣ. Конечно, въ деталяхъ была громадная разница. Такъ, Никита казался на кофѣнкахъ не передъ народомъ, а передъ присяжными, когда его судили, передъ коими раскрылась вся «власть тьмы» въ этомъ дѣлѣ.

— 6 —

...И ужиналъ, а по-петербургски обѣдалъ въ небольшомъ залѣ ресторана «Дюссо», на-бывавшихъ днѣмъ по различнымъ учрежденіямъ, въ одинъ изъ моихъ частныхъ приѣздовъ въ Петербургъ по дѣламъ своимъ зимою 1886 или 1887 года. Я уже кончалъ свою огромную трагезію, когда вошелъ въ компанію, гдѣ я сидѣлъ, С. С. Татищевъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и пріятныхъ собесѣдниковъ, которыхъ я когда либо встрѣчалъ, и потому я очень былъ радъ, когда Татищевъ пошелъ ко мнѣ, зная вперевѣ, что

новостей и разговоровъ будетъ довольно. Какъ человѣкъ очень даровитый, Татищевъ по разговорамъ завистниковъ былъ лишнее мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и жилъ литературнымъ трудомъ... Послѣ первыхъ привѣтствій, Татищевъ сказалъ: «А я сейчасъ отъ Маріи Гавриловны; она не знаетъ, что въ свой бенефисъ ставить, и мы перебрали массу пьесъ, нѣтъ ничего подходящаго». — «Кто это Марія Гавриловна?» — спросилъ я. «Какъ вамъ не стыдно не знать, — Савина, знаменитая Савина!» — «А вы забываете», — сказалъ я, — что я, провинціалецъ, гогами не хожу въ театръ вашъ. Но горю вашему я помогу. Л. Н. Толстой напишетъ драму. Можно попросить ее для Маріи Гавриловны». Татищевъ несказанно обрадовался и сталъ спрашивать подробности о пьесѣ. Я сообщилъ, что зналъ, такъ какъ недавно предъ этимъ былъ у графа Л. Н. Было еще не поздно, и я тутъ-же, въ ресторанѣ, написалъ телеграмму въ Москву Л. Н. приблизительно такого содержанія: «Очень желательно въ бенефисъ Савиной поставить вашу драму. Крайне обрадуютъ, разрѣшивъ постановку». Утромъ рано на другой день уже получился отвѣтъ отъ Л. Н., приблизительно

такой: «Согласенъ, буду очень радъ, только чтобы мнѣ денегъ за это не получать. Л. Толстой». Телеграмма, конечно, обрадовала не только Савину и Татищева, но и насъ всѣхъ. Рѣшено было, что я поѣду въ Москву и выпилъ немедленно отпечатанный и написанный экземпляръ новой драмы, у которой еще не было имени. Я съ вокзала въ Москву поѣхалъ прямо въ Толстому и нашелъ его въ хорошемъ настроеніи. «Меня самого интересуетъ», — сказалъ Л. Н., — посмотрѣть на спелъ свою драму, но сейчасъ нѣтъ ни одного экземпляра ея. Отпечатанный въ типографіи, долженъ быть, переданъ въ цензурѣ, да еще въ духовную».

Мы поѣхали вмѣстѣ съ графомъ за рѣку Москву, въ типографію Ситина, отыскивать экземпляръ драмы. Въ типографіи насъ ожидалъ несприятный сюрпризъ. Управляющій или заведующій типографіей объявилъ, что духовная цензура вернула экземпляръ перерезаннымъ краснымъ карандашомъ (или чернилами) и уведомила, что пьеса «ни по какому виду не будетъ пропущена». Толстой нахмурился. «Очень корово», — проглотилъ онъ, — очень корово», — проглотилъ онъ паль-бы про себя. Увидавъ мой вопросительный взглядъ, Л. Н. добавилъ: «Такъ говорилъ одинъ мой знакомый въмѣстѣ въ подобныхъ случаяхъ. Ну, что-же другое я могу сказать, какъ очень корово?»

Поѣхали молча въ домъ Л. Н.

— Хотите посѣть, — сказала я, — этого экземпляръ въ Петербургъ для прочтенія, хо-

ти врадъ-ли теперь пропустить и тамъ. Напишу, на всякій случай, Потѣкинъ. Онъ вѣдь теперь въ комитетѣ, рѣшающемъ, какія пьесы ставить.

Я взялъ единственный экземпляръ драмы или, скорѣе, вѣрхъ несчитныхъ печатныхъ листовъ, на которыхъ были еще слѣды корректуры, и послалъ съ обсл.-кондукторомъ перваго отходящаго поѣзда въ Петербургъ Татищеву. Понятно нетерпѣніе, съ которымъ ждали моей дорогой посылки въ Петербургъ. Въ письмѣ я просилъ скорѣе спастись драму и вернуть единственный экземпляръ, которыми Толстой, конечно, дорожилъ.

Возмолвился театральныи миръ! Заговорили, зашумѣли. Вопросъ о разрѣшеніи пьесы обострился, въ цензурѣ были различныя теченія. Не обошлось безъ вліянія Побѣдоносцева. Толстой тоже возмолвился, заходилъ узнавать ко мнѣ, какія изъ Питера вѣсти. «Вы все это надѣлали», — возмолвился, — вѣдали меня въ грѣхъ, хочется мнѣ видѣть свою пьесу на сценѣ, вѣбу-доразжили меня!» А вѣтры съ сѣвера подулъ неблагопріятные. Получаю телеграмму отъ Татищева: «Савина выѣхала съ курьерскимъ поѣздомъ въ Москву, претавитъ ее Толстому». Я предупредилъ Толстого и поѣхалъ встрѣчать Марію Гавриловну, и такъ какъ видѣлъ ее только на сценѣ, то боялся, что не узнаю Савиной, почему и просилъ кондуктора мнѣ ее указать. «И вамъ не стыдно не узнать Савиной», — сказала по-французски стоявшая около меня дама, вышедшая изъ

вагона. Эта дама и была Марья Гавриловна. Я пробормоталъ, сконфузившись, извиненіе и предложилъ въ каретѣ моей ѣхать прямо къ Л. Н. Толстому. «Везите меня къ московскимъ чудотворцамъ!»,—шутя сказала Савина и поѣхала въ домъ графа Толстого, въ Хамовники. Л. Н. съ большимъ вниманіемъ отнесся къ визиту М. Г., а также и графиня Софья Андреевна. Долго Савина бесѣдовала съ Толстымъ насидѣвъ. Онъ ей давалъ совѣты и говорилъ о многомъ, между прочимъ, о ея роли въ его пьесѣ. О костюмахъ даже былъ рѣчь. Но главный вопросъ еще не былъ рѣшенъ: будетъ-ли допущена самая пьеса на Императорской сценѣ. Разговарывая, Толстой опять, указывая на меня, сказалъ: «А все онъ надѣлалъ своей телеграммой—меня везетъ въ грѣхъ. Право, Д. Д. сталъ кумомъ «Власти тьмы» моей»,—такъ окрестилъ онъ тогда драму.

Прошло нѣсколько дней. Дѣло разрѣшенія пьесы не двигалось впередъ. Императоръ Александръ III желалъ прослушать чтеніе «Власти тьмы». Взялся за это даровитый чтецъ Александръ Александровичъ Стаховичъ (отецъ нынѣшнихъ братьевъ Стаховичей) и, говорить, прочелъ мастерски. По выслушаніи, Государь ничего опредѣленнаго не сказалъ, но выразился яко-бы такъ: «Надо посмотреть». Но изъ сего заключили, что Государь жаждетъ посмотреть пьесу на сценѣ, и тогда начались приготовленія. Къ Толстому явился чиновникъ со стеклышкомъ въ глазъ, отрекомендовавшись «начальникомъ эффекта

Императорскаго петербургскаго театра», оказавшійся зачѣтующимъ декорациями. Ему было приказано привезти костюмы съ Ясной Поляны и рисунки изъ. Толстые на него смотрѣли не безъ удивленія, но онъ былъ проникнутъ важностью порученія своего и въ разговорѣ упомянулъ, что, несомнѣнно, управленіе театровъ «попроситъ Толстого», чтобы онъ продолжалъ писать (?)... Все было готово къ постановкѣ, начальникъ эффекта исполнилъ порученіе: уже нѣкоторые изъ Ясной Поляны красовались на декорацияхъ, когда,—увы!—послѣдовалъ предписаніе: «Власть тьмы» снятъ съ репертуара... И лишь черезъ нѣсколько лѣтъ на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ появилась драма Л. Н. поставленная по указанію самого автора, уже безъ начальника эффекта и безъ его поощренія.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ побѣды М. Г. Савиной къ Л. Н. Толстому, я получилъ съ почты посылку. Развертываю,—прекрасный фотографическій портретъ Савиной съ ея автографомъ и слѣдующей надписью: «Куму «Власти тьмы» кн. Дм. Дм. Оболенскому». Портретъ этотъ, какъ живой свѣтъ, былъ въ то время, красота достигъ у меня на столѣ.

КН. Д. ОБОЛЕНСКИЙ

Печать. 2-ая. 16-е Сент. 1908

Радикалы и церковь.

Громкий скандал разыгрался в Саратовской городской думе. Къ глубокому сожалѣнію, поводомъ къ скандалу послужилъ недавній юбилей нашего великаго романиста. Саратовская дума возымѣла почтенное намѣреніе пригласить въ 80-лѣтіе жизни графа Л. Н. Толстого. Рѣшено было послать юбиляру телеграмму. Но она была составлена въ выраженіяхъ, которыя возмущили представителей отъ духовенства, протоіерей Кречетовича. Вмѣсто того, чтобы заявить простоту свой въ такъ называемыхъ парламентарныхъ формахъ, отецъ протоіерей назвалъ постановленія думы «позорными» — конечно, съ точки зрѣнія представителя церкви. Слова: «позоръ», «позорный» до такой степени иструшаны ежедневнымъ употребленіемъ въ парламентахъ, что саратовская дума имѣла полное основаніе считать рѣзкое выраженіе о. Кречетовича выходящимъ «парламентарнымъ», т.-е. допустимымъ въ языкѣ обсужденій. Но саратовская дума страшно обидѣлась. Поднялся невообразимый скандалъ. На протоіерея начали кричать, махать кулаками, предлагали ему выйти вонъ и пр. Рѣшили, что дума оскорблена, поручили управѣ просить епископа о замѣнѣ о. Кречетовича, какъ представителя духовенства, другимъ священникомъ. Въ Саратовѣ правитъ либеральный губернаторъ, который съ величайшей поспѣшностью утвердилъ это постановленіе и разрышилъ даже привести его въ исполненіе, не выжидая 2-хъ недѣльныхъ срока. До какой степени радикальная саратовская дума была раздражена на дерзкаго священника, показало ближайшее засѣданіе — 3 сентября. Хотя о. протоіерей держалъ себя смирно, но гласные общими хоромъ потребовали удаленія о. Кречетовича. Голова пробовалъ было уговорить гласныхъ съ одной стороны и строиточнаго батюшку — съ другой, но батюшка, подобно Макъ-Магону, рѣшилъ: j'y suis, j'y reste. Ему даже не предложили, какъ Макъ-Магону: *se soumettre ou se démettre*, а объявили, по модному, «бойкотъ». Большинство гласныхъ вышли изъ засѣданія, и оно, такимъ образомъ, было сорвано. Тогда городской голова послалъ мѣстному епископу письмо, на которое преосвященный Гермогенъ отвѣтилъ крайне любезнымъ посланіемъ.

Понима старый режимъ, радикальная дума была увѣрена, что архіерей испугается думы (прежніе наши архі-пастыри были такъ напуганы, что всякаго куста боялись); ждали, что дерзкаго протоіерея если не сотрутъ въ порошокъ, то во всякомъ случаѣ сейчасъ же уберутъ. Подумайте только: самъ губернаторъ одобрилъ постановленіе думы! Но случилось нѣчто неожиданное. Епископъ Гермогенъ какъ будто заразился отъ новаго режима его смѣлостью. Онъ не только не нашелъ въ поступкѣ о. Кречетовича чего-нибудь предосудительнаго, но вонювъ присоединился къ этому поступку, одобрилъ его, назвалъ «подвигомъ». Дѣло въ томъ, что саратовская дума привѣтствовала гр. Толстого вообще, какъ писателя, не выдѣливъ своего отношенія къ нему, какъ къ религіозному и политическому отрицателю. Въ телеграммѣ даже упоминается имя «Господа Бога и Провидѣнія», надъ которымъ, по мѣтнію преосв. Гермогена, «всегда безумно глумился Толстой, какъ отвергающій личнаго Бога и Его провидѣніе и промѣсъ о мирѣ и человѣкѣ». Архіерею совершенно кажется естественнымъ, что протоіерею Кречетовичу, какъ знакомому съ богословскими взглядами Толстого, «невольно представлялся и обрисовался мрачный обликъ Толстого, какъ ужаснѣйшаго хулителя Бога, святой вѣры, церкви, вѣрующіхъ людей, обликъ ужаснаго нравственнаго развратителя, произведенія котораго произведено опустошеніе тысячей

душъ людей русскихъ инопещского, зрѣлаго и даже старческаго возраста, поистинѣ обликъ великаго волка-хищника». Отвѣтъ этотъ, замѣтьте, — данъ въ официальной бумагѣ по поводу только что состоявшагося чествованія отцами города знаменитаго русскаго беллетриста. Дальше въ письмѣ есть еще болѣе рѣзкія выраженія: «страшнымъ сатанинскими чертамъ возмущительнаго кощунства и нераскаивнаго еретика, богоотступника, отверженнаго православною церковью и преданнаго анаемѣ», «ужаснаго уродъ» и пр. и пр. Епископъ Гермогенъ утверждаетъ, что чествованіе такого человѣка, какъ Левъ Толстой, было «сущимъ позоричемъ для общества во всѣхъ отношеніяхъ — и въ религіозно-нравственномъ, патристическомъ и даже чисто бытовомъ». Епископъ указываетъ несообразность со стороны разныхъ учреждений чествованія человека, который отрицаетъ въ самомъ корнѣ всѣ человѣческія учрежденія, касающіяся общественаго порядка и управленія. Мало того: епископъ — въ качествѣ архіепископа саратовскихъ духовныхъ чадъ — дѣлаетъ имъ свое святительское порицаніе: «Отвѣдно и гнѣвно людямъ почтеннымъ подобострашнымъ и оскорбительнымъ и набрасываться съ обидой и оскорбленіями, какъ и самымъ дѣйствіемъ, на эту самую нравственную и религіозно-церковную чуткость въ духовномъ пастырѣ, стремиться какъ бы сейчасъ закрѣпить ей уста и задумать броситься на нее со всею силою и наконецъ принимать всѣ мѣры, до забастовки включительно, чтобы отогнать ее вонъ отъ себя, чтобы она перестала нарушать «спокойствіе» при обсужденіи такихъ, конечно, прискорбнѣйшихъ дѣлъ, какъ чествованіе всероссійскаго нравственнаго злодѣя, ненавистнаго Бога, вѣрующей Россіи, всего русскаго народа» и пр. (цитирую эти почти бранныя слова, чтобы показать фанатизмъ думы, съ которою столкнулась радикальная саратовская дума). Въ заключеніе, воздавъ похвалу протоіерею Кречетовичу, епископъ Гермогенъ предлагаетъ, «если большинство гласныхъ не удовлетворится симъ отвѣтомъ» — обратиться къ судебной власти на предметъ преслѣдованія о. Кречетовича за оскорбленіе думы, самъ же епископъ не находитъ ни права, ни юридическихъ основаній, чтобы замѣнить протоіерея Кречетовича въ думѣ другимъ священникомъ. И дѣйствительно, въ слѣдующее засѣданіе думы снова явился о. Кречетовичъ. Вы думаете, что дума послѣдовала совѣту преосвященнаго Гермогена и обратилась къ судебной власти? Ничуть. По сообщенію еврейской «Рѣчи», горячо принявшей это дѣло къ сердцу, саратовская дума единогласно постановила жаловаться обер-прокурору Св. Синода, «указавъ ему, что отношеніе епископа вноситъ не усюкоеніе, а вражду. Кречетовича рѣшено бойкотировать».

Это последнее заявление «бойкотировать протоиерея» звучит знаменательно. Оно сразу дает тонь всей этой буре в радикальных захолустьях, где столкнулись все элементы старой и новой России. Радикальная дума, либеральный губернатор, сильно ожидавшее общество, загниотившееся жидовской печатью, безмолвствующий народ и два представителя исчезающего типа — вбрующихся пастырей. Нет надобности оговаривать, до какой степени прискорбны рѣзки порицания великому романисту со стороны простого и высокопоставленного духовенства. Не одинъ еп. Гермогенъ, — въ тѣхъ же терминахъ проклятіи о Лѣвѣ Толстомъ отзывались такіе выдающіеся іерархи, какъ Никаноръ Херсонскій или такой любимецъ народный, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Вражда вбрующей части духовенства къ Толстому необъяснима для тѣхъ, кто не читалъ религиозныхъ писаній графа («Церковь и Государство», «Отвѣтъ Синоду» и пр.). Въ этихъ запрещенныхъ сочиненіяхъ графъ Толстой, къ сожалѣнію, самъ прибѣгаетъ къ рѣзкостямъ совершенно того же рода. Толстой не только отрицаетъ исторически сложившееся христіанство, православіе, церковь, таинства, обряды, догматы, преданія, но не можетъ удержаться отъ порицанія, осмѣиванія, издѣвательства * надъ всѣмъ, что еще многимъ дорого, какъ святыни. Можетъ быть это его право, какъ свободнаго мыслителя; Вольтеръ прибѣгалъ къ подобной же брани на церковь. Вообще, честное, искреннее убѣжденіе не можетъ не быть иногда рѣзкимъ. Знаменитая пощенина Арію навесена была святымъ, котораго церковь называетъ «правильномъ вѣрм, образомъ кротости, воздержанія учителемъ». Л. Н. Толстой не святой, т.-е. не канонизированъ церковью, — стало быть нельзя ставить ему въ большую вину *рѣзкость* сужденія о церкви. Право религиознаго отрицанія за нимъ неотъемлемо, какъ за всякимъ человекомъ. Если церковь не сумѣла удерживать въ своемъ облаіи этотъ художественный талантъ, то не все ли равно: ушелъ ли онъ съ реверансами или сердито хлопнулъ дверью? Не ставя Толстому въ большую вину его брань противъ церкви, не слѣдуетъ ставить въ вину и духовенству — такую же брань на Толстого. Гдѣ же вы видѣли, чтобы религиозный или политическій споръ обходился безъ брани? «Брань — оружіе слабыхъ», говоритъ послонца; слабость приходится извинять другъ другу, — въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда она не превращается въ систематическое злодѣйство, какъ это въ грязной еврейской печати.

* См. И. Айвазовъ. «Кто такой Л. Толстой». Москва. 1906.

Въ описанномъ случаѣ хочется спросить: съ достоинствомъ ли повелъ себя саратовскіе радикалы? Далеко нѣтъ. Пресвященный Гермогенъ имѣетъ репутацію «черносотенца», но его письмо есть не что иное какъ защита перваго догмата либерализма—свободы мнѣній. Въдѣ въ самомъ дѣлѣ: саратовскіе радикалы хотѣтъ зажать ротъ своему черносотенному соотеченцу! «Ахъ, ты съ нами не согласишься, — убирайся вон!» Что протоіерей Кречетовичъ назвалъ постановленіе думы «позорнымъ» — въ этомъ только формалисты и судейскіе крючкотворы могутъ найти оскорбленіе думѣ. Ни въ малѣйшей степени это не оскорбленіе, ибо всѣмъ ясно, что никакого желанія оскорбить думу у о. Кречетовича не было. У него было желаніе остановить думу отъ рѣшенія, которое казалось ему постыднымъ, — и какъ же иначе, какими инамъ способомъ могъ бы онъ высказать свой взглядъ на это рѣшеніе? Уважая свою коллегію и желая ей только блага, каждый членъ бываетъ поставленъ въ необходимость осудить ея рѣшенія, осудить во всей полнотѣ своего пониманія. Это не только право, но и долгъ каждаго члена коллегіи. Недоступны конечно даже въ родной семьѣ выраженія непримиримы, имѣющія характеръ явной брани. Но слово «позоръ» само по себѣ исполнѣе причинное, со всѣхъ точекъ зрѣнія — чуждое. Весь укоризнительный смыслъ этого слова относился не къ членамъ саратовской думы, а къ предмету ихъ чествованія, но, какъ сказано выше, въ смыслѣ рѣзкости мнѣній Толстой и духовенство — кнѣзья. Впрочемъ, если бы укоризна была направлена и прямо на городскую думу, — укоризна еще не есть оскорбленіе. Протоіереемъ Кречетовичу, какъ духовному лицу, приходится говорить саратовскимъ христианамъ и не такія укоризны. Какъ человѣкъ апостольскаго призванія въ обществѣ, онъ имѣетъ и право, и долгъ указывать поступки, позорные съ апостольской точки зрѣнія. Оскорбительно это показалось бы гг. радикаламъ или нѣтъ, онъ имѣлъ право пристыдить ихъ, какъ христианъ и гражданъ. Онъ могъ бы сказать: дадите, подпишетесь всѣ подъ прѣвѣтствіемъ Лѣву Толстому, какъ художнику. Но если вы хотѣте прѣвѣтствовать въ лицѣ его и религіознаго, и политическаго отрицателя, то не стыдно ли вамъ притворяться христианами, и именно православными? Не стыдно ли пользоваться правами, связанными съ этимъ господствующимъ въронсповѣданіемъ? Не стыдно ли называться подданными государства и членами учрежденій, порицаемыхъ Толстымъ? Чествуя отрицателя всего строя вашей жизни и вашей будто бы исповѣдуемой вѣры, вы выдаете себя либо за круглыхъ невѣждъ, либо за лицемеровъ, предателей вѣры и государственности. Развѣ не постыдно такое двоедушіе, развѣ не позоръ — двуличность? Такъ могъ бы всякій честный священникъ укорить ломающихъ комедію радикаловъ. Что тутъ мы имѣемъ дѣло съ политической комедіей, дѣло слишкомъ ясно. Уже конечно не Лѣвъ Толстой, самъ по себѣ, скольконибудь дорогъ саратовскимъ товарищамъ. Едва ли хоть одинъ изъ нихъ имѣетъ исполнѣе представление о великомъ человѣкѣ. Даже если говорить о художественномъ гениі Толстого — съ какого времени гласные саратовской думы сдѣлались тонкими эстетиками? Чтобы искренно признавать таланты, надо имѣть его немножко въ собственной

головѣ. Если же говорить о христіанскомъ анархизмѣ Толстого, то развѣ хоть одинъ гласный саратовской думы отказался отъ своего имуществъ, семьи, культурнаго труда, цивилизаціи? Нѣтъ. Стало быть вся эта скандальная исторія есть просто глупая демонстрація противъ того строя, который сами же г-да радикалы поддерживаютъ и которыми держатся.

Въ обращеніи съ жалобой по начальству чудесно вскрылась суть русскаго радикализма. Чуть ты не напѣши мнѣній, — ой, городовоі! «Ваше пресвященство! Ваше превосходительство! Уберите смуту. Уберите человека, который мѣшаетъ «успокоенію» общества». Это словечко «успокоеніе» тоже характерно. Въ Саратовѣ знаютъ, что пе-

тербургская бюрократія провозглашаетъ этотъ лозунгъ: «успокоеніе»! И вотъ саратовскіе радикалы, поддѣливаясь подъ Петербургъ, аргументируютъ на «успокоеніе». Смуту, видите ли, идетъ отъ духовенства, зачинающаго церковъ.

Въ жалкой саратовской исторіи еще не извѣстно, какъ отъвѣтитъ на нее Св. Синодъ. Но неожиданное выступленіе епископа Гермогена въ защиту церкви должно дать понять русскому радикализму, что старый режимъ миновалъ и для духовенства. И для церкви наступаютъ новыя времена. А что если нѣкими униженными и оскорбленными церковью тоже воспользуется всѣми свободами, чтобы зацѣпить себя? Что если выступятъ горячо гнѣрующіе пастыри и іерархи и поднимутъ древнюю проповѣдь, когда-то волнованную необозримыя массы? Что если преемники учениковъ Христа захотятъ воспользоваться всѣмъ объемомъ своей апостольской власти? Тогда еврействующимъ радикаламъ придется услышать и нѣчто болѣе острое, чѣмъ невнятное слово «позоръ»!

М. Меньшиковъ.

Нов. Врѣм. 16^е Сент. 1908

«Рус. Слово» передаетъ, что въ с. Быковѣ, Сердобскаго уѣзда, во время проповѣди противъ Л. Н. Толстого, въ которой выступилъ на площади командированный сюда епископомъ Гермогеномъ священникъ, вдругъ вспыхнулъ пожаръ, уничтожившій массу дровъ и хлѣба. На жителей Быкова это совпаденіе произвело впечатлѣніе «чего-то роковаго и злобѣдщаго».

Б. В. 17^е Сент. 1908

МОСКВА.

(По телефону).

10-го сентября.

Сегодня въ засѣданіи городской думы разсматривалось извѣстное распоряженіе московскаго генералъ-губернатора, отменяющаго постановленіе московской городской думы о способѣ чествованія юбилея графа Л. Н. Толстого. Обсуждался только вопросъ о законности этого распоряженія. Городская дума постановила признать распоряженіе это незаконнымъ и обжаловать его въ сенатъ.

Б. В. 17^е Сент. 1908

Наши сектанты.

II.

Великий писатель и моралист имѣлъ неограниченное влияние не только на секту, носившую его имя, но и на другихъ сектантовъ. Этимъ влияніемъ онъ и пользовался для борьбы съ уродливыми сторонами сектантской жизни.

Однажды къ Л. Н. Толстому обратились скопцы съ вопросомъ: справедливо-ли сужденіе о нихъ, что они дурные люди, и справедливо ли скопцы понимаютъ евангеліе, 19 главу Матфея, оскопляя себя на основаніи этой главы?

И Толстой съ рѣзкимъ осужденіемъ отнесся къ оскопленію, отнюдь не вытекающему изъ евангелія.

«На первый вопросъ,—пишетъ онъ,—мой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что дурныхъ людей нѣтъ и всѣ люди одного Отца дѣти и не хуже одни другихъ. Судя по тому, что я слышалъ о скопцахъ, то живутъ они нравственною, трудовою жизнью.

На второй же вопросъ, о томъ, вѣрно-ли они понимаютъ евангеліе, на основаніи его оскопляя себя и другихъ—съ полною увѣренностью отвѣчаю, что понимаютъ они евангеліе невѣрно и, оскопляя себя и въ особенности другихъ совершаютъ поступки, прямо противные истинному христіанству. Христосъ проповѣдуетъ цѣломудріе, но цѣломудріе достойное, какъ и всякая добродѣтель, когда оно достигается усиліемъ воли, поддержаннымъ вѣрою, а не тогда, когда оно достигается невозможностью грѣха. Все равно, какъ если бы человѣкъ для того, чтобы не объѣдаться, пронавелъ бы себѣ болѣзнь желудка, или, чтобы не драться, связалъ бы себѣ руки, или, чтобы не ругаться—вырѣзалъ бы себѣ языкъ.

Богъ сотворилъ человѣка, каковымъ онъ есть, вдунувъ божественную душу въ плотское тѣло для того, чтобы эта душа покоряла себѣ похоти тѣла (въ этомъ вся жизнь человѣческая)—а не въ томъ, чтобы уродовать тѣло, поправляя дѣло Божіе».

Слова Христа въ Его отвѣтъ ученикамъ, гдѣ упоминается о скопцахъ, Толстой толкуетъ такъ: «То, что похъ словами: «такіе, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго»—надо разумѣть духовную побѣду надъ плотью, а не тѣлесное оскопленіе; говорится: оскоплены отъ людей, а гдѣ говорится о побѣдѣ духа надъ плотью, говорится: сдѣлали сами себя скопцами».

Въ другомъ письмѣ къ скопцу Меньшенину, Толстой развиваетъ свои взгляды, кого нужно считать истинными христіанами, и возвращается къ вопросу о скопчестве.

«Скопчество,—пишетъ онъ,—есть страданіе, которое люди накладываютъ на другихъ и на себя, а Христосъ учитъ облегчать страданія людей, а не налагать новыя... Невозможность совершенія грѣха только раздражаетъ часто похоть въ грѣху и потому скопчество, кромѣ того, что противно духу христіанства, не достигаетъ цѣли».

Толстой рассказываетъ, какъ онъ отыскалъ отъ примычки куренія табаку. «Отучился только тогда, когда носилъ съ собою напирсы, такъ что всегда могъ курить, когда хотѣлъ».

Несмотря на различіе взглядовъ, Толстой и его корреспондентовъ, отъ всѣхъ его писемъ къ нимъ вѣетъ братскою любовью и неподдѣльною искренностью.

Б. В. 17го Сеп. 1898

Какъ проповѣдуетъ Иліодоръ.

Изъ Царицына.

Епископъ Термогонтъ, образуя мѣстное духовенство «спаси нечаянными», поставилъ ему въ прикрѣ Иліодора. Приведемъ нѣсколько, далеко не самыхъ яркихъ отрывковъ изъ проповѣдей этого «прихитренного» церковнаго оратора.

1) «Православные!». Оглянитесь кругомъ, нѣтъ ли гдѣ около васъ татарина или сотрудника, а то я опять собираюсь говорить рѣчь, да, пожалуй, не удержусь и обругаю татарскаго бога. Вѣдь онъ и нѣтъ былъ сумасшедшій». (Аудиторы Иліодора обрадованно гогочутъ).

2) «Православные!». Жиды и жидовская интеллигенція собираются справлять юбилей стараго развратнаго старикашки Толстого. Хотятъ говорить рѣчи, поздравлять, подносить вѣнки. А мы, православные, что же отстанемъ отъ нихъ? Нѣтъ, давайте и мы чествовать Толстого. Только какъ? Давайте поднесемъ ему вѣнокъ! Какой же вѣнокъ мы поднесемъ ему? Изъ золота? Нѣтъ, золото слишкомъ дорогой металлъ. Изъ терновника? Нѣтъ, терновые вѣнки возлагаютъ на главы святыхъ! Такъ давайте же сплетемъ ему вѣнокъ изъ бѣдны и дурмана и возложимъ на его старую голову: пусть онъ еще больше одурѣетъ». (Отъ выдумки Иліодора аудиторы приходятъ въ восторгъ и хохочутъ).

3) «Православные! Теперь жалуются на упадокъ нравовъ въ монастыряхъ. Отчего это? Да оттого, что въ монастыри идутъ всѣ негодные и неспособные къ семейной жизни люди. Всевозможные Стенки, Ваньки, которымъ нечего дѣлать дома, они и идутъ въ монастырь... А вотъ, если бы въ монастыряхъ были такіе образованные и хорошіе люди, какъ я, то этого не было бы!».

Речь 17^а Сент. 1908

Незаконнотное распоряженіе московскаго ген.-губернатора.

Сегодня въ засѣданіи городск. думы разсматривался вопросъ о законнотности распоряженія московскаго ген.-губернатора, отменившаго постановленіе думы о способѣ чествованія юбилея Л. Н. Толстого. Гор. дума признала распоряженіе ген.-губернатора незаконнотнымъ и постановила обжаловать его въ сенатъ.

Речь 17^а Сент. 1908

Смоленскій скандалъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Телеграфъ уже сообщилъ о скандалѣ, устроенномъ въ засѣданіи городской думы «истинно-русскими». Андіонъ, земскимъ начальникомъ и вождемъ мѣстныхъ союзниковъ. Передаемъ нѣкоторыя подробности. Городская управа предлагала въ ознаменованіе юбилея Л. Н. Толстого назвать его именемъ школу, раздать учащимся собраніе избранныхъ произведеній и поставить въ гор. саду большаго писателя.

Еще передъ началомъ прейс гл. Андіонъ спросилъ у гор. головы Рачинскаго, на основаніи какого закона внесенъ вопросъ о чествованіи Толстого. По его мнѣнію, дума должна заниматься «благоустроеніемъ» города, а не устраивать юбилей. Когда ему сказали, что онъ не вправе руководить засѣданіемъ, то «спидеръ» чертыхнулся, богатырь «слова и дѣла» съѣлъ, подогрѣвъ и весь затрясился отъ злости. Это означало, что «будетъ буря».

Представитель отъ духовенства св. Сеньковский высказался противъ всякаго чествованія, такъ какъ стараго великаго художника теперь не существуетъ, а есть только хитрый православный.

Послѣ рѣчей нѣкоторыхъ гласныхъ, высказывавшихся за чествованіе, хотя заповодное, встаетъ гл. Андіонъ и кричитъ, потрясая кулаками въ воздухъ:

— Мы не имѣемъ «нравственнаго» права давать имя Толстому училищу, гдѣ учатся наши дѣти. Тотъ Л. Н. Толстой, который извѣстенъ своимъ великимъ произведеніемъ, давно умеръ; теперь у насъ есть Левша Толстой (гласный дрожитъ и еще сильнѣе потрясаетъ кулакомъ), еретики, безбожники, отщепенцы и чествовать его позорно!!! Послѣ этого садится.

Раздались возгласы, протесты. Гласный Ф. П. Лавинъ проситъ призвать къ порядку озорника, издѣвающегося надъ национальнымъ гениемъ Россіи. О. Сеньковский проситъ занести въ журналъ его заключеніе противъ чествованія. Шумъ и протесты противъ выходовъ Андіона продолжаютъ.

Городской голова, когда шумъ нѣсколько утихъ, призываетъ тѣхъ гласныхъ, кто за чествованіе—сидѣть, кто противъ—встать. Съ мѣста снова срывается Андіонъ и на весь залъ кричитъ:

— Божій «православный» христіанинъ не только встанетъ, но и уйдетъ,—при этомъ, продолжая кричать, демонстративно уходитъ изъ зала. Въ публикѣ, которой было нѣсколько человѣкъ, раздается спешное шиканье, свистъ. Прельженіе о чествованіи большинствомъ противъ двухъ (о. Сеньковского и секретаря консисторіи Глѣбова) принято.

Речь 17^а Сент. 1908

Половневъ снимался.

Во время двухчасоваго перерыва Половневъ попросилъ одного изъ корреспондентовъ сфотографировать его.

— Ужь и вы, гг. корреспонденты и защитники, снимитесь со мною. Потомъ памяту для меня будетъ.

Все время перерыва Половневъ шутилъ, очень удачно острлялъ и рассказывалъ о своихъ путешествіяхъ и жизни въ тюрьмѣ.

— Теперь вотъ—добавляетъ онъ—я читаю Толстого. Очень я ужъ люблю этого писателя. Хорошій.

Речь 22^а Сент. 1908

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАРТИНКИ.

Л. Н. Толстой и о. Каверзневъ.

Встѣть за Саратовымъ—Царицынъ.
Встѣть за о. Кречетовичемъ—о. Каверзневъ.

Въ царицынской думѣ 11-го сентября обсуждался вопросъ о чествованіи Л. Н. Толстого.

Предлагалось открыть читальню имени великаго писателя и назвать его же именемъ двѣ начальныя школы.

Представитель духовнаго вѣдомства, о. Каверзневъ, возсталъ.

Какъ можно чествовать «анаематствованнаго»?!

Тѣмъ болѣе, что противъ этого чествованія высказалось и министерство народнаго просвѣщенія.

— А разъ,—неожиданно сдѣлать выводъ о. Каверзневъ,—такъ высказалось министерство народнаго просвѣщенія, то прочія министерства, въ томъ числѣ и министерство внутреннихъ дѣлъ, должны согласоваться съ нимъ.

Но не это главное—главное вотъ что:

— Если школамъ будетъ присвоено имя гр. Толстого, то едва-ли для этихъ школъ найдутся законоучители.

— Это вы по приказу смиреннаго Гермогена пугаете насъ?—спросилъ гл. Филимоновъ.

— Я прошу васъ не упоминать въ такихъ выраженіяхъ имени епископа Гермогена.

Думу мало тронулъ оригинальный выводъ о. Каверзнева насчетъ обязательности возвращенія министерства народнаго просвѣщенія для всѣхъ остальныхъ министерствъ, но передъ угрозой о. Каверзнева кое-кто изъ гласныхъ остановился.

— Если епископъ Гермогенъ, дѣйствительно, воспретитъ священникамъ преподавать въ этихъ школахъ,—какъ тогда быть?—спрашиваетъ гл. Перфильевъ.

А гл. Рѣзниковъ добавляетъ:

— Могу даже сказать, что о. Карамзинъ уже заявилъ, что онъ откажется, какъ только дума назоветъ школу именемъ гр. Толстого.

Ободренный же о. Каверзневъ спѣшитъ поставить точку надъ і.

— Я съ полной увѣренностью могу сказать, что законоучителей-священниковъ въ этихъ школахъ не будетъ. Этого мало. Присвоеніе школамъ имени гр. Толстого можетъ вызвать среди населенія бунтъ, а со стороны проходившей толпы мятежъ.

«Круты, та не перекручуй»,—говорятъ малороссы.

Эту мудрую поговорку забылъ о. Каверзневъ.

Онъ «перекрутилъ».

Новая угроза бунтомъ и мятежомъ «создѣйствовала» даже на колебавшихся. Только въ другую сторону.

И послѣ шума гласные почти единогласно приняли всѣ предложенія о чествованіи Л. Н. Толстого.

На вѣзѣ представителей духовенства въ муниципалитетахъ Саратовской губерніи.

115
Январь 18² Сент. 1908

Литературно-общественный дневник.

Л. Н. Толстой и русское общественное движение.

Отношение Л. Н. Толстого к нашему недавнему общественному движению очень сложно и пестро. В настоящее время духовные вития, ведущие по за-

казу агитацию против Толстого, ставят ему на счет не только революцию, но и все убийства и грабежи и садистические преступления. А не так давно они в борьбу против революции и конституции любили опираться на авторитет Л. Н. Толстого, выступавшего, как известно, против «либералов». Я помню несколько газетных статей в «Моск. Вѣд.», появившихся еще до 17 октября, в которых вред для народа от конституции доказывался ссылками на мнѣние Толстого. Было время, когда реакционеры рассчитывали опереться и на «серебряков». Дѣло не ограничивалось одними только литературными фокусами. Кн. Д. И. Шаховской рассказывал пикантный анекдот, как в началѣ 80-х годов к Толстому явился по поручению начальства один жандармскій офицеръ, рассчитывавшій получить у великаго писателя сѣдѣнія о движенияхъ среди молодежи. Въ докладѣ о своей миссиі офицеръ долженъ былъ вписать слѣдующій отвѣтъ Толстого: «Вы за двугривенный продали свою душу, такъ думаете, что у другихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести»...

Не подлежитъ сомнѣнію, что наши охранители, консерваторы, реакционеры и проч. и проч. никогда не пользовались ни малѣйшимъ сочувствіемъ Толстого. Противъ прогрессистовъ, либераловъ, конституціоналистовъ онъ часто возставалъ въ теоріи, на словахъ, но еще чаще шелъ съ ними рука объ руку на дѣлѣ. Не въ такіе случаи известны, но кое-что было опубликовано раньше, кое-что сдѣлалось известнымъ теперь изъ юбилейныхъ воспоминаній.

Д. И. Шаховской напоминаетъ, что въ началѣ 90-хъ годовъ, послѣ голода, Л. Н. Толстой нѣсколько разъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ общественныхъ дѣятелей вмѣстѣ съ И. И. Петрункевичемъ, Вл. С. Соловьевымъ, П. Н. Милковымъ и др. «Развѣ мы,—говорилъ въ то время Л. Н. Толстой,—не составляемъ безъ всякой организации одной масонской ложы, гдѣ достаточно двухъ словъ, чтобы понять другъ друга и призвать къ общему дѣлу? Вотъ Шаховской пришелъ ко мнѣ, и развѣ мы сразу не поняли другъ друга безъ всякихъ масонскихъ знаковъ». Изъ

оттѣхъ московскихъ совѣщаній и развились земскіе сѣды, сыгравшіе такую роль въ конституціонномъ движеніи. Впрочемъ, въ этомъ развитіи Л. Н. не участвовалъ, хотя выступалъ вмѣстѣ съ либералами ему приходилось еще не разъ.

Въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда общественное оживленіе стало проявляться такъ сильно, что и спящіе начали пробуждаться, Л. Н. Толстой одно время, вскорѣ послѣ своего «отлученія», шелъ во главѣ русскаго общества. Какъ напоминаетъ С. Семеновъ въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 9), Л. Н. составлялъ въ то время «обращеніе къ правительству, гдѣ выражались требованія народа». «Эти требованія сводились къ свободѣ иррванія, допущенію всѣхъ безъ различія къ образованію, къ уравниенію народа въ правахъ читать всѣ выходящія въ свѣтъ книги, къ свободѣ печати и къ допущенію безнаказанно выражать свои мнѣнія, къ облегченію доступа для крестьянъ къ землѣ, къ освобожденію крестьянъ отъ исключительныхъ законовъ и отъ всѣхъ земскихъ начальниковъ». Толстой, по словамъ г. Семенова, заявилъ, что не со всѣми этими требованіями онъ согласенъ, но долженъ былъ это написать, такъ какъ эти именно требованія представляются всѣми сознательными группами къ правительству и нужно съ ними считаться».

Было, значитъ, моментъ, когда Л. Н. Толстой почувствовалъ невозможность дѣйствовать въ одиночку и необходимость идти рука объ руку съ «сознательными группами» русскаго общества, подчиняя иногда свои мнѣнія и желанія общему голосу.

Въ 1901 году 4 марта произошло въ Петербургѣ извѣстіе молодежи на Казанской площади. Событіе это громкимъ эхомъ отозвалось по всей Россіи. Членъ Госуд. Совѣта кн. Л. Д. Вяземскій протестовалъ противъ полицейскихъ насилій, свидѣтелемъ которыхъ онъ случайно былъ, и подвергся за это выговору и высылкѣ въ деревню. «Союзъ писателей» выпустилъ коллективный протестъ за сотней подписей литераторовъ и общественныхъ дѣятелей. Это былъ первый коллективный, открытый, не анонимный, политическій протестъ въ Россіи.

«Союзъ», конечно, былъ раскрытъ. Изъ Москвы прислали былъ пріятельскій адресъ погибшему «союзу» (онъ приве-

день в М. «Рѣчи» отъ 28-го августа). Подъ этимъ адресомъ первую стояла подпись Л. Н. Толстого.

По словамъ г. Семенова, Львомъ Николаевичемъ лично былъ составленъ адресъ кн. Л. Д. Вяземскому, въ которомъ говорилось: «Вы сдѣлали доброе дѣло, и русское общество всегда останется вамъ благодарнымъ за него. Вы предпочли отдаться чувству негодованія противъ грубаго насилия и требованіямъ человѣколюбія, а не условнымъ требованіямъ приличія и нашего положенія».

Въ 1901 году Л. Н. Толстой тяжело заболѣлъ и былъ отвезенъ въ Крымъ. Въ концѣ года наступило облегченіе, но въ январѣ 1902 г. болѣзнь обострилась. Смерть, казалось, была неминуема. Всѣ готовились къ этому событію и больше всѣхъ самъ Левъ Николаевичъ, ни на минуту не обманывавшій въ своемъ положеніи. Готовясь къ смерти, онъ пишетъ свое извѣстное письмо о необходимости отдать землю крестьянамъ. Не получая никакого отвѣта и чувствуя близость смерти, Л. Н. Толстой 8 февраля диктуетъ секретарю свое политическое завѣщаніе, въ которомъ говоритъ, что «изъ того тяжелаго и угрожающаго положенія, въ которомъ мы находимся, есть только два выхода: первый—кровавая революція, второй—признаніе правительствами ихъ обязанности не идти противъ закона прогресса».

Онъ рекомендуетъ единый земельный налогъ Генри Джорджа, какъ исцѣленіе отъ нашихъ бѣдъ, и пишетъ такіе слова, несомнѣнно странно звучащіе въ его устахъ, думшія вразѣзъ со многими, что онъ говорилъ раньше: «Дѣло правительства—сильно взять центральную идею прогресса и всѣми силами, которыми оно обладаетъ, проводить ее въ жизнь». Кончается завѣщаніе скорбнымъ сомнѣніемъ въ возможности мирнаго исхода.

Могучій организмъ Л. Н. Толстого вырвался изъ рукъ смерти, и онъ получилъ возможность сдѣлать за разсвертывавшимися событиями. Къ этому времени и относятся его выступленія противъ конституціоналистовъ, за которыя хотѣли было ухватиться реакціонеры. Но еще въ 1903 году, предвосхитивъ знаменитую фразу Плеханова о «тогѣ мужчины» и «рубашкѣ мальчика», Л. Н-чъ говорилъ Д. И. Шаховскому, что для каждаго государства наступаетъ такой возрастъ, когда ему абсолютнѣе такъ же мало пристало, какъ взрослой дѣвкѣ короткое платьице по колѣно, очень умістное на маленькой дѣвочкѣ...

И правъ Д. И. Шаховской, когда пишетъ, что, несмотря на все расхожденіе Толстого съ прогрессистами, каждый шагъ послѣднихъ, дѣйствительно приближающій насъ къ освобожденію человека, найдетъ въ сердцѣ Толстого горячій откликъ...

А. С. Изгоевъ.

Примѣ 18^е Сент. 1908

Отголоски юбилея Толстого.

Городская дума гор. Царицына, желая хоть чем-нибудь откликнуться на торжество 80-летия Л. Н. Толстого, постановила пригласить ния писателя двумя городскими ученицами.

„Свѣтъ“ злорадно сообщает, что училища эти открыться не могут, такъ какъ ни одинъ изъ мѣстныхъ священнослужителей будто бы не соглашается законоучительствовать въ училищахъ имени Толстого, а безъ преподаванія Закона Божія училища существовать не могутъ.

Думается однако, что царицынское духовенство, заслужившее отъ своего епископа Германа Кличку „не дающихъ поевъ“ за сочувственное отношеніе къ юбилею Толстого, тутъ не при чемъ и дѣло открытія школъ тормозится, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ высшей инстанціи, отъ которой зависитъ утвержденіе въ должности законоучителей.

Комбинація.

Недѣля за три до празднованія 80-лѣтія графа Л. Н. Толстого въ св. синодѣ явился издатель „Колокола“ миссіонеръ Скворцовъ и ходатайствовалъ о выдачѣ ему отъ синода изъ суммъ хотя бы „Церковныхъ Вѣдомостей“, если не безвозвратно въ видѣ субсидіи, то хоть подъ залогъ его имущества 10 т. руб., на изданіе общедоступныхъ брошюръ по поводу предстоящаго празднованія дня рожденія Льва Николаевича.

Въ этихъ брошюрахъ Скворцовъ общалъ синоду обвинять дѣятельность Л. Н. и ознакомить читателей съ тѣмъ громаднымъ вредомъ, который причинилъ „вѣроотступникъ Толстой“ православно-й Россіи своими богохульными сочиненіями..

Идея Скворцова понравилась, и... въ назначенный день издатель „Колокола“ получилъ „на предметъ приведенія своей идеи въ исполненіе“ 10 тыс. руб., но не въ видѣ субсидіи, а якобы подъ залогъ своего имущества.

Послѣ этого проходитъ недѣля, другая, третья... Общанными брошюры синодъ не видитъ... Наконецъ весь міръ начинаетъ привѣтствовать великаго человѣка, а брошюры все нѣтъ...

По этому поводу въ синодѣ стали поговаривать, что вѣроятно типографія задержала печатаніе брошюръ, но что ихъ все равно хотѣ и съ опозданіемъ, но выпустить въ свѣтъ непременно слѣдуетъ. — Ибо „лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Другіе наоборотъ утверждали, что „дорого аячю ко Христову дню“...

Однимъ словомъ въ такомъ неопредѣленномъ состояніи дѣло пребывало еще нѣсколько дней послѣ празднованія юбилея.

Синодъ, недоумѣвая, начинаетъ разузнавать, что сіе значить и наконецъ узнаетъ, что почтенный миссіонеръ очень сѣшно и энергично готовится къ... выдачѣ своей дочери замужъ.

Удивленію синода не было границъ, когда онъ узналъ, что все недвижимое имущество Скворцова переведено на имя его жены, отъ которой онъ въ видѣ компенсаціи получаетъ... право на изданіе „Колокола“, да книжную завѣку съ товаромъ не болѣе какъ на 200 руб.

Но надо полагать, что синодъ, располагая сейчасъ капиталомъ почти въ 50 мил. руб., очень скоро забудетъ свою неудачную сдѣлку, тѣмъ болѣе, что въ конечномъ-то результатѣ Скворцовъ правъ. Онъ, какъ говорятъ въ синодѣ, дѣйствительно употребилъ 10 тыс. руб. „на выпускъ въ свѣтъ своего собственнаго сочиненія“.

На—ровъ.

Нов. Русс. 18^е Сент. 1908

И собранія сочиненій, выходяція черезъ извѣстный промежутокъ времени, лучшій пробный камень для всякаго писателя.

Продуть вѣка,—да, вѣка,—и будетъ жить Пушкинъ.

Будутъ жить Толстой, Достоевскій... Какъ живъ до сихъ поръ Шекспиръ...

Каждое новое поколѣніе будетъ открывать въ нихъ новыя красоты, новый ароматъ.

Такое спойство истиннаго, живого таланта, истиннаго живого страданія. Люди всѣхъ вѣковъ, всѣхъ культуръ это не божье, ни менѣе, какъ свѣто-чувствительная фотографическая пластинка, скривалась, на которой ярко отражается все яркое, будь то счастье или страданіе, но только яркое, правдивое и совершенно не дѣйствуетъ все сѣрое, неопредѣленное, неясное, грязное...

Разсказъ Куприна, вотъ безъ исключенія, разсказъ такого свойства, что оставитъ послѣ себя на этихъ человѣческихъ скривалкахъ очень прочный и яркій слѣдъ, будутъ волновать долго,

долго, будутъ жить.

Въ нихъ много именно той непосредственной правды, того живого страданія, которое не терится въ природѣ. Въ нихъ заплатаго то сказочное горе-злобастыя, которое вѣками лежить, заваленное тяжелыми камнями и сейчасъ же оживаетъ, какъ только этотъ камень случайно приподнимутъ...

Все, что выходитъ изъ-подъ его пера, все, начиная съ крупныхъ и кончая самыми небольшими разсказами, носитъ на себѣ печать такого живого, горячаго темперамента, правдивыхъ пореженій, искреннихъ страданій.

На столѣ у Куприна стоитъ портретъ Толстого, присланный ему Л. Н. чѣмъ съ собственноручной надписью, кажется, даже личнаго знакомства съ Куприннымъ.

Портретъ этотъ и самаго его присылка очень ярко подтверждаютъ именно эту черту творчества Куприна, общую у него съ Толстымъ и потому Толстымъ особенно оцѣненную. Такъ остаются два одинаково, на одинъ ладъ настроенныя струны.

Нов. Русс. 18^е Сент. 1908

Хроника литературы, искусства и науки.

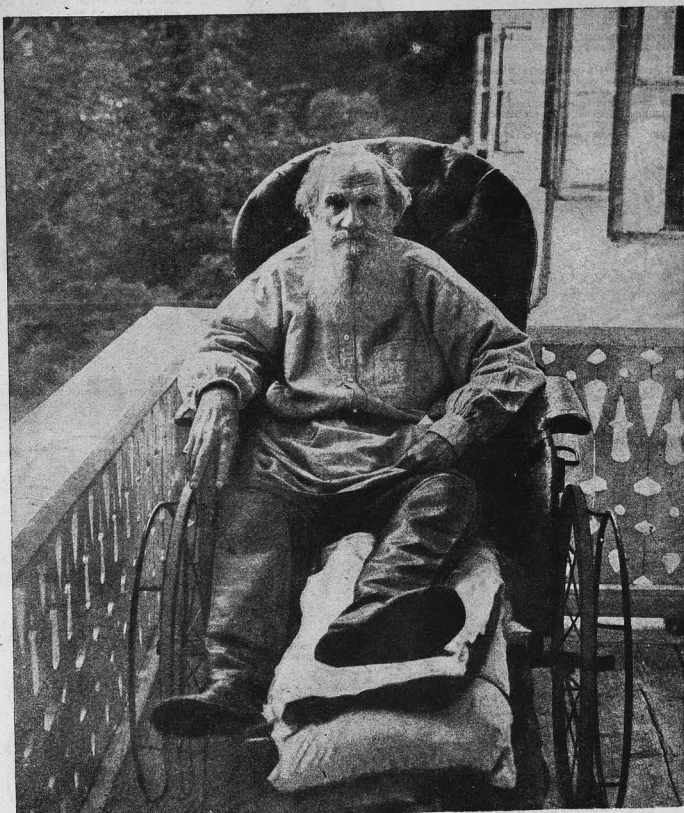
Известный скульптор И. Я. Гинсбург принес в дар академии наук статуэтку Льва Толстого своей работы; на обдумывание собрания академии решено поставить этот дар в главном Конференц-зале.

Нов. Ряз. 18^е сеп. 1908

— 16 сентября в чайной союга р. н. по Садовой ул. близ Синей площади, союзниками раздавалась брошюра „Правда о графе Толстом“ напечатанная в типографии Почаевской лавры.

Нов. Ряз. 18^е сеп. 1908

28-е АВГУСТА ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

Левъ Николаевичъ Толстой.

(Последняя фотографія, слѣзанная въ Ясной Полянѣ въ день юбилея Л. Н.—28 августа 1908 г. калужскимъ фотографомъ
Ф. Т. Протасевичемъ).

Наше Время (приложение къ Петерсб. газ.) 18-е сент. 1908

Въ церковныхъ сферахъ.

Новый курсъ.

Въ церковныхъ сферахъ за послѣднѣе дни замѣчается большая перемена въ направленіи курса. Пляска св. Витта, разыгравшаяся въ Кіевѣ и нашедшая себѣ откликъ въ Царлино-Саратовской Иллѣодоро-Гермогеновской эпопей, смутила лицъ, стоящихъ у кормила синодальнаго корабля. Съ возвращеніемъ въ Петербургъ премьера Столыпина и синодальнаго оберъ-прокурора, гофмейстера П. П. Извольскаго, между ними и митрополитомъ Антоніемъ произошелъ оживленный обменъ мнѣній. Выяснилось, что сильный кренъ направо и курсъ на байдвиндѣ, какой за послѣднее время принялъ церковный корабль, не можетъ соответствовать видамъ правительства. Выпадъ синода противъ Л. Н. Толстого даже въ глазахъ митрополита Антонія является безтактностью, противъ котораго митрополитъ высказывался въ свое время въ засѣданіи синода, но, какъ извѣстно, оказался въ меньшинствѣ. Въ результатъ и было рѣшено переимѣнить составъ синода. Епископы Гермогенъ и Серафимъ, бывшіе «солью» прежняго, «чрезвычайнаго» состава, уже отставлены. При этомъ еп. Серафимъ получаетъ компенсацію. Онъ перемѣщенъ изъ бѣднаго Орла на богатую кнѣжескую казедру, гдѣ архіерейскіе доходы достигаютъ 60 тысячъ. И вопросъ объ «обязанномъ» еп. Гермогенѣ стоитъ пока открытымъ. Между прочимъ, еп. Серафимъ и Гермогенъ были вполне убѣждены, что они и въ эту осеннюю сесію будутъ продолжать въ синодѣ свое дѣло. Они уже собирались выѣзжать въ Петербургъ, о чемъ и извѣщали кое-кого изъ синодальныхъ дѣльцовъ телеграммами. Надеждамъ ихъ—увы!—не суждено было исполниться. Съ отставкою этихъ двухъ іерарховъ въ синодѣ утѣрены, что кренъ церковнаго корабля значительно уменьшится и дальнѣйшее плаванье будетъ спокойнѣе.

Н. О.

Руса 12^е Сент. 1908

* Харьковское учебное земское собраніе, по предложенію члена Думы князя Голицына, единогласно постановило открыть шестнадцать библиотекъ, назвавъ восемь изъ нихъ именомъ Толстого и восемь именомъ Тургенева. Рѣшено повѣсить въ библиотекахъ портреты Льва Толстого и снабдить библиотеки его произведеніями. Постановленіе это встрѣчено аплодисментами.

* Саратовскій губернаторъ затребовалъ объясненія отъ саратовскаго городского головы по поводу посланки имъ телеграммы попечителю казанскаго учебнаго округа объ освобожденіи отъ занятій 28 августа, въ день юбилея Л. Н. Толстого, учениковъ городскихъ начальныхъ училищъ и по поводу расхолаженія заступающимъ городскимъ школьнѣмъ предложенія отложить начало учебнаго года въ школахъ. Голова отвѣтилъ, что дума неоднократно посылала безъ губернаторскаго утвержденія просительныя телеграммы министрамъ,—напримѣръ, министру народнаго просвѣщенія объ университетѣ. Прецеденты указывали голову, что нѣтъ нарушенія закона въ томъ, чтобы телеграфировать попечителю просьбу думы.

Руса 12^е Сент. 1908

MAJESTY'S

Миссіонерскій мечъ.

Еще въ то время, когда юбилей Толстого только надвигался, я съ недоумѣніемъ останавливался на одномъ до чрезвычайности странномъ явленіи, которое никакъ не укладывалось въ мою голову.

— Что за диковина такая, — думалось
мне. — Этакая, можно сказать, приготозленая,
этакая мобилзация всей черной рати, а
между тем, впечатлительно получается такое,
как будто нигде ни одной коняи не
украин.

Конечно, какъ чезовиъ русскій, я прекрасно понималъ, что исторіи не знаетъ чудесъ и потому естественно, что чудо, кото-

рымъ былъ ознаменованъ юбилей Толстого, я всецѣло объяснялъ простымъ ротоэпистствомъ нашихъ хроникеровъ.

— Послушайте, — говорил я этимъ воронамъ, — вѣдь ко дню юбилея выпускаются специальные брошюры и притомъ, какъ говорить, въ колоссальномъ количествѣ?

— Да, выпускаются.

— Значит были же и ассигновки, были и денежные выдачи?

— Конечно.

— Но въ такомъ случаѣ почему же въ редакціи нѣтъ свѣдѣній о растратахъ?..

— Видите ли, этот вопрос...

— Да какой же тут, государи, вопросъ: развѣ большіе романы пишутся безъ эпилога? Развѣ бываютъ танцы безъ музыки?

— Нет, не бывают.

— Но если так, то почему же вы считаете мух? Видь на ваше разращение поставлена въ сущности, простыишая, элементарный задача: «Черная сотня влезала доказать, что Толстой есть величайший правственный урод». Спрашивается, сколько казенных денег при этом пропало? Вот и все.

Но хотя задача была действительно совершенно детская, однако, встав известное рождение хроникеров помешало им своевременно решить ее, так что ко дню именин Толстого русское общество никаких священных или юбилейных пиров не имело.

И только теперь, когда толстовское празднество стало уже отходить в область преданий,—начали выплывать на свет Божий кое-какие факты и фактики. Таких, прежде всего, на поверхность черного болота всплыл вярный сын церкви, известный деятель киевского миссионерского съезда, издав «Долокола», духовный писатель и «миссионер по убеждению», г-н Скорополь.

Как бы свидетельствуют египетские газеты, т. Сковорода, еще за месяц до юбилея, предложил спонсу свои услуги, обещая выпустить цѣлую серію народных брошюр, и воищу доказать, что Толстой есть правый уродъ. Но такъ какъ за доказательство этого «тезиса» г-нъ Сковорода потребовало 10 тысячъ серебрянниковъ, то святой синодъ затрундился преподать ему свое благословеніе сразу и дѣло кончилось чрезвычайно своеобразнымъ компромиссомъ: серебрянники были отпущены изъ казны-то спеціальнымъ суммъ, но не въ видѣ субсидіа, а подъ заглавіи измущества г-на Сковороды.

Однако, дошла третья, другая, третья, наступили и юдей, но обещанных брошюр все не было: г-н Сквиринов молчал, как глухой. А в это, между тем, стали поговаривать, что, благодаря типографским задержкам, народ, чье добро, может и не узнать, о нравственном уродке Телесного и что миссионерств нет г-на Сквиринова, хотя и порвать «словесного языка», но сделать это не во благоверении. В конце концов, однако, было решено, что дело терпит и что «словесного вокала» можно уничтожить и послать юдей.

Однако, время шло да шло, а брошюры все-таки не было. В кнотке копиров, что опоздание начинало даже вызывать раздражение и досаду, гнуть болбе, что бы Саратова архиепископ Терюмогев уже сказалл к тому времени свое влеще сглер о «похвх ненаполнх». Тогда назвали свравн, и оказалось, что первый сын черкав г-н Сковорцов ни как написанно, ни как печатанно брошюры не приступалл, ибо как раз в это время готовился как выдвх замужу своей дочери. Таких образом, момент был упущен окончательно, и сподру оставалось только получить обратно деньги. Но оказалось, что в туто, как говорить малороссы, вышла «а-ковывла». Оказалось, что имущество г-на Сковорцова передано на имя его супруги и что в уплату синодской ассигновки жена его должна предоставить лишь... право на издание «Полокола» и книжную заву с товарищам на 200 рублей...

Также окончилась эта опереточная история с ежовцовскими брошюрами: «словесный волк» остался на этот раз без мстителя, и правотворное уродство не нашло воздаяния.

Но и самый человек, все-таки не могут строго винить г-на Свирцова, ибо помимо апостольского изречения: «дажди браку племю своею—добро творите», Ковачко, ригористы, вранье епископа Гермогена, могут сколько угодно говорить о «снахх незнающих», но угадаться, от чьих точек зрения: почему «незнающих» в конце концов, тут все зависит, раз шло хуже «злых» и почему брошюры лучше изданного? Ω , по крайней мере, думать, что доведение г-на Свирцова квинтессенс только часть, но выдать замуж тогда все-таки лучше, чем писать о нравственности уроков Тогомото.

Правда, какъ участникъ кievскаго съезда и какъ миссіонеръ, г. Скворцовъ долженъ былъ обаять свой мечъ и встать на защиту «мечъ». Но, съ другой стороны, кто же не знаетъ, что «обаявшій мечъ отъ немя и погибнетъ»?..

Александръ Яблоновскій.

Prav. 19° cen. 1908

Разныя извѣстія.

Протестъ крестьянъ противъ чело-
вѣко-
ненавистнической проповѣди. Въ «Сарат.
Листкѣ» (№ 201) читаемъ:

«Въ «Ръчи» напечатана слѣдующая телеграмма:

«Въ селѣ Озеркахъ, саратовскаго уѣзда, во время проповѣди крестьяне заявили о нежеланіи слушать обличенія по адресу Толстого и вышли изъ церкви. Проповѣдь была прервана».

Къ этому можемъ добавить слѣдующее. Крестьяне сказали священнику, что они не желаютъ слушать бранныхъ словъ по адресу Толстого. «Если онъ тебя тѣмъ задѣлъ, то иди къ нему и съ нимъ объясняйся. А мы слушать не желаемъ». Священникъ вынужденъ былъ прервать проповѣдь, но сказать, что въ слѣдующее воскресенье повторить ее.

Proc 19th Cens, 1908

Въ субботу, 20-го сентября, въ 8 часовъ вечера въ концертномъ залѣ Тенишевскаго училища состоится публичная лекція К. И. Арабакина о Толстомъ.

Л. В. 19-го Сент. 1908

◆ По вопросу о чествованіи графа Л. Н. Толстого представитель отъ духовенства въ думѣ о. Орнатскій упрямивалъ думу подчеркнуть въ своемъ постановленіи, что она чествуетъ беллетриста Толстого, а не „безбожника, богохульника и явчника Толстого“. Особенно онъ противился тому, чтобы училищный домъ былъ посвященъ имени Толстого. Гл. Никитинъ отвѣтилъ, что чтобы не говорилось о Толстомъ, послѣдній останется великимъ. Поэтому онъ предложилъ думѣ не дѣлать дѣленій на Толстого беллетриста и на Толстого безбожника и богохульника, а попросту вынести постановленіе о чествованіи Толстого. Это будетъ говорить само за себя. „Горе міру отъ соблазна“, воскликнулъ о. Орнатскій. Дума постановила училищный домъ именовать „училищнымъ домомъ гр. Л. Н. Толстого“. Точно также утверждены были всѣ ассигнованія на чествованіе Толстого, выработанныя общимъ присутствіемъ управы. О. Орнатскій сдѣлалъ попытку снова выступить съ протестомъ, но былъ остановленъ предсѣдателемъ г. Уиковскимъ, указавшимъ о. Орнатскому что дума выслушала его какъ представителя духовенства, что же касается постановленій, то дума вполне свободна принять то или другое рѣшеніе по своему усмотрѣнію совершенно самостоятельно.

Нов. Русь 20-го Сент. 1908

Толстовский вопрос передь спб. думой.

Первое заседание городской думы вышло не затруднительно, и если прения по разным «холодным» вопросам уже стали одной из норм городского будничного дня, то вопрос о чествовании Л. Н. Толстого придаст вчерашнему заседанию своеобразную печать яркости.

Центральным моментом была речь представителя духовного ведомства, протоиерея о. Орнатского, резко выделявшаяся из ряда других речей, связанных с именем Толстого.

— Вопрос, очевидно, предпринят, — говорил о. Орнатский, — но я считаю своей обязанностью говорить против.

— Мне скажут, — продолжал он, — несколько дальше, — что чествовать будут Толстого не за антихристианские, богохульные и антиправительственные писания, а как беллетриста, подобно Тургеневу. Но вспомните, что говорили в печати перед тем, как возбужден был вопрос о чествовании. Думали собирать деньги на издание именно последних произведений Толстого, да и сам он отказывается теперь от своих прежних писаний.

Опускает упомянутое в нашем утреннем выпуске указание оратора на «врагов церкви и отечества».

— И сам, — продолжает говорить, — член учинчивой и благотворительной комиссии и сочувствующий делу помощи населению, но вы хотите построить учинчивый дом имени Толстого, вы хотите поднять на нем флаг язычества; а ведь, там будут и церкви, будут святые иконы, — и ни один епископ не пойдет освящать церковь.

В речах других ораторов речь эта не встретила ни возражений, ни поддержки, если не считать краткой реплики г. Никитина о бессознательном характере думы, должностяющей отражать настроение всего населения; потому, нечего и подчеркивать то или иное отношение к Толстому.

— Не надо, — говорил гласный — упоминать ни о беллетристе, ни об общественном деятеле; назовем-ли мы Толстого богохульником или философом — он, прежде всего, останется Толстым — и все, что будет сегодня решено, должно называться просто: «в ознаменование 80-летия Л. Н. Толстого».

Речи остальных ораторов свелись к двум вопросам: во-первых, обсуждение по существу запоздало, и говорить можно лишь о реальных предложениях (гг. Фальборк и Кривенко); а во-вторых, финансовая комиссия совсем не к стати блеснула своей обычной любовью к «экономии», в защиту которой она не умеет ни считаться с моментом, ни отбрасывать значения вопроса, о которых говорить.

Между прочим, обратило на себя внимание отсутствие при обсуждении толстовского вопроса гласной стародумов и значительное переполнение чайного стола за явным ущербом думскому амфиатру; члены прогрессивной группы в это время чая не пили.

Знае.

Б. В. 20^е сент. 1908

Городская дума и Л. Н. Толстой.

Вопрос о чествовании спб. городской думой Л. Н. Толстого был предпринят еще весной, а в телеграмме, посланной Л. Н. городским головой в день его 80-летия, даже намечены были формы этого чествования.

Таким образом, вчерашнему собранию оставалось лишь точно определить, čím дума ознаменует день 28-го августа 1908 года, и сколько денег ассигнует она на чествование великого писателя.

И, действительно, все ораторы не касались существа вопроса, а полемизировали с финансовой комиссией, урбанизацией намеченных областей присутствием управы ассигнования.

Несколько отличную от других позицию занял представитель духовного ведомства прот. философ Орнатский.

— Горе миру от соблазна! — воскликнул оратор: — я боюсь, что дума, авторитет которой стоит очень высоко, своим присоединением к чествованию послужит врагам церкви, отечества и власти; враги эти цыблются за имя Толстого, чтобы им быть и власть, и церковь.

Сущность предложения, внесенного о. Орнатским, заключается в том, чтобы дума отделила в своих постановлениях Толстого-беллетриста от Толстого «атеиста, богохульника и безбожника»; оратор «просит, в частности, как христианина», чтобы дума чествовала Толстого — раз этот вопрос предпринят, — только как беллетриста.

О. Орнатский желает, чтобы в резолюции было отмечено также, что дума отрицательно относится к «атеистической, антихристианской и противоправительственной» деятельности Толстого.

Выслушав речи других ораторов, из которых ни один не возражал представителю духовного ведомства, дума отвергла какое-либо подчеркивание своей симпатии к той или иной стороне толстовской деятельности и постановила:

- 1) открыть учинчивый дом имени Л. Н. Толстого;
- 2) ежегодно отпускать на содержание не менее четырех столовых для детей беднейшего населения (преимущественно окраинах) по 14,000 руб.;
- 3) отпускать в распоряжение комиссии по благотворительности ежегодно по 1,200 рублей на вносение платы за учащихся в средние-учебных заведениях;
- 4) ежегодно выдавать по 4,000 руб. на содержание в средние-учебных заведениях детей, преимущественно сирот, в качестве интересов;
- 5) ассигновать 10,000 руб. на издание толстовского сборника для учащихся и 1,000 руб. на постановку портретов Толстого в городских училищах.

Б. В. 20^е сент. 1908

Возобновились очередныя засѣданія петерб. городской думы. Обсуждался вопросъ о чествованіи Л. Н. Толстого: съ рѣдкимъ единодушіемъ дума, игнорируя заявленія представителя духовенства, приняла рядъ постановленій, отвѣчающихъ достоинству столичнаго муниципалитета (См. 5 стр.).

Ромъ 20^е сеп. 1908

◆ Первое засѣданіе с.-петербургскаго родительскаго кружка, назначенное на 27 сентября, будетъ посвящено **Л. Н. Толстому**. Намѣчены слѣдующіе доклады: С. А. Франка—о нравственномъ учении Толстого, В. В. Успенскаго—яснопольская школа и взгляды Толстого на образованіе и воспитаніе и А. К. Бороздина—педагоги въ произведеніяхъ Толстого.

Ромъ 20^е сеп. 1908

Городская дума о чествовании Л. Н. Толстого.

19 сентября возобновились очередные заседания спб. городской думы. Наибольший интерес вызвал вопрос о чествовании гр. Л. Н. Толстого. Вопрос этот был решен утвердительно еще в одном из заседаний думы перед хитными капикулами. В настоящем заседании предстояло только ассигновать деньги на благотворительный дѣла, которые предполагалось осуществить въ честь великаго писателя.

Тѣмъ не менѣе, представитель духовнаго вѣдомства, священникъ Орнатскій, не возражавшій своевременно противъ постановленія думы, въ заседания 19 сентября выступилъ съ энергичнымъ протестомъ.

«Я долженъ,—заявилъ онъ,—исполнить свои обязанности и говорить противъ чествованія».

«Дума—слишкомъ авторитетное учрежденіе, и я боюсь, что присоединеніе ея къ чествованію Толстого, отрицающаго божественное происхожденіе Христа, послужитъ на-руку врагамъ церкви, отечества и власти, которые цѣлуются за имя Толстого, чтобы имъ бить, какъ тараномъ, и власть и церковь».

Но такъ какъ вопросъ о чествованіи уже былъ решенъ, то священникъ Орнатскій просилъ чествовать Толстого «не какъ атеиста, не какъ безбожника и богохульника, а какъ художника-беллетриста».

«Вы хотите,—говорилъ онъ,—построить училищный домъ имени Толстого, поднять флагъ язычника надъ тѣмъ зданіемъ, гдѣ, можетъ быть, будетъ и церковь и должны быть святая иконы. Ни одинъ епископъ не пойдетъ освящать такое зданіе и церковь».

Священникъ Орнатскій убѣждалъ гласныхъ думы, «какъ христіанъ», отнѣстись въ своемъ постановленіи, что они отрицательно относятся «къ атеистической, антихристіанской и противоправительственной» дѣятельности Толстого, и чествуютъ его только, какъ беллетриста.

Рѣчь представителя духовнаго вѣдомства встрѣчена была глубокимъ молчаніемъ, и сѣдующій ораторъ гл. Чистяковъ началъ говорить такъ, какъ будто онъ этой рѣчи не слышалъ. Гласные даже не пожелали баллотировать предложеніе священника Орнатскаго, хотя онъ на немъ настаивалъ.

Съ рѣдкимъ единодушіемъ дума одобрила тексты телеграммы, посланной городскимъ головою въ день юбилея Л. Н. Толстого, и рѣшила: 1) назвать именемъ Л. Н. Толстого новый училищный домъ; 2) отпустить 14,000 р. на устройство 4 столовыхъ для бѣдныхъ; 3) ассигновать 4,000 р. на содержаніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ бѣднѣйшихъ дѣтей въ качествѣ интерновъ; 4) надать сборникъ произведеній писателя, ассигновать на это 10,000 руб.; 5) помѣстить во всѣхъ городскихъ школахъ портреты писателя, на что отпущено 1,000 р.; 6) отпустить 1,200 р. въ распоряженіе благотворительной комісії на стипендіи учащимся, и 7) назвать именемъ Л. Н. Толстого двѣ начальныя городскія школы.

СВЯЩ. ОРНАТСКИЙ ПРОТИВЪ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Чествованіе графа Л. Н. Толстого.

Отъ городской думы требовалось только सकнѣе. Способы чествованія (были разпутаны, и отчасти уже приведены въ исполненіе).

Финансовый фильтръ города не согласился на тѣ ассигнованія, какія связала съ чествованіемъ писателя «маленькая дума». Она сдѣлала «ампутацию» кредитовъ, исключивъ, наипрѣмнѣе, вовсе открытіе четырехъ столовыхъ имени Л. Н. Толстого.

П. А. Потѣкинъ особенно горячо протестовалъ противъ утраты.

За вѣстановленіе благотворительнаго кредита на столовую говорить гл. Кривенко и отчасти П. П. Дурново.

Простые слова представитель духовнаго вѣдомства прот. Ф. Орнатскій.

— Вопросъ о чествованіи графа Толстого предпринятъ. Но я долженъ исполнить свой долгъ священника и высказаться противъ чествованія. Надо обладать большимъ авторитетомъ, чтобы выступать противъ этого прославленнаго имени. Такъ какъ я имъ не обладаю, то сошлюсь на текстъ Евангелія.

Ф. Орнатскій читаетъ текстъ и затѣмъ продолжаетъ:

— Вы скажете, что его чествуютъ не какъ атеиста, вѣроотступника, а какъ великаго беллетриста, какъ недавно чествовали Тургенева... Но такъ-ли это? Вспомните обстоятельства, при которыхъ возникла мысль объ этомъ чествованіи. Въ немъ за были автора «Войны и Мира» и «Анны Карениной», а видѣли только противоправительственнаго борца и писателя богопротивныхъ сочиненій. Эти старческія сочиненія его хотѣли издать. Вотъ вы хотите его именемъ назвать одинъ городской училищный домъ. Подъ флагъ чистаго язычника не пойдетъ епископъ православной церкви освящать этотъ домъ и церковь, если такая будетъ въ немъ. Законоучители, видя портретъ вѣроотступника, исковерканнаго святое евангеліе, что должны сказать дѣтямъ?

Нѣтъ, господа, такое чествованіе сдѣлать признать преждевременнымъ.

Необходимо подчеркнуть, если мы не выноимъ согласіе со мною, что вы чествуете графа Толстого, какъ беллетриста, какъ писателя извѣстнаго періода. Я боюсь, что если вы этого не сдѣлаете, враги власти, цѣлующіе за его великое имя, истолкуютъ по своему ваше постановленіе.

Ни одинъ человѣкъ такъ не богохульствовалъ, какъ Толстой. И я поклонился-бы вамъ, если-бы разграфичили ваше постановленіе на двѣ части, согласившись въ этой второй части съ моими «водами»,—такъ говорилъ Ф. Орнатскій.

— Представитель духовнаго вѣдомства уже опоздалъ. Теперь уже невозможно обращаться къ перерѣшенію вопроса,—отвѣтилъ гл. Кривенко.

— Что бы мы ни сказали, Толстой останется на своемъ пьедесталѣ,—заявилъ А. П. Никитинъ.

Программа чествованія была принята въ томъ видѣ, какъ ее утвердилъ общее присутствіе: училищный домъ, два четырехъ-классныхъ училища, изданіе сборника, постановка портретовъ, стипендіи, столовая и т. д.

Петрогр. вѣст. 20^е Сент. 1908

Рѣш. 20^е Сент. 1908

Печать.

Наложены аресты на следующие издания: 1) на № 8 журнала „Votum Separatum“, 1908 год; редакторъ С. Г. Чаповскій привлекается къ отвѣтственности по п. 1 ст. 129 уголовн. улож., 2) на брошюру — „А. Колонтай. Финляндія и социализм“. Сборникъ статей неопубликованных въ печати въ Россіи. Книгоиздательство „Марія Малыхъ“. Типографія „Народная Польза“. Цѣна 20 к., и 3) на брошюру „А. Аксельродъ (Ортодоксъ). Левъ Толстой и социаль-демократія“. Изд. № 50 журнала „Искра“. Изданіе „Марія Малыхъ“. Типографія „Народная Польза“. Цѣна 4 коп. 1906 годъ.

5. В. 21° Сеп. 1908

ЗА МИРЪ — ПРОТИВЪ ВОЙНЫ!

Извѣстная германская писательница, Берта Сутнеръ, неумоимо ратующая противъ войны, — этого позорнаго бича современной культуры, — собрала любопытные отзывы коронованныхъ лицъ, великихъ писателей и выдающихся ученыхъ по вопросу о всеобщемъ мирѣ.

Приводимъ наиболее интересные изъ нихъ.

Изъ письма Толстого

къ Бертѣ Сутнеръ.

Чѣмъ старше становлюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь, что дѣло, которому мы служимъ, все болѣе и болѣе приближается къ часу своего торжества... Переворотъ неизбежно повлечетъ за собою прекращеніе или, вѣрнѣе, невозможность не только войны, но и всякаго насилія. Если я буду разсуждать временно и возможностью сказать что-либо, заслуживающее появиться въ вашемъ сборникѣ, я сочту за удовольствіе послать вамъ это*.

Chère Madame

Plus j'avance en âge plus je me convaincs que la cause que vous défendez est la plus juste et la plus en faveur de l'humanité et de son avenir.

Si j'ai le temps et la possibilité de vous écrire, j'espère que mon article paraîtra dans votre recueil. Je vous prie de m'excuser de ne pas vous l'avoir adressé plus tôt. Je vous prie de m'excuser de ne pas vous l'avoir adressé plus tôt. Je vous prie de m'excuser de ne pas vous l'avoir adressé plus tôt.

Très respectueusement, Léon Tolstoï

Оригиналъ 21° Сеп. 1908

Учебныя дѣла.

Въ с.-петербургскомъ университетѣ. Студентами с.-петербургскаго университета, въ числѣ 3,500 человекъ, рѣшено отправить приветственную телеграмму Л. Н. Толстому по случаю исполнявшагося 80-лѣтія со дня рожденія великаго писателя.

5. В. 21° Сеп. 1908

Въ кругу духовномъ.

Петербургский подражатель о. Кречетовича.

Выступавшій въ саратовской городской думѣ противъ Л. Н. Толстого протоиерей Кречетовичъ напечаталъ себя подражателя въ лицѣ протоиерея перкинъ Андрея Критского, кто при экспедиціи заготовления государственныхъ бумагъ, — Ф. Н. Орнатского.

От. Орнатскій, какъ и его саратовскій собратъ, состоитъ въ мѣстной городской думѣ представителемъ православнаго духовенства.

19-го сентября, послѣ тримѣсячнаго лѣтнаго перерыва, открылись обычныя засѣданія петербургской думы, и однимъ изъ первыхъ дѣлъ, которымъ пришлось заняться гласнымъ, было утверждение программы чествованія городомъ 80-лѣтія Л. Н. Толстого.

Протоиерей Орнатскій попросилъ по этому случаю слова.

«Вопросъ о чествованіи графа Толстого уже предѣштенъ», сказалъ онъ: «но я обязанъ исполнить свой долгъ священника и высказаться противъ чествованія».

«Вы скажете, что чествуемъ его не какъ вѣроотступника, а какъ великаго балетриста, какъ недавно чествовали Тургенева».

«Но такъ ли это?»

«Вспомните, при какихъ обстоятельствахъ возникла мысль о чествованіи Толстого».

«Въ немъ забыли автора „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“ и видѣли только противоправительственного борца и писателя богопротивныхъ сочиненій».

«Вотъ вы хотите назвать его именемъ одинъ изъ городскихъ училищныхъ дѣмовъ».

«Да не одинъ епископъ не пойдеть освящать такой домъ!»

«А что долженъ будетъ дѣлать тамъ законоучитель, видя на стѣнѣ портретъ вѣроотступника, исковеркавшаго Евангеліе?»

«Нѣтъ, господа, такое чествованіе сѣдуетъ признавать не своевременнымъ».

«Но если вы не согласитесь съ этимъ, то необходимо по крайней мѣрѣ подчеркнуть, что вы чествуете графа Толстого какъ балетриста».

«Иначе я боюсь, что враги власти истолкуютъ ваше постановленіе по-своему».

Гласные однако не вняли убѣжденіямъ о. Орнатскаго и краспорѣчие его никакъ плодовъ не принесло.

«Представитель духовнаго вѣдомства нѣсколько опоздалъ», возразилъ гласный Кривенко: «теперь уже не-возможно возвращаться къ перешедшему вопросу».

А гласный А. Н. Никитинъ весьма убѣдительно далъ понять представителю духовенства, что выпадъ его противъ Толстого не приведетъ ровно ни къ какимъ результатамъ.

«Что бы мы ни сказали, Толстой останется на своемъ пьедесталѣ», заявилъ онъ.

Программа чествованія была принята безъ измѣненій, и такимъ образомъ саратовской шумихи вокругъ этого дѣла утратить не удалось.

М. 8-въ.

Нов. Русс. 21^е Сент. 1908

◆ Первое общее собраніе Коломенскаго общества образованія, состоявшееся 20 сентября, подъ предѣтельствомъ проф. П. Ф. Лесгафта было посвящено чествованію Л. Н. Толстого.

Правленіе Коломенскаго общества намеревалось устроить это чествованіе въ день юбилея Толстого, но тогда администрація не разрѣшила устройства собранія, ссылаясь на то, что уставъ Коломенскаго общества образованія не предусматриваетъ возможность чествованія общественныхъ дѣятелей и писателей.

Проф. А. К. Воровдінъ прочелъ лекцію о педагогическихъ воззрѣніяхъ Л. Н. Толстого. Онъ указалъ, что главная заслуга Л. Н. Толстого въ педагогикѣ состоитъ въ томъ, что Л. Н. первый указалъ на необходимость самаго бережнаго отношенія къ личности ученика и учителя. Только та школа хороша, въ которой не третируется ни личность ученика, ни личность педагога.

Проф. П. Ф. Лесгафтъ также указалъ на это основное воззрѣніе Л. Н. Толстого и добавилъ, что это мнѣніе Л. Н. необходимо съ особымъ усердіемъ пропагандировать, такъ какъ въ русской семьѣ еще очень сильны крѣпостнические инстинкты, которые особенно проявляются при воспитаніи дѣтей, какъ наиболее слабыхъ существъ.

Собраніе постановило послать привѣтственный адресъ Л. Н. Толстому, и поручило П. Ф. Лесгафту и А. К. Воровдину выработать соответствующій телеграммъ.

Затѣмъ проф. Лесгафтъ прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности Коломенскаго общества образованія.

Въ настоящее время на средства общества содержатся элементарная и средняя школы, библиотека и читальня и вечерніе курсы для взрослыхъ. Библиотека и читальня функционировали все лѣто, и замѣчательно, что за все время функционированія этихъ учрежденій не наблюдалось ни одного случая пропажи или порчи книгъ.

На вечернихъ курсахъ обучаются до 300 человекъ, среди которыхъ очень много живущихъ на самыхъ дашекъ окраинахъ, на Огтѣ, Петербургской сторонѣ и пр. Несмотря на это, курсы посѣщаются весьма аккуратно. На курсахъ преподаютъ 27 учителей, всѣ безвозмездно. Всѣ учрежденія Коломенскаго общества образованія помѣщаются въ биологическую лабораторію, которая предоставляетъ безплатную квартиру, освѣщеніе, отопленіе и пр.

Нов. Русс. 21^е Сент. 1908

Въ городской думѣ.

Несмотря на протестующую рѣчь о. Орнатскаго гор. дума утвердила и одобрила полностью программу чествованія Толстого такъ, какъ предлужено общее присутствіе управы. Постановлено: 1) отпустить 14,000 р. на устройство 4 столовыхъ для бѣдныхъ, 2) 4 тысячи — на содержаніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ бѣдныхъ дѣтей въ качествѣ интерновъ, 3) выдать сборникъ произведеній писателя, ассигновать на это 10 тысячъ руб., 4) помѣстить во всѣхъ городскихъ школахъ портреты писателя, на что отпущено 1000 руб., 5) назвать именемъ Толстого двѣ начальныя городскія школы, 6) отпустить въ распоряженіе благотворительной комиссіи на степендіи учащимся 1,200 руб., 7) назвать именемъ Л. Н. Толстого новый училищный домъ.

Нов. Русс. 21^е Сент. 1908

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Кнутъ с.-р.-н.

(Le sabre de mon père).

Дубровицъ (меланхолическое соло).

Кнутъ волшебный, дальнобойный,
Что виснѣшь ты на стѣнѣ?
Революціи «разбойной» —
Побѣдителей ты въ войнѣ.

Думу первую (кадетскимъ
Это сборище зовутъ)
Ты размахомъ молодецкимъ
Не разсылаѣ ли, нашъ кнутъ?
И вторую, «злую» Думу
Ужъ не тыль загналъ въ тюрьму,
Гдѣ сидитъ она безъ шуму
Въ одиночномъ терему?

Ты, свистѣи надъ головами,
Усмирѣя «волнения», кнутъ?
И свернѣмъ съ ихъ правами —
Отъ тебя бывалъ кануть...

Ты при помощи охраны,
Пролитавшей своей балъзамъ,
Исцѣляя отъ изны раны —
(Поводъ къ радостнымъ слезамъ...)

Ты свистѣлъ не по пустому
И въ теченіе этихъ дней:
Злому старчищу Толстоку
Но даль справить юбилей.

Пусть въ народѣ безъ капычекъ
Самолетъ волшебный чтутъ,
Милъ намъ въ силу всѣхъ привычекъ
Самохлестъ, волшебный кнутъ.

Ты спасаешь Русь родную;
Всѣмъ бы, кнутаикъ, ты хороша,
Если бѣ въ кассу, ахъ, пустую!
Ты привлекъ хотя бы грошъ!

Ни конѣйки отъ «миллионовъ!»
Иль не вижу нашъ товаръ?
Иль совсѣмъ безъ легионовъ
Остается новый Варъ?

Кнутъ волшебный, дальнобойный,
Что виснѣшь ты на стѣнѣ?
Неужели, другъ достойный,
Ты ужъ больше не въ цѣнѣ?

Бой-Мотъ.

Примъ 21-Сеп. 1908

Роман 21-го сент. 1908

„Толстого и 1 человек“

(Один из эпизодов при праздновании юбилея Л. Н. Толстого).

I.

Как и вся города нашего необъятного отечества, глухой провинциальный городок N. также желал устроить публичное чествование гр. Л. Н. Толстого 28 августа 1908 года.

Граждане городка превосходно знали, что на пути их невинного стремления встретятся обычные «истинно-русские» препятствия, а потому, по русскому обычаю, еще задолго до юбилея великого писателя стали ломать головы, изыскивая «обходные пути», чтобы тем или иным способом «добиться разрешения».

Послѣ многочисленных, совершенно конспиративныхъ сообщаній по этому опасному вопросу, они не нашли ничего лучше, какъ обратиться за помощью къ Западной Европѣ, въ лицѣ директора со- сѣднаго рельсопрокатнаго завода, сэра Манчестера, который, какъ подданный могущественной и свободной Великобританіи, въ зависти N-скихъ обывателей, рѣшительно никого и ничего не боялся.

Но, къ сожалѣнію, сэръ Манчестеръ

только понималъ русскую рѣчь, а говорить по-русски весьма плохо; N-цы же вовсе не говорили и совершенно ничего не понимали по-англійски.

Въ силу такого рода обстоятельствъ, инициаторы чествованія Толстого отправили депутата въ губернский городъ къ уроженцу N-ска, Антону Леонидовичу Глинскому, преподававшему англійскій языкъ въ коммерческомъ училищѣ.

Послѣдній охотно согласился помочь своимъ землякамъ въ ихъ культурномъ начинаніи, прибылъ въ родное гнѣздо, поѣхалъ сэра Манчестера и передалъ ему просьбу соотражданъ.

Англичанинъ не только обещалъ исполнить желаніе N-цевъ, но благодарилъ за оказанную ему честь, хотя никакъ не могъ понять, — зачѣмъ понадобилось его содѣйствіе.

Онъ превосходно былъ знакомъ съ произведеніями Толстого, которые въ англійскомъ переводѣ находились въ его библиотекѣ, зналъ, что чествовать великаго писателя собирается весь міръ и просто недоумѣвалъ, — какимъ же образомъ встрѣчаются для этого терпѣн на родинѣ гени.

— Но это фактъ, — объяснилъ Глинскій, — и не только чествованіе тормозится, но духовные и гражданскіе реакціонеры, называя всемірнаго писателя «антихристомъ», грозятъ проклятіемъ всѣмъ, кто будетъ участвовать въ празднованіи юбилея.

— Проклятіе?! — воскликнулъ сэръ Манчестеръ, — но это бывало только въ средніе вѣка...

— Мы имъ и подражаемъ въ XX вѣкѣ и при существованіи народнаго представительства.

Англичанинъ таращилъ глаза, пожималъ плечами, и немало понадобилось Антону Леонидовичу времени, чтобы уяснить свободному британцу условія русской жизни.

Когда, наконецъ, онъ понялъ, въ чемъ суть, Глинскій добавилъ:

— Вотъ почему, сэръ, мы просимъ, чтобы вы отъ своего имени ходатайствовали передъ исправникомъ о разрѣшеніи чествованія Толстого. Я же явлюсь къ нему, будто бы, по вашей просьбѣ, въ качествѣ переводчика.

Англичанинъ расхохотался и съ большимъ удовольствіемъ согласился продолжать все, что отъ него требовалось.

Онъ облекся въ фракъ и пару, надѣлъ цилиндръ и въ прекрасномъ заводскомъ экипажѣ, запряженномъ парю великолѣпныхъ лошадей, покатылся съ Антономъ Леонидовичемъ къ квартирѣ исправника.

II.

Уѣздный начальникъ, Карлъ Григоръ-

евичъ Кятелевъ, и побавался сора Манчестера, и получалъ отъ завода весьма приличное вознагражденіе, а потому встрѣтилъ онъ директора и Глинскаго съ распростертыми, какъ говорится, объятіями.

Тучная, топорная фигура исправника приобрѣла не свойственную ей оластичность, а грубое, одутловатое лицо его съ краснымъ носомъ и гигантскими усами улыбалось почти вѣчно.

Н-скіе граждане, особенно, такъ называемые «низшіе классы», ни за что не узнали бы своего грознаго «барина», если бы видѣли, какъ онъ лебезилъ въ присутствіи сора Манчестера.

Когда, по предложенію Кятелева, англичанинъ и учитель сѣли въ широкія кресла, посабдіи, по знаку сора Манчестера, изложили причину визита.

— Господишь директоръ,—сободилъ исправника Глинскій,—пригласилъ меня съ собою въ качествѣ переводчика...

— Чѣмъ могу быть полезенъ?—перебилъ исправникъ, глядя и на англичанина, и на учителя.

Серъ Манчестеръ молча ткнулъ пальцемъ въ сторону Глинскаго, и тотъ продолжалъ:

— По просьбѣ своихъ соотичей, то есть англичанъ, серъ Манчестеръ желаетъ организовать публичное чествованіе великаго писателя русской земли графа Льва Николаевича Толстого...

— Толстого?!—съ выраженіемъ ужаса на лицѣ воскликнулъ исправникъ, какъ ужаленный, вскочивъ съ кресла,—но это пнево-мож-но! Не дайте, какъ вчера, у меня былъ отецъ протоіерей и, смываясь на святѣйшій синодъ, требовать, чтобы я не только не разрѣшалъ чествовать Толстого, но чтобы отдавъ былъ приказъ почтово-телеграфной конторѣ—задерживать 27 и 28 августа телеграммы на имя Толстого и записывать лицъ, которыя дадутъ свои подписи.

Глинскій хотѣлъ перевести сказанное исправникомъ, но англичанинъ самъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, покраснѣвъ отъ негодованія, схватился съ кресла и попросилъ учителя передать Кятелеву, что онъ, серъ Манчестеръ, лично отправится съ ходатайствомъ не только къ губернатору, но готовъ поѣхать въ Петербургъ.

— Но что же мнѣ дѣлать?!—съ видомъ отчаянія пробасилъ исправникъ,—вѣдь поимно же, господа, самъ святѣйшій синодъ, вѣщающа въ это дѣло, си-но-о-дъ!... Ахъ, этотъ Толстой! Вотъ гдѣ онъ у меня сидитъ!..

Кятелевъ похлопалъ своєю широкою ладонью затылокъ и продолжалъ:

— Долженъ замѣтить, что самъ я отношусь къ нему совершенно безпристрастно, такъ какъ, говори между нами, вовсе не читалъ его: сорокъ лѣтъ служу я по полициі.

а это такая служба, что, ей-Богу, нить времени заниматься чтением.

Сэр Манчестер расхохотался и просил учителя передать исправнику, что Толстой так же велик, как Шекспир.

Глинский переаг, а Толстой спросил:

— Кто это Шекспир?

— Великий английский драматург.

— На счет Шекспира у меня не имеется никаких предисаний, и я полагаю, что кь его чествованию препятствий не встретится...

Сэр Манчестер и Глинский покатались со смеху; исправник, не поняв причины веселья их, сам стал хохотать, полагая, что это он сказал нечто въ высшей степени остроумное.

— Пусть смейся, но разочаровывайте его, — сказал Антону Леонидовичу англичанин, — не передайте, чтобы онъ отъ моего имени непременно обратился къ высшимъ властямъ.

Глинский перевел исправнику слова директора, и Кителевъ далъ слово, что сегодня же сдѣлаетъ запросъ губернатору и по полученіи отвѣта тотчасъ же уведомятъ сэра Манчестера.

— Но ему нужно получить этотъ отвѣтъ не позже 25—26 августа, — замѣтилъ Глинский.

Кителевъ обѣщавъ просить по телеграфу объ ускореніи отвѣта, и также любезно проводилъ своихъ гостей, какъ и встрѣтилъ ихъ.

III.

Когда, по просьбѣ N—дева, Антонъ Леонидовичъ узналъ въ канцеляріи губернатора, что «ходатайство сэра Манчестера уважено и 25 августа исправнику посланъ соответствующій отвѣтъ», онъ того же 25-го августа съ вечернимъ поздравомъ отправился въ N—скъ, чтобы сообщить своимъ знакомымъ пріятную вѣсть и уведомятъ сэра Манчестера.

Послѣдній долженъ былъ 26-го августа отправиться къ исправнику съ цѣлью получить официальное разрѣшеніе на чествованіе Толстого.

Интеллигенція же N—ска утромъ названнаго дня собралась у мѣстнаго городского судьи и съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія англичанина.

Около 12 часовъ дня сэр Манчестеръ возвратился отъ исправника съ такимъ недоумѣвающимъ выраженіемъ, что всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ воскликнули:

— Что съ вами, сэр Манчестеръ?!

— Поль Толстого и одинъ человекъ! — поманымъ русскимъ языкомъ воскликнула англичанка, потрясая бумагой, которую держалъ въ рукѣ.

Присутствующіе переглянулись, ничего не понимая.

Сэр Манчестеръ, передавъ гласному бумагу, сказалъ ему по-английски:

— Недоразумѣніе мое будетъ вѣсьмъ понятно, когда узнаете содержаніе отвѣта

губернатора. Прочтите его.

Антонъ Леонидовичъ развернулъ бумагу и внятно прочелъ:

«На отношеніе вашего высочордія отъ сего 24-го августа за № 6034 и телеграмму отъ того же дня, его превосходительство приказалъ уведомятъ, что ходатайство директора Z—скаго рельсо-прокатнаго завода, Великобританскаго подданныго, господина Манчестера, можетъ быть удовлетворено лишь въ отношеніи первой половины дѣятельности писателя Толстого, не отрицаемой и св. синодомъ, но отнюдь не второй, безусловно отрицаемой. При этомъ его превосходительство считаетъ необходимымъ предупредить, что публичное чествованіе писателя Толстого никакимъ образомъ не можетъ сопровождаться митингами, демонстраціями и собраніями».

Гомерическій хохотъ ослепилъ комнату, когда Глинский кончилъ бумагу.

— Теперь все понятно! — воскликнулъ судья: — сэр Манчестеръ безусловно правъ, — дѣйствительно, разрѣшается чествовать только «полъ Толстого» и «одному человеку», такъ какъ собраніе воспрещается...

Сэр Манчестеръ, обращаясь къ Глинскому, сказалъ по-английски:

— Я понялъ содержаніе бумаги, но, плохо владея русскимъ языкомъ, никакъ не могъ разъяснить исправнику всю ея неясность. Необходимо вамъ со мною къ нему пойти.

Предложеніе директора было принято, а интеллигенція осталась ждать депутатовъ у судьи.

Послѣ разъясненія Глинскаго, исправникъ согласился, что отвѣтъ губернатора равносильно запрещенію чествованія, но онъ категорически отказался «вступитъ въ препирательство съ его превосходительствомъ», предложивъ составить запросъ начальнику губерніи отъ имени сэра Манчестера, который, запросъ, онъ, Кителевъ, и препроводитъ губернатору.

Такъ и сдѣлали.

Отвѣта, однако, на запросъ не получалось.

N—дамъ такъ и не удалось чествовать родного писателя.

Въ утѣшеніе имъ осталось лишь фраза англичанина: « $\frac{1}{2}$ Толстого и 1 человекъ».

Встрѣчая другъ друга, она произносили ее, подражая выговору сэра Манчестера, и хохоту до упада.

Сэр же Манчестеръ послалъ въ одну изъ англійскихъ газетъ обширную корреспонденцію, въ которой привелъ и подлинный отвѣтъ губернатора.

И. П. Бѣлоконскій.

Архипастырскія невдачі.

Письмо изъ Саратова.

Не довольствуясь своими собственными проповѣдями противъ Л. Н. Толстого, епископъ Гермогенъ разослать по церквамъ саратовской епархіи приказаніе читать и раздавать во время богослуженій „Братскій Листокъ“, гдѣ помѣщена его проповѣдь съ анатемой Толстому. Нѣкоторые священники не рѣшились читать листки цѣликомъ и ограничидься туманнымъ пересказомъ съ опущеніемъ наиболее рѣзкихъ выраженій. Послѣ этого среди темныхъ прихожанъ даже въ Саратовѣ пошли толки о „новомъ святомъ старцѣ“ или даже о новоявленныхъ „мощахъ“, которыми духовенство будто бы желаетъ скрыть и не признавать. Въ большинствѣ же случаевъ анатемствованіе Толстого въ церквахъ, по отзывамъ священниковъ, встрѣчено было прихожанами безучастно или даже съ недоумѣніемъ. Были отдѣльные случаи протестовъ, о чемъ теперь начали получать свѣдѣнія. Такъ, уже сообщалось по телеграфу о случаяхъ въ Озеркахъ, сарат. у., гдѣ прихожане рѣзко оборвали ретиваго гермогеновца. „Если хочешь ругать кого, то иди къ тому, и ругайся, а въ церкви мы твоей ругани слышать не желаемъ.“ — таковы были смыслъ заявленій крестьянъ. Теперь получено аналогичное сообщеніе изъ с. Николаевскій Городокъ того же уѣзда: крестьяне начали прерывать проповѣдь священника, но въ дѣло вмѣшалась полиція, которая и „возстановила порядокъ“ въ церкви. Въ цѣляхъ вѣщаго воздѣйствія на умы епископъ Гермогенъ распорядился устраивать по селамъ неслыханныя служенія на улицахъ и притомъ по ночамъ, причемъ обязательно должны быть прочитываемы и раздаваемы проповѣди противъ Толстого. Но эти торжественныя службы терпятъ разныя невдачі. Такъ, во время службы въ с. Бековѣ, сердобского у., начался большой пожаръ, и крестьянамъ стало не до проповѣди. Въ с. Тадовкѣ, аткарскаго у., несмотря на оповѣщенія, начатыя за недѣлю къ торжественному ночному бѣднію явилось лишь нѣсколько старушекъ; притомъ было холодно, дулъ вѣтеръ, и духовенство рѣшило, что читать и раздавать проповѣди невозможно, да и не кому. Въ городѣ обратили вниманіе, что и самъ епископъ послѣднюю свою бесѣду въ музыкальномъ училищѣ провелъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ, причемъ коснулся юбилея Толстого лишь вскользь, и притомъ въ какомъ-то стилѣ грусти и разочарованія. Отсутствие имени Гермогена среди членовъ св. синода новаго состава комментируется на всѣ лады, но преобладаетъ мнѣніе, что саратовскую епископскую кathedру скоро займетъ другое лицо.

Рига 21го Сент. 1908

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Духовные черносотенцы.

В то время, как председатель союза русского народа А. И. Дубовицъ привлекается по ст. ст. 37, 103, и 128 за напечатание въ «Русскомъ Знамени» статьи Айвазова: «Кто такой Л. Н. Толстой», эта отнюдь знаменитая статья, съ благословения епархіальныхъ архіереевъ, усиленно распространяется среди православнаго населенія провинцій. Мало того, она даже дается для заучиванія наизусть духовному учащемуся юношеству. Такъ, въ Вяткѣ, по извѣстіямъ мѣстной газеты, статья Айвазова, съ благословения еп. Филарета, была въ «благотребномъ» количествѣ, 6000 экземпляровъ, отпущена отдѣльной брошюрой и не только разослана въ качествѣ приложенія всѣмъ волынскимъ и невольнымъ подписчикамъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, но была роздана и всѣмъ воспитанникамъ духовной семинаріи. Причемъ выдача брошюръ носила своеобразный внушительный характеръ. Семинаристы по очереди вызывались къ инспектору и получали отъ него по экземпляру «новыхъ правилъ поведения» и по брошюрѣ Айвазова. Официальнымъ тономъ внушалось семинаристамъ, что означенную брошюру московскаго миссіонера Айвазова каждый изъ нихъ долженъ обязательно прочесть, чтобы умѣть отвѣтить на основаніи этой брошюры на вопросы начальства. Такова-де воля начальства, добавлялъ инспекторъ г. Онтликъ. Семинарской молодежи оставалось вынуждѣнъ наизусть эту черносотенную брошюру, подъ угрозой экзамена и немилости со стороны начальства. Новый приемъ агитаціи! Дѣло съ брошюрой, однако, сначала подвигалось туго. И только съ того времени, какъ извѣстна стала конфискація «Кодокола» и «Русскаго Знамени», успѣхъ брошюры значительно поднялся. Но, конечно, нельзя отказать во влияніи на успѣхъ брошюры и архипастырскому «на сіе» благословенію. Не даромъ и г. Онтликъ, помпезно выдававшій брошюру питомцамъ, разумѣль, конечно, подъ «волю начальства» не фактъ напечатанія статьи въ № 34 «Церковныхъ Вѣдомостей», а именно благочестивое желаніе мѣстнаго владыки. Тѣмъ болѣе, что г. Онтликъ особенно обязанъ своему епи-

скопу. Г. Онтликъ попалъ въ инспектора семинаріи благодаря синодальнымъ правиламъ 5 сентября 1907 г. и архипастырской любви къ нему еп. Филарета. Обычно на отвѣтственныхъ административныхъ должностяхъ въ духовныхъ семинаріяхъ назначаются лица монашескія, готовящіяся къ епископскому званію. Изъ свѣтскихъ на эти должности попадаютъ очень рѣдко, въ случаяхъ исключительныхъ, напр., по родству съ синодальными, притомъ лица почтеннаго возраста и по особеннымъ заслугамъ. Между тѣмъ г. Онтликъ лицо свѣтское и человѣкъ сравнительно еще очень молодой: едва ли ему есть даже 30 лѣтъ. Особенныхъ заслугъ за нимъ также нѣтъ. И если онъ есть, то составляетъ тайну. Что касается синод. указа 5 сентября 1907 г., то этотъ указъ даетъ епархіальнымъ архіереямъ исключительную власть надъ духовными семинаріями и училищами. Епископъ можетъ, по своему усмотрѣнію, не только лишить должности преподавателя, но даже устранить и административное лицо и замѣнить своимъ кандидатомъ. Большая половина епархіальныхъ архіереевъ еще не вошла во вкусъ этихъ новыхъ своихъ полномочій. Но вятскій епископъ оказался едва ли не всѣхъ догадливѣе, воспользовавшись широко воспользоваться своимъ правомъ. Г. Онтликъ дѣло не единственный примѣръ. Впрочемъ, можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ и другіе епархіальные владыки поспѣшатъ посадить въ своихъ районахъ, гдѣ только хлѣбъ есть, своихъ присныхъ. И тогда успѣхи православія и благочестія въ духовной школѣ, а также и «борьба» съ невірными, подъ сѣбно черносотеннаго стяга, въ извѣстномъ смыслѣ будетъ обезпечена.

Н. О.

Прочт. 21-го Сент. 1908

◆ Первое общее собрание Коломенского общества образования, состоявшееся 20 сентября, под председательством проф. П. Ф. Лесгафта было посвящено чествованию Л. Н. Толстого.

Правление Коломенского общества намеревалось устроить это чествование в день юбилея Толстого, но тогда администрация не разрешила устройства собрания, ссылаясь на то, что устав Коломенского общества образования не предусматривает возможность чествования общественных деятелей и писателей.

Проф. А. К. Воровин прочел лекцию о педагогических воззрениях Л. Н. Толстого. Он указал, что главная заслуга Л. Н. Толстого в педагогике состоит в том, что Л. Н. первый указал на необходимость самого бережного отношения к личности ученика и учителя. Только та школа хороша, в которой не третируется ни личность ученика, ни личность педагога.

Проф. П. Ф. Лесгафт также указал на это основное воззрение Л. Н. Толстого и добавил, что это мнение Л. Н. необходимо с особым усердием проагандировать, так как в русской семье еще очень сильны крепостнические инстинкты, которые особенно проявляются при воспитании детей, как наиболее слабых существ.

Собрание постановило послать приветственный адрес Л. Н. Толстому, и поручило П. Ф. Лесгафту и А. К. Воровину выработать соответствующий текст.

Затем проф. Лесгафт прочел краткий отчет о деятельности Коломенского общества образования.

В настоящее время на средства общества содержатся элементарная и средняя школы, библиотека и читальня и вечерние курсы для взрослых. Библиотека и читальня функционируют все лето, и замечательно, что за все время функционирования этих учреждений не наблюдалось ни одного случая пропажи или порчи книг.

На вечерних курсах обучаются до 300 человек, среди которых очень много живущих на самых далеких окраинах, на Охте, Петербургской стороне и пр. Несмотря на это, курсы посещаются весьма аккуратно. На курсах преподают 27 учителей, все безвозмездно. Все учреждения Коломенского общества образования помещаются в биологической лаборатории, которая предоставляет бесплатную квартиру, освещение, отопление и пр.

Нов. Рус. 22-е Сент. 1908

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВѢСТИ.

Aylmer Maude, — один из лучших переводчиков Л. Толстого на английский язык — выпустил первый том обширной биографии русского писателя. (The Life of Tolstoy. First Fifty Years. By Aylmer Maude. Constable). Она написана по тем же неизвестным дневникам и письмам, которыми пользовался и г. Вирюков в своей биографии Толстого, но английский писатель подверг этот материал более тщательной литературной обработке. А. Maude долго жил в Москвѣ и был в личных дружеских отношениях с Толстым.

Слов 23-го сент. 1908

— 20 сент. состоялось первое общее собрание коломенского общества образования, посвященное чествованию Л. Н. Толстого.

Председательствовал проф. П. Ф. Лесгафт. Несвоевременность созыва собрания объясняется тем, что в день юбилея Толстого администрация, ссылаясь на устав коломенского общества, не разрешила собрания.

Послѣ прочтения проф. А. К. Бородиным лекции о проповѣдях Л. Н. Толстымъ взглядах на воспитание собрание постановило послать Толстому правительственный адрес, текст которого поручило выработать П. Ф. Лесгафту и А. К. Бородину.

Комитет литературного фонда устраивает литературный вечер в честь Л. Н. Толстого. Вечер предположен в залѣ Тенишева на 12 октября.

Слов 23-го сент. 1908

Отъ с.-петербургскаго родительскаго кружка. 27-го сентября, въ 8 1/4 в. (ул. Глинки, 6), состоится первое въ текущемъ учебномъ году засѣданіе. Предметы занятій: 1) докладъ С. Л. Франка: нравственное учение Л. Н. Толстого. 2) Докладъ Б. В. Успенскаго: ясно-полянская школа Л. Н. Толстого и его взгляды на воспитаніе и образованіе. 3) Докладъ А. К. Бородина: педагогика въ произведеніях Л. Н. Толстого.

Слов 23-го сент. 1908

— 20 сентября состоялось общее собрание коломенскаго района лиги образования, посвященное чествованію Л. Н. Толстого. Личность Л. Н. Толстого была освѣщена въ рѣчахъ проф. А. К. Бородинна и П. Ф. Лесгафта. Оба оратора отметили основныя черты ученія Л. Н. Толстого и остановились главнымъ образомъ на его педагогическихъ воззрѣніяхъ.

А. К. Бородинъ, говоря о заслугахъ Л. Н. Толстого въ педагогикѣ, напомнилъ, что Л. Н. первый указалъ на необходимость бережнаго отношенія къ личности ученика.

Проф. Лесгафтъ подчеркивалъ, что педагогическія воззрѣнія Л. Н. Толстого необходимо распространять въ обществѣ, такъ какъ старыя приемы педагогики, направленные къ умаленію и униженію личности, еще живы и понынѣ.

Собраніе поручило А. К. Бородину и П. Ф. Лесгафту послать Л. Н. Толстому привѣтственную телеграмму отъ имени собранія.

Рече 23-го сент. 1908

Въ обществахъ и союзахъ.

Въ лигѣ образования. 22-го сентября въ правленіи лиги образования состоялось совѣщаніе, посвященное всецѣло вопросу объ организаціи чествованія Л. Н. Толстого. Кроме членовъ правленія въ совѣщаніи принимали участіе скульпторъ И. Гиндбургъ, Е. Н. Чириковъ, артистъ Н. Ходотовъ. Выработку программы рѣшено поручить особой комиссіи.

Б.В. 23-го сент. 1908

Здоровье Толстого.

ТУЛА, 24-го сентября. Л. Н. Толстой вполне оправился отъ болѣзни и ходитъ по комнатамъ. Ежедневно онъ совершаетъ въ коляскѣ прогулки по окрестностямъ.

Б.В. 24-го сент. 1908

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Pro domo sua.

(Октавы).

Печать! Печать! Какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца русскихъ «истинныхъ» слылось!
У нихъ всегда гостиница наготовѣ
Едва о ней рѣчь завести пришлось.
«Знаменниковъ» мечта—(она не выноетъ!)
— Когда бы печать всю издернуть

удалось!—
И утѣшаясь въ томъ, что нѣтъ недиски,
Они готовить кандидатовъ списки...
Но Эргелевъ, подымая взоры въ небо,
Восторга гимнь щебечетъ, голоситъ:
«Счастливая печать! Въ синихъ Феба
Предъ нею горизонтъ безоружно чистъ.
Ничто не угрожаетъ ей. Безъ хлѣба
Теперь не насадится журналистъ.
Когда жъ въ Икесты онъ сидеть (можетъ
статься).

Онъ можетъ чаемъ съ сахаромъ питаться
«Какъ? Говорятъ, что здѣсь бываютъ
кары?

И что не мало шишекъ на голову
Ужъ приняли газетные Макары?
Не бредъ ли то, не сонъ ли на яву?
Безъ всякихъ каръ прекрасно я живу.
Все отъ мозны—о штрафахъ тары-бары.
А, напримеръ, кого ужъ не травлю.
Но отъ репрессій все же не терплю!
Мой Пинкергоузъ, отстать онъ не желаетъ.
Отъ клика всѣмъ извѣстныхъ голосовъ,
Въ день юбилей на Толстого звать,
(Знать онъ слышитъ!),—изъ лающихъ онъ

псовъ.
Но въ юбилей—кто юбилей справляетъ?
На то опредѣленныхъ нѣтъ часовъ.
Минуетъ юбилей—тогда наивно
Намъ разрѣшать Толстого читать
примѣрно.

Конечно, утѣшенія очень кстати,
(Видъ и тонуть пріятный съ пузырьремъ!)
Но здѣсь печать закона о печати,
Хоть октябрьскіе и смотритъ сентябремъ,
И отъ него, козъ строго разберемъ,
Довольно трудно ждать намъ благодати,
Недаромъ Хомяковъ совѣтъ намъ далъ:
— На вашемъ мѣстѣ я бы обождалъ!—
Бой-Котъ.

Росс. 24-е Сент. 1906

♦♦ На состоявшемся 22 сентября при
лиги образования организационномъ со-
брании комисіи по устройству вечера въ
честь Л. Н. Толстого, кромѣ членовъ со-
бѣта лиги присутствовали нѣсколько пи-
сателей, художниковъ и артистовъ, въ
томъ числѣ И. Е. Рѣшнѣ, Д. Н. Овсян-
нико-Куликовскій, Е. Н. Чириковъ, Н. П.
Ходотовъ, г. Самойловъ, И. И. Судьбининъ
и др. Вечеръ предполагается устроить въ
первой половинѣ октября. Рѣшено про-
сить А. К. Глазунова принять на себя
трудъ по организациіи музыкальной части
вечера. Художественно-декоративная часть
поручена И. Е. Рѣшнѣ и И. Я. Гинц-
бургу. Въ литературномъ отдѣлѣ примутъ
участіе Е. Н. Чириковъ, В. Г. Королен-
ко, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, Н. Н.
Котляревскій и др. Постановку пьесы при-
няли на себя артисты Н. Ходотовъ, Са-
мойловъ и И. Судьбининъ.

♦ 12-го октября въ залѣ Тенишев-
скаго училища состоится вечеръ литера-
турнаго фонда посвященный Л. Н. Тол-
стому, съ участіемъ артистовъ импера-
торскихъ театровъ и известныхъ пи-
сателей.

Рассвѣтъ 24-е сент. 1908

На состоявшемся 22 сентября засѣ-
даніи Лиги образования постановлено въ
среднихъ числахъ октября устроить вечеръ
въ честь Л. Н. Толстого. Выработать про-
грамму вечера поручено И. Е. Рѣшнѣ,
И. Гинцбургу, Троянскому, проф. Овсянни-
ко-Куликовскому, Е. Чирикову, Е. И. Карпо-
ву, Юрьеву, Самойлову, Судьбинину, Гла-
зунову и Висципову. На вечерѣ будутъ
представлены 4 отдѣла: театра, художества,
литературы и музыки.

Снобсѣ 24-е сент. 1908

— Литературно - художественный кру-
жокъ выдалъ заимообразно П. А. Сергѣен-
ко 3,000 руб. на изданіе толстовскаго
сборника. По возвращеніи г. Сергѣенко
этихъ денегъ, они поступятъ въ непри-
косновенный фондъ имени Л. Н. Тол-
стого.

Снобсѣ 24-е сент. 1908

Сегодня московскимъ комитетомъ по дѣ-
ламъ печати конфискована біографія Л. Н.
Толстого, составленная Бирюковымъ, и от-
четъ о дѣятельности по оказанію помощи
голодающимъ комитета общественной помо-
щи голодающимъ, состоявшимъ при широкон-
скомъ обществѣ врачей.

Б. Б. 25-е сент. 1908

Конфискація брошюры.

Сегодня московскимъ комитетомъ по
дѣламъ печати конфискована біографія
Л. Н. Толстого, составленная Бирюко-
вымъ.

Сос. Коп. 25-е сент. 1908

Здоровье Л. Н. Толстого.

ТУЛА. По полученнымъ здѣсь изъ Яс-
ной Поляны свѣдѣніямъ, здоровье Л. Н.
въ настоящее время совершенно восстано-
вилось. Л. Н. снова принялся за ра-
боту, дѣлаетъ небольшія прогулки пѣш-
комъ и ежедневно подолгу катается въ
коляскахъ по окрестностямъ.

Сос. Коп. 25-е сент. 1908

Въ Ясной Полянѣ.

Тула. По полученнымъ здѣсь изъ Яс-
ной Поляны свѣдѣніямъ, здоровье Л. Н. въ на-
стоящее время совершенно восстановилось.
Л. Н. снова принялся за работу, ежедневно
совершаетъ небольшія прогулки пѣшкомъ и
ежедневно подолгу катается въ коляскахъ по
окрестностямъ.

Рассвѣтъ 25-е сент. 1908

♦ Сегодня, 25 сентября, въ залѣ со-
бѣта императорской академіи художествъ
состоится общее собраніе художниковъ-
архитекторовъ для чествованія Л. Н.
Толстого. Въ программу входятъ: 1) И. Е.
Рѣшнѣ—Всѣмъ о Толстомъ, 2) К. Н.
Арабакинъ—Толстой какъ художникъ и
мыслитель, 3) Д. Н. Николаевъ—Архи-
тектура съ точки зрѣнія Толстого объ
искусствѣ. Начало въ 8 ч. вечера.

Рассвѣтъ 25-е сент. 1908

♦ Въ нѣкоторыхъ газетахъ сообще-
лось, что чиновнику особымъ порученіемъ
при оберъ-прокурорѣ св. синода Сивор-
цову отпущено изъ суммъ св. синода
10,000 руб. на изданіе общедоступныхъ
брошюръ по поводу (предстоящаго)
празднованія дня рожденія Л. Н. Тол-
стого.

Сообщеніе это, какъ заявляетъ освѣд.
бюро, вѣрно. Никакихъ ассигнованій
на изданіе брошюръ по случаю праздни-
ковъ дня рожденія Л. Н. Толстого св.
синодомъ не производилось.

Рассвѣтъ 25-е сент. 1908

Библиографія.

И. П. Бирюновъ. Біографія г-р. Л. Н. Толстого. Томъ II. Часть III и IV. Изданіе «Посредника». Спб. 1908.

Второй томъ прекраснаго труда П. И. Бирюнова охватываетъ періодъ дѣятельности Л. Н. Толстого отъ «Казановъ» до религіозно-философскихъ произведеній, т. е. отъ начала 60-хъ до начала 80-хъ годовъ.

Біографъ подробно рассказываетъ о возникновеніи двухъ основныхъ произведеній Толстого — «Войны и Мира» (1864—1868) и «Анны Карениной» (1874/5—1877/8). На вторую половину этой столь плодотворной въ литературномъ отношеніи эпохи надетъ глубокий духовный переворотъ, увлеченій гениальнаго романиста отъ чисто-художественнаго, хотя и одушевленнаго великими вопросами, творчества, къ чистому, уже внѣ искусства, исканію смысла жизни. Здѣсь, помимо личныхъ событій (смерть 5 близкихъ людей въ продолженіе одного года), обращаетъ на себя вниманіе пристальное изученіе Шопенгауэра (конецъ шестидесятыхъ годовъ) и глубоко-значительное письмо къ Страхову по поводу книги послѣдняго «Міръ какъ цѣлое». Въ письмѣ (отъ начала 70-хъ годовъ) уже содержится опредѣленіе «добра», какъ безусловнаго нравственнаго долга.

Данныя изъ переписки Толстого и отрывки изъ его дневника показываютъ совершенно бесспорно, что, создавъ Анну Каренину, Толстой уже «боготѣлъ» (или горѣлъ?) философій.

Во второмъ томѣ изъ чисто біографическихъ, мало извѣстныхъ широкой публикѣ фактовъ приведена рѣчь Толстого на военномъ судѣ въ защиту рядового Шибунина (1868 г.) и встрѣча Толстого съ Тургеневымъ въ 1879 году.

З.

В. В. Сиповскій. — Исторія русской словесности. 3 части въ 5 книгахъ. 1908 г. Изданіе бр. Башмаковыхъ.

Послѣдній выпускъ книги Сиповскаго посвященъ писателямъ 40—60 годовъ; этотъ

выпускъ начинается съ указанія на общее значеніе русской литературы 19-го вѣка, переходитъ къ писателямъ Пушкинской школы, отъ нихъ къ Лермонтову, Огареву Тютчеву, Майкову, Полонскому, Некрасову и такъ до Льва Толстого, Достоевскаго и Чернышевскаго. Достаточно сказать, что въ учебникѣ, предназначенный для старшихъ классовъ гимназій, вошелъ романъ Герцена «Кто виноватъ», за одно чтеніе котораго еще такъ недавно «не хвалили», чтобы повѣрить, что мы все-таки идемъ впередъ. Правда, для пониманія того значенія, какое Герценъ имѣлъ для Россіи, коротенькій сухой отзывъ г. Сиповскаго даетъ мало: вѣдь Герценъ порицалъ русскую дѣятельность не только Николаевской эпохи, которую теперь и учебникамъ позволяютъ порицать. Но важно во всякомъ случаѣ, что въ канонъ русской литературы для средней школы вошелъ цѣлый рядъ писателей: не считая возможнымъ провозгласить здѣсь какую-нибудь тенденцію, В. В. Сиповскій ограничился введеніемъ новаго научнаго матеріала въ исторію литературы прежнихъ вѣковъ и введеніемъ цѣлой группы новыхъ русскихъ писателей въ кругъ изученія средней школы. Такъ, напр., послѣ «ладенной водицы» Незеленовскихъ учебниковъ, которымъ суждено теперь остаться развѣ въ институтахъ, трезвая, немного сухая, но научная проза г. Сиповскаго представляетъ очень симпатичное впечатлѣніе.

Литературно-общественный дневник.

Толстой и толстовцы.

В своей красивой статье о Л. Н. Толстом В. Г. Короленко («Р. Бог.» № 8) отказывается от старинного догмата, видящего непреходящую пропасть между Толстым-художником и Толстым-проповедником. Напротив, Толстого—реалистического мыслителя В. Г. Короленко выводит из Толстого-художника.

«На безрадостном распутии», когда Толстой, по его признанию, был близок к самоубийству, он, «видеть сон»: проповедь Учителя (Христа) и себя в числе его учеников. Этот сон художника и сдвигает из Толстого-пророка «судяя первого века», который «изумленными глазами» видит, как мало наша жизнь согласована с официально признанным учением Христа и простыми, сильными своей простотой словами говорить нам: не убий! не лги! Так как художник Толстой знает только дворян-землеладельцев и крестьян-земельщиков, то и проповедь мыслителя опирается на факты этого известного ему бытия. Быть людей «среднего сословия», горожан, интеллигентов Толстому мало знаком, поэтому-то для него и оказывается чуждой и непонятной вся сложность нашей жизни.

Такова концепция В. Г. Короленки. Много в ней справедливого... но все-таки... Вот недавно Г. Бирюков сообщил крайне важный факт, что в дневниках Л. Н. Толстого под 1854, кажется, годом записана мечта о проповеди нового религиозного учения, о намерении сдвинуть религиозных реформаторов. В самом начале своей литературной деятельности, когда Толстой еще мало кто знает, мечта религиозного реформатора свердела уже его ум и сердце. Характерно, что даже и содержание предвосхищей перед глазами Толстого религиозной реформы было похоже, конечно, в самых общих чертах, на то учение, с которым он выступил, сорвав лишь спуск. В этой короткой записи в дневник характерно и признание Л. Н. Толстым того, что религиозная реформа—дело нескольких поколений, что один должен начать, а уже ученики продолжать дело учителя, будучи допущены, толкованы, приспособлены к жизни.

Сам Толстой, конечно, и есть тот, кто должен начать. Он—инициатор. Он сам не признает разделения труда. Он дѣлает все. Разделение труда должно начаться уже в сдвигующем поколении, в ряду его учеников...

В. Г. Короленко объясняет непонимание Л. Н. Толстым сложности современной жизни тем, что он мало знаком с бытом горожанина, особенно интеллигента. Объяснение едва ли достаточное. Вот, напр., один из учеников Толстого, крестьянин-самоучка писатель С. Семенов рассказывает в «Вестн. Евр.» (№ 9), как Л. Н. Толстой доказывал ему, что передвигаться пешком дешевле, чем ѡхать по желѣзной дороге.

Семенов-крестьянин никак не мог этого понять. Л. Н. ему объяснял: «А вот как. Возьмем просто рабочего, который получает 6 руб. въ мѣсяц, 20 коп. въ день. Чтобы довѣхать от Москвы до Петербурга, ему нужно купить билет и заплатить около 9-ти рублей. Чтобы скопить 9 рублей, ему нужно проработать полтора мѣсяца, если он пойдет пешком, он дойдет съ небольшимъ въ два недѣли»...

С. Семенов на это разсужденіе ничего не отвѣтил. Но если взять пылвшаго крестьянина, даже не изъ бойких, то онъ сразу же отвѣтитъ Толстому, что проѣздъ по желѣзной дорогѣ отниметъ у него день, а на другой онъ сможетъ уже зарабатывать, тогда какъ, проходя по 40 верстъ въ день пѣш-

комъ, онъ недѣли два-три не будетъ имѣть ни копейки заработка... Что при безработицѣ передвигаться пѣшкомъ и побираться при этомъ дешево, чѣмъ ѡхать по желѣзной дорогѣ, когда нѣтъ денегъ на билетъ,—это наши рабочіе отлично знаютъ. Но когда есть работа...

Все это, конечно, элементарно. А между темъ, несомнѣнно, Л. Н. Толстой говорил Семенову съ полной вѣрой въ свои слова, искренно считая правильнымъ то, что говорилъ... Тутъ говорилъ, конечно, не «удѣл первого века», а дѣйствительно психологическій типъ религиознаго инициатора, мысль котораго неизбежно устремлена въ одну точку и движется къ ней примымъ путемъ, не оглядываясь по сторонамъ. Въдѣ надо сознаться, что многое изъ того, что высказано было Толстымъ объ искусствѣ, наукѣ, политикѣ, по своей логичности не убѣдительно приверженнаго доказательства о дешевизнѣ пѣшаго хожденія. Но душа Л. Н. Толстого и его умъ органически не преломлять раздѣленія труда. Онъ дѣлаетъ все самъ и для него ходить пѣшкомъ дешевле, чѣмъ ѡхать по желѣзной дорогѣ.

Этимъ должны были бы заняться его ученики, которымъ приходилось бы утѣрпѣваться на міру и поневоѣ дѣлать трудъ и рождать іерархію.

Имѣ, конечно, и приходилось ежедневно сталкиваться съ такими вопросами. Объ этомъ много любопытнаго можно найти въ статьѣ В. Р. въ «Минувшихъ Годкахъ» (сентябрь). Тамъ, между прочимъ, разсказана такая красочная эпизодъ. У толстовцевъ въ колоніи остался ненужный имъ лѣсъ. Сосѣдніе крестьяне хотѣли его купить. Толстовцы напѣли, что продавать лѣсъ, который Богомъ вырощенъ,—грѣхъ, собрали крестьянъ и предложили имъ взять бревна даромъ, заплативъ лишь по 20 к. съ бревна за очистку лѣса. Крестьяне бревна взяли, а потомъ, заявивъ, что значить и тотъ участокъ, изъ котораго бревна вывезены, Божій и изъ него всякій можетъ рубить, сколько ему нужно, прѣхали и стали сами рубить въ рощѣ колонистовъ. Тѣ признали правоту крестьянъ: «Да, и всякій можетъ рубить, сколько кому надо».

«Результатъ этихъ словъ былъ поразителенъ». Крестьянъ наѣхала такая масса (прибыли и изъ сосѣдней деревни), что изъ-за лѣса началась свалка. Толстовцы испугались, какъ бы дѣло не дошло до убійства, установили «очередь» для желающихъ получать лѣсъ и наняли сторожа. А сторожъ кончилъ тѣмъ, что сталъ съ крестьянъ брать вѣянки и продавать имъ лѣсъ. Такъ толстовцы восстановили современную «полицейскую государственность» въ худшемъ ея видѣ... Если бы въ этой колоніи жилъ самъ Толстой, результатъ получился бы, конечно, тотъ же...

На міру толстовская проповѣдь должна подмергнуться большимъ измѣненіямъ.

Толстой ждалъ сильныхъ, дѣловыхъ и выдержъ съ тѣмъ твердыхъ въ вѣрѣ учениковъ, а для себя жаждалъ мучениче-

ства. Недаромъ С. Семеновъ меланхолически замѣчаетъ: «Мнѣ думается, подберись вокругъ Толстого не такіе люди, которые его болѣе частью оуракутъ, а другого умственнаго и нравственнаго порядка, оцѣни они болѣе его духовный строй и пожелай болѣе дѣятельно осуществлять его идеалы, а не бояться, какъ бы чего изъ этого не вышло, то они могли бы завербовать въ ряды исповѣдниковъ новаго христіанства огромныя массы»...

А. С. Изгоевъ.

Прим. 25-го Сент. 1908

Священник и Толстой.

Изъ Саранула.

Надъ священникомъ о. Н. Блиновымъ, 80-лѣтнимъ старцемъ, подлостіи носящимъ іерейскій санъ, производится въ настоящее время слѣдствіе, въ виду отношенія и. д. вятскаго губернатора, кн. Горчакова, на имя вятскаго епископа Филарета, отъ 4 іюля с. г. за № 1434.

Документъ этотъ мы приводимъ цѣликомъ.

«Ваше преосвященство, милостивѣйшій архипастырь!

До свѣдѣнія моего дошло, что священникъ г. Саранула о. Николай Блиновъ, какъ послѣдователь Л. Н. Толстого, является лицомъ крайне преднаго въ политическомъ отношеніи направленія; гдѣ только возможно, конечно, не открыто, онъ всѣхъ возстановляетъ въ духѣ анти-правительственномъ, является лицомъ крайне озлобленнымъ и въ этомъ направленіи воздѣйствуетъ на другихъ; поддерживая знакомство съ бывшимъ членомъ Государственной Думы священникомъ Петровымъ, онъ во всѣхъ слояхъ общества пріобрѣтъ названіе «крайняго лѣваго». Объ этомъ имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего преосвященства.

И. д. вятскаго губернатора, церемоніймейстеръ Двора Его Императорскаго Величества кн. С. Горчаковъ».

Въ силу этого отношенія преосвященный Филаретъ предписалъ саранульскому духовному правленію произвести формальное слѣдствіе. Результатомъ этого явился новый интересный документъ, содержащій рядъ вопросовъ, на которые предлагается престарѣлому о. Н. Блинову дать немедленный отвѣтъ.

Вотъ эти вопросы:

1) Признаете ли вы себя послѣдователемъ Л. Н. Толстого?

2) Если не признаете, то чѣмъ докажете это?

3) Знакомы ли вы лично съ бывшимъ членомъ Государственной Думы, священникомъ Петровымъ, лишеннымъ уже священническаго сана?

4) Не имѣете ли съ нимъ переноски и по какимъ вопросамъ?

5) Не можете ли вы сказать, что послужило поводомъ и основаніемъ къ предъявленію къ вамъ тѣхъ обвиненій, которыя изложены въ вышеприведенномъ отношеніи и. д. вятскаго губернатора за № 1434?

6) Съ кѣмъ вы знакомы въ г. Сарануль?

Рига 25-го Сент. 1908

Аресты на книги.

24 сентабря московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы біографія Л. Н. Толстого, составленная Бирюковымъ, и отчетъ о дѣятельности комитета по оказанію помощи голодающимъ при пироговскомъ обществѣ врачей.

Рига 25-го Сент. 1908

В некоторых газетах сообщалось, что чиновнику особых поручений при обер-прокуроре св. синода, Сковрцову, отпущено из сумм св. синода 10,000 руб. „на издание общедоступных брошюр по поводу (предстоящего) празднования дня рождения Л. Н. Толстого“.

Сообщение это неутрачено. Никаких ассигнований на издание брошюр по случаю празднования дня рождения Л. Н. Толстого св. синодом не производилось.

Ист. Рубл. 25-го Сент. 1908

Изг. Харькова. Постановление уездного земского собрания об открытии 8 школ в честь Л. Н. Толстого и украшении этих школ портретами великого писателя вызвало письменный протест со стороны гг. И. М. Бича-Лубенского, в котором, называя Л. Н. Толстого еретиком и богоотступником, харьковский «зубрь», между прочим, пишет: «Удивляюсь, что никто не предложит именовать остальные школы именем не менее знаменитого, в своем роде, Ивана Мазепы... Вот уж констатация: мели Емеля...»

Б.В. 26-го Сент. 1908

* Департамент народного просвещения запросил, утверждено ли губернатором постановление Киевской городской думы об учреждении на городские средства в средних учебных заведениях стипендии имени Л. Н. Толстого («К. М.»).

Рубл. 26-го Сент. 1908

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЕСТИ.

Скульптором И. Гинцбургом в настоящее время заканчивается интересная работа—проект юбилейной медали в честь Л. Н. Толстого. Писатель изображен еп. фасе. Сходство с оригиналом большое. В скором времени Гинцбургом будет отлита из бронзы посылка исполненная им статуетка великого писателя, которую он изваял из воска в Ясной Поляне в августе текущего года.

Рубл. 26-го Сент. 1908

ОТГОЛОСКИ.

Осведомительное бюро опровергает сообщение столичных газет о том, что св. синод выдал издателью «Колокола», г-ну Сковрцову, десяти тысячную сумму: «Никаких ассигнований на издание брошюры по случаю празднования дня рождения Л. Н. Толстого св. синодом не производилось».

Конечно, со стороны Осведомительного Бюро такое опровержение является двойной любезностью—и по отношению к синоду, и по отношению к г. Сковрцову. Но вся беда в том, что газета г-на Сковрцова—«Колокол»—не только не опровергает фантасматической суммы, но как будто утверждает даже св. синод за слишком тяжелыми условиями этой суммы:

«Ведь деньги, что взяты займообразно,—говорит эта газета,—г. Сковрцов, во всяком случае, обязан был возвратить, так как печатание и издание брошюры на свой счет являлось лишь процентами за сумму. За 10 т. затратить несколько тысяч на %? А не слишком ли это крупный %?».

Таким образом, скворцовская газета признает и сумму, и брошюры, на издание которых она была выдана, и не признает лишь права св. синода на слишком высокие «проценты».

Очевидно, Осведомительное Бюро придется написать еще одно опровержение и мы, с своей стороны, можем лишь пожелать, чтобы второе опровержение было разумнейшим первым.

Кстати, было очень похвально, если бы наряду с вопросом о сумме Осведомительное Бюро выяснило и вопрос о способе ее погашения. Дело в том, что, по сведениям столичной прессы, г. Сковрцов перевел все свое имущество на имя жены,—газета же «Колокол» уверяет, что не все, что г. Сковрцов оставил за собой не только право на издание своей газеты и не только книжную лавку с товаром на 200 руб.,—но еще и типографию.

Таким образом, по свидетельству скворцовской газеты выходит, что денег на погашение суммы хватить, а по свидетельству «Осведомительного Бюро» выходит, что никакой суммы не было и в помине.

Рубл. 26-го Сент. 1908

МАЛЕНЬКИЙ РЕМБЕТОНЪ.

Попова ко была.

Вамъ, какъ мужу высокой государственной мудрости, хорошо известно, что для деревни, полъ пожаровъ, конокрадство самое острое несчастіе.

На районъ въ 12 деревъ, вотъ сколько у насъ этихъ воровъ: «Петрушка-Сухорукій», «Петрушка-Хромой», «Захаръ», «Цыганъ-Сергѣй», «Зеновей», «Ипать», «Антитяпъ».

5-го сентября у меня увелъ кобылицу, стоила 200 рублей.

Изъ открытаго письма священника къ П. А. Столыпину, въ «Рус. Зн.» отъ 23-го сентября.

— Да, дорогой мой,—сказалъ дѣдушка,—сильный былъ человекъ нашъ министръ... Кобы не эта проклятая кобылица, много бы лѣтъ еще продержался онъ на посту... Ужъ какія ему подножки подставляли — всегда выходилъ побѣдителемъ... Ну, а на кобылицѣ напоролся, споткнулся на этой кобылицѣ... Теперь поди въ имѣніи у себя сидишь, межуары пишешь.

— Какая же это, дѣдушка, была кобыла?—спросилъ внучекъ.—Рыжая, что ли, али вороная?

— Да неизвестно!—сказалъ дѣдушка.—Не отыскалась вѣдь она. А ужъ какъ искали! Слѣдователи по самымъ важнѣйшимъ дѣламъ выѣзжали искать эту попову кобылу, прокуроры. Иеромонахъ Иллѣодоръ на всю губернію анаемею наложилъ, докладъ не отыщется кобыла. Что было! Айвазовъ, миссіонеръ, выѣзжалъ народъ усовѣщевать. Думали, вѣдь, что это дѣло рукъ Толстого. А кто говорилъ—Мялюкова.

— А что же министръ?

— Министры-то нашъ, надо правду сказать, сплеховалъ. Ему бы надо сейчасъ же какъ только получилась попова жалоба, созвать всѣ кабинеты министровъ, назначить въ Чашники да въ Кубаровку по диктатору, а Петрушку Сухорукаго съ Зиновеемъ и Сережку-Цыгана предать скорому суду.

— А онъ?

— А онъ, небось, велѣлъ отправить попову жалобу губернатору да тѣмъ и копчилъ. А тѣмъ временемъ Зиновей можетъ успѣть кобылу татарамъ продать на жаркое.

— Неужели же министръ былъ такой легкомысленный?

— На всякую старуху бываетъ проуха. Не сообразилъ политическаго момента, или, какъ она тамъ называется—конъюнктура, что ли? Онъ думалъ, вѣрно, что это простая кобыла, а за нее встать грудью, какъ одинъ человекъ, весь русскій народъ. Слыхалъ, чай, отъ копеечной свѣчки Москва сгорѣла. То же и кобыла. Кобыла кобылѣ розъ.

— Наверно это было внушительно, когда весь русскій народъ выступилъ за попову кобылу.

— Это было, братецъ ты мой, рѣдкое зрѣлище. Сначала пошлѣ телеграммы—тысячи телеграммъ, и всѣ съ требованіемъ, чтобы непремѣнно розыскать попову кобылу. Потомъ пошлѣ, значитъ, депутаціи эти, процессіи, знамена, собранія. Однимъ словомъ, говорю тебѣ, весь русскій народъ взыбился. Одинъ спороходъ изъ Армавира министру письмомъ прислалъ, съ требованіемъ, чтобы вышлѣлъ съ нимъ на кулачки драться. Крайніе правые въ Думѣ сейчасъ запросъ за запросомъ: «Почему приняты мѣры къ розыску ильковой шубы, украденной у жиды Шельмензона, а мѣры къ розыску поповой кобылы не приняты? Почему подвергнуть скорому суду членъ совѣта русскаго народа, стѣнушій у кадета самоваръ, а Зиновей и Петрушка Сухорукій, ушедшіе попову кобылу, не преданы?» Ну, конечно, не выдержалъ министръ, закатался. Знаешь, говорятъ: мѣръ—великъ

человѣкъ. Ну, а ужъ совѣтъ всего русскаго народа—громадный человекъ. Противъ всего народа, какъ противъ рожна,—не погрѣшь. Сѣбя таки!

— Жалко,—сказалъ внучекъ,—умный былъ человекъ.

— То-то умный,—возразилъ дѣдушка,—а политическаго соотношенія силъ не учувалъ. Ему бы надо всю власть на ноги поставить да вернуть попу его кобылу. А онъ думалъ, небось, попова кобыла—пустяки. Нѣтъ, братъ, попова кобыла не пустяки, когда за нее вся правая часть Думы—словомъ весь русскій народъ, какъ одинъ спороходъ.

Внучекъ задумался. Дѣдушка выколотилъ пепель въ погашеній трубки и зарядилъ ее опять...

Влад. Азовъ.

Руса 26 Сеп. 1908

Въ честь Л. Н. Толстого.

25 сентября общество архитекторов-художников чествовало Л. Н. Толстого. Залъ совета академіи художествъ, гдѣ обыкновенно происходятъ засѣданія общества, былъ переполненъ художниками, учащими и многочисленной публикой.

И. Е. Рѣпинъ поѣхалъ съ собиравшимися своими воспоминаніями о встрѣчѣ съ Л. Н. Толстымъ и далъ характеристику личности Л. Н.

— О Толстомъ такъ много написано и сказано,—началъ И. Е. Рѣпинъ,—что моя бесѣда врядь ли дастъ вамъ что-либо новое. Я видѣлъ много интересныхъ людей, но никто не поражаѣлъ меня своей величиной такъ, какъ Толстой. Когда я встрѣтился въ первый разъ съ Толстымъ, меня удивило въ немъ какое-то необыкновенное сочетание духовной фигуры со всемъ складомъ русской души, съ самой сутью русскаго народа. Я познакомился съ нимъ въ періодъ его душевнаго перелома, когда онъ боролся съ «дьяволами». Я говорю «съ дьяволами» потому, что Толстой въ этомъ отношеніи напоминаетъ подвизниковъ, старающихся освободиться отъ искушающаго ихъ дьявола. Въ Толстомъ характерно это стремленіе къ пошлцу, которое, вообще, при- сущее всей русской душѣ, всей русской литературѣ. Толстому посылаютъ проклятія, обвиненія въ отсутствіи въ немъ религіозности, но онъ именно глубоко религіозенъ, и вся его дѣятельность—это та борьба, которую вели съ собой христіанскіе искатели правды.

Для характеристики религіознаго настроенія Толстого И. Е. Рѣпинъ напомнилъ слѣдующій эпизодъ.

— Однажды,—говорилъ И. Е.,—мы прогуливались съ Толстымъ и вдругъ онъ обратилъсь ко мнѣ и говорить: «Уйдите, я хочу помолиться». Я попросилъ у него разрѣшенія спрятаться за кусты и срисовать его. Онъ ушелъ, но потомъ согласился и добавилъ: «Я къ вамъ привыкъ».

Когда я рассказатъ объ этомъ,—продолжалъ Рѣпинъ,—В. Соловьеву, онъ замѣтилъ: «Да, это традиціонный приѣздъ подвизниковъ, которые доводятъ себя до восторженнаго экстаза и начинаютъ проповѣдывать».

На Толстого, по мнѣнію Рѣпина, вліяніе имѣли молокопе. Характеризуя отношеніе Толстого къ подвизамъ, И. Е. Рѣпинъ указываетъ на то, что когда къ Л. Н. пришли скопцы и спросили его, что онъ думаетъ о нихъ, Л. Н. замѣтилъ: «Да, я вами поражаюсь, но то, что вы дѣлаете, я не раздѣляю».

— Когда я впервые познакомился съ Толстымъ, это былъ расквашенный аристократъ, желавшій поборотъ «дьявола». Потомъ я видѣлъ его проповѣдникомъ, затѣмъ человѣкомъ практической дѣятельности, желавшимъ накормить голодныхъ, а теперь это праведникъ, уже стоящій за порогами жизни, святой, все постигшій и все простившій.

На описъ портретъ, замѣтилъ въ заключеніе И. Е., не дастъ вернаго отраженія лица пышнаго Толстого.

Сообщеніе И. Е. Рѣпина было выслушано съ глубокимъ вниманіемъ.

Затѣмъ К. И. Арабакинъ прочиталъ докладъ о Толстомъ, какъ о художникѣ и мыслителѣ. Разбирая произведенія Толстого, ораторъ указалъ, что въ нихъ вышла самая яркое отраженіе вся стилистическаго со всѣми ея перекличками. Творчество Л. Н. Толстого, по мнѣнію К. И. Арабакина, исключительно субъективно. Сравнивая Л. Н. Толстого съ Шекспиромъ ораторъ находилъ, что въ противоположность Шекспиру—этому художнику совершенно чуждыхъ ему настроеній—Толстой отразилъ въ своемъ творчествѣ всего себя. Какъ мыслитель, Л. Н. Толстой самая драматическая личность. Весь міръ поэтовъ его поклонниковъ, по «хрониконъ» у него мало. Въ заключеніе своего интереснаго доклада К. Арабакинъ высказалъ убѣжденіе, что юбилей Толстого это именити человѣчества. Я увѣренъ, закончилъ К. Арабакинъ, что наступитъ время, когда въ университетахъ будутъ открыты спеціальные курсы для изученія творчества Толстого.

Въ заключеніе г. Николаевъ прочиталъ докладъ на тему: «Архитектура съ точки зрѣнія Толстого на искусство».

Речи 27-го Сент. 1908

Запрещеніе собранія.

27 сентября въ с.-петербургскомъ родителскомъ кружкѣ должно было состояться собраніе въ честь Л. Н. Толстого. На повѣстку были поставлены доклады: С. Л. Франка—«Нравственное ученіе Толстого», В. В. Успенскаго—«Якопольская школа и взгляды Толстого на образованіе и воспитаніе» и проф. Воробьянина—«Педагога въ произведеніяхъ Толстого».

По обыкновенію председателемъ кружка Н. С. Карцовымъ были приглашены на собраніе именными повѣстками и въ-которыми лица, несостоящіе членами кружка; по извѣстиямъ въ педагогическомъ и ученѣмъ мірѣ. Одновременно съ разсказкой повѣсткой председатель извѣстилъ о предполагавшемся собраніи и мѣстную пошцію.

На извѣщеніе это послѣдовали со стороны канцеляріи с.-петербургскаго градоначальства запросъ, сколько человѣкъ приглашено на собраніе и всѣ ли приглашенные лично извѣстны председателю кружка. Н. С. Карцовъ письменно сообщила канцеляріи, что всего разослано около 150 повѣстокъ, въ томъ числѣ 90 членамъ кружка и 60 лицамъ, хорошо ему извѣстнымъ, и что при входѣ на собраніе повѣстки по обыкновенію будутъ провѣряться.

24 сентября полиція увѣдомила Н. С. Карцова, что с.-петербургскій градоначальникъ не нашелъ возможнымъ допустить собраніе кружка, такъ какъ въ уставѣ послѣдняго не указывается на право приглашать на собранія гостей. Если же разсматривать указанное собраніе, говорится въ извѣщеніи полиціи, какъ публичное, то оно не можетъ быть допущено, такъ какъ темы предполагаемыхъ докладовъ не касаются узко-учебныхъ вопросовъ, для которыхъ позволяется устраивать публичные чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Речи 27-го Сент. 1908

МОСКВА

(По телефону)

27-го сентября.

Въ виду постановленія городской думы
открыть читальню имени графа Л. Н. Тол-
стого, Финансовая комиссія при городской
управѣ вноситъ въ городскую думу предло-
женіе объ ассигнованіи на устройство библио-
теки 10 тысячъ рублей и на содержаніе би-
бліотеки ежегодно по 5 тысячъ рублей.

Б. Б. 28^е сеп. 1906

Разныя извѣстія.

Рѣдкій случай. Въ ростовской-на-дону думѣ обсуждался вопросъ о чествованіи Л. Н. Толстого. Были положены два прошенія горожанъ, каждое съ 200 подписей, изъ которыхъ въ одномъ требовалось поставить вопросъ о чествованіи Л. Н. на очередь, а въ другомъ—снять его съ повѣстки. Финансовая комісія думы предложила назвать именемъ Толстого одну школу и Извольскій спускъ. Начались пренія. Поднялся, конечно, дикія черносотенныя рѣчи (особенно отличался гл. Чирикѣвъ). Но, ко всеобщему удивленію, вождь мѣстныхъ правыхъ гл. Севастьяновъ произнесъ пріятную рѣчь. Вотъ что онъ сказалъ (цитируемъ по «Приаз. Краю»):

«Мнѣнія нашихъ гражданъ въ данномъ вопросѣ раздѣлились. Несомнѣнно, что Толстой своимъ ученіемъ потрясаетъ государство, церковь, судъ и другія установленія, но онъ своимъ ученіемъ создалъ громадную аудиторію, къ его словамъ прислушивается весь просвѣщенный міръ. Каждый новый трудъ по выходѣ въ свѣтъ моментально переводится на всѣ языки земного шара. Человѣкъ громадной эрудиціи и обширнаго гения, онъ создалъ великія литературныя памятники. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ людской неправды и подобенъ античному Сократу... Тотъ отрицалъ поклоненіе языческимъ богамъ, и судъ республики приговорилъ его къ смерти, но тогда общество было однородное, оно жило одними взглядами, одной моралью. Португальскія сивитаны для одного составляла поруганіе для всѣхъ. Теперь мы живемъ въ другое время, когда общественныя взгляды и настроеніе выражаются различно отдѣльными группами: что для одного свято, то для другого свято. Изъ-за разнорѣчій нравственныхъ и политическихъ взглядовъ мы не уничтожаемъ одинъ другого. Общественное учрежденіе, какъ дума, не можетъ служить выразительницей взглядовъ какой-либо отдѣльной группы. Московскій старовѣръ Солодовниковъ принесъ православною Москвѣ обширные дары, и она достойнымъ образомъ почтила трудъ и дѣятельность Солодовникова. Такъ и въ отношеніи Толстого мы должны достойнымъ образомъ почтить этого великаго писателя. Намъ скажутъ, что онъ писателъ статьи, несогласная съ духомъ православія, но у насъ рядомъ съ православными храмами стоятъ мечети, синагоги, костелы, развѣ отъ этого умалялось значеніе православной вѣры, развѣ отъ этого

ослабло православіе—ничего подобнаго. Не мѣстью и преслѣдованіемъ создается торжество религіи. Ростовская дума не должна руководствоваться партійными интересами. Если мы отбросимъ устои этихъ взглядовъ, тогда увидимъ великаго русскаго челоѣка и мыслителя, пробуждавшаго національное самосознаніе. Одинъ очеркъ, прочитанный мною въ раннемъ дѣтствѣ, пробудилъ во мнѣ безконечную любовь къ моей родинѣ и не въ одномъ во мнѣ, а во множествѣ людей. Въ этомъ заключается сила и заслуга творческаго гения Толстого. Пройти молчащимъ 80-лѣтіе челоѣка, составляющаго гордость націи, было бы недостойно со стороны городского управленія. Невозможно молчать, когда весь міръ чувствуетъ великаго писателя и мыслителя».

Дума рѣшила назвать именемъ Толстого Извольскій спускъ, а предложеніе о школѣ отклонила.

Речь 28го Сент. 1908

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВѢСТИ

Обращаемъ вниманіе читателей на выдающийся по мастерству и художественности исполненія портретъ гр. Л. Н. Толстого работы извѣстнаго художника Пастернака. Техника Пастернака въ рекомендаціи не нуждается; интересна въ данномъ случаѣ техника воспроизведенія оригинала художника. Передъ зрителемъ подлинный рисунокъ, сдѣланный четырьмя карандашами; сдѣловъ механическаго воспроизведенія при избранномъ способѣ замѣтить совершенно невозможно; сохраняется полная иллюзія оригинальнаго рисунка. Подобнаго результата невозможно достигнуть никакими обычными строгомеханическими способами воспроизведенія. Характеръ копій болѣе или менѣе грубой, болѣе или менѣе искажающей подлинникъ, всегда остается. «Оригинальная литографія» есть особый способъ, при которомъ художникъ работаетъ на камнѣ самъ лично, вплоть до послѣдней стадіи—полученія готоваго оттиска. На Западѣ этотъ способъ получилъ въ послѣднее время широкое распространеніе, благодаря именно тому, что съ его помощью устраняется тотъ характеръ ремесленности и трафаретности, который такъ опогнилъ олеографію, хромофотографію и грозитъ опогнить даже трехцвѣтную цинкографію. «Оригинальная литографія» не можетъ шокировать самаго взыскательнаго вкуса.

Речь 28го Сент. 1908

Городскія дѣла.

♦♦ Какъ извѣстно, Толстовскій комитетъ обращался въ с.-петербургскую городскую думу съ просьбой о поддержкѣ проектируемаго дома-музея имени Толстого.

Городская уличная комісія, на разсмотрѣніе которой поступило это ходатайство, высказалась противъ его удовлетворенія томъ основаніи, что по установившимся традиціямъ, петербургская городская дума поддерживаетъ лишь существующія просвѣдательныя учрежденія, представившія отчетъ хотя бы за первый годъ своей дѣятельности. Вновь возникающія же городомъ не субсидируются.

Речь 28го Сент. 1908

МОСКВА.

(По телефону). 27 сентября.

Читальня имени гр. Толстого.

Въ виду постановленія городской думы открытъ читальня имени графа Л. Н. Толстого, финансовая комісія при городской управѣ вноситъ въ городскую думу предложеніе объ ассигнованіи на устройство бібліотеки 10 тыс. руб. и на содержаніе бібліотеки ежегодно 5 тыс. руб.

Речь 28го Сент. 1908

Изъ Москвы.

(по телефону)

28 сентября.

Вчера въ здании московскаго университета состоялось собраніе общества любителей русской словесности. Обсуждался вопросъ о чествованіи 80-ти-лѣтняго юбилея графа Л. Н. Толстого. Постановлено устроить торжественное засѣданіе, на которомъ будетъ прочитанъ докладъ о Толстомъ, а затѣмъ будутъ прочитаны выдержки изъ его произведеній. Для детальной разработки программы и опредѣленія дня засѣданія избрана коммисія, въ которую вошли профессоръ Веселовскій, приватъ-доценты Давыдовъ, Сапуричъ и бюро общества.

Н. Рогов 20^е Сеп. 1908

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ).

КАЗАНЬ, 28. Вчера въ казанскомъ университетѣ получена официальная бумага о созданіи министерства народнаго просвѣщенія на избраніе Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ университета.

Н. Рогов 20^е Сеп. 1908

Левъ Толстой и міръ.

(По телеграфу и телефону отъ нашихъ корреспондентовъ).

Въ Ясной Поляне.

По полученнымъ въ Петербургѣ свѣдѣніямъ, Л. Н. Толстой въ день своего юбилея чувствовалъ себя совершенно бодрымъ, самъ читалъ всѣ письма, телеграммы, привѣтствія.

Вчера весь день телеграфная станція Засѣка была положительно завалена работой. Принято было болѣе двухъ тысячъ телеграммъ. Почти половина телеграммъ изъ Лондона, Парижа, Берлина, Стокгольма, Копенгагена, Нью-Йорка, Берна, Вѣны, Рима, Константинополя, Софии, Валенс-Вадена, Карлсбада, Праги, Христианіи, Дублина, Милана, Кракова, Мюнхена, Гааги, Нью-Деліи, Брюсселя. Нарочные не успѣвали развозить этихъ телеграммъ. На станціи Засѣка нахалось множество извозчиковъ привозившихъ публику въ Ясную Поляну. Прибывавшихъ масса. Особенно дали много представителей учены общества Москвы, Казани, Кіева и Харькова.

почетнымъ членамъ многихъ иностранныхъ академій и университетовъ. Дипломы будутъ препровождаться въ Ясную Поляну.

Графъ Толстой бодръ и выйдетъ сегодня на встрѣчу прибывающимъ со станціи Засѣка.

Въ Петербургѣ.

На петербургскихъ телеграфныхъ станціяхъ также было замѣтно увеличеніе количества телеграммъ.

Изъ Петербурга въ Ясную Поляну посланы слѣдующія привѣтственными телеграммы.

1) Отъ трудовой группы, 2) отъ железнодорожныхъ служащихъ подъѣздовъ путей, 3) отъ литературно-художественнаго общества, 4) отъ женскаго медицинскаго института, 5) отъ сиб. родительскаго кружка, 6) отъ редакціи „Газеты-Копьика“, 7) отъ телефонистокъ сиб. свѣтл., 9) отъ академіи наукъ, 10) отъ сиб. сектантовъ, 11) отъ труппы театра Комиссаржевской, 12) отъ группы торговыхъ служащихъ и тысячи другихъ.

Мнѣнія петербургскихъ рабочихъ о чествованіи Толстого рѣзко раздѣлились. Представители одного мнѣнія указывали на то, что Толстой въ своемъ ученіи, какъ буржуазный идеологъ, всю время шелъ въ разрѣзъ съ тенденціями пролетариата, и учитель непротіивленія зву не долженъ снискивать себѣ сторонниковъ.

въ той сферѣ, исторической миссіей которой является борьба. Исходя изъ этого, рабочие настаивали, что день юбилея долженъ быть оставленъ безъ вниманія.

Другая часть рабочихъ высказывалась въ томъ духѣ, что хотя ученіе Толстого въ общемъ и цѣломъ совершенно непріемлемо рабочимъ классомъ, но онъ все-таки сдѣлалъ многое, что приближаетъ его къ стремленіямъ рабочаго міра; что искренній протестъ Толстого противъ смертной казни долженъ заставить рабочихъ привѣтствовать его въ день юбилея. На въ-которыхъ фабрикахъ и заводахъ это мнѣніе восторжествовало.

Леонидъ Андреевъ посвятилъ Толстому свой рассказъ „0 семъ повѣшенныхъ“ и отказался отъ права собственности на него.

Въ Москвѣ.

Первопрестольная Москва также откликнулась на юбилей великаго старца.

Въ редакціи московскихъ газетъ до поздней ночи продолжали поступать тексты телеграммъ, писемъ и привѣтственныхъ адресовъ, отправленныхъ въ Ясную Поляну.

Въ московскихъ телеграфныхъ конторахъ чиновники съ большою неохотой принимали телеграммы, адресованныя въ Ясную Поляну. На этой почвѣ произошло нѣсколько инцидентовъ.

Въ провинціи.

САРАТОВЪ. Губернаторъ разрѣшилъ городскому головѣ отправить привѣтственную телеграмму отъ имени городской думы.

ХАРЬКОВЪ. Л. Н. Толстому отправлены привѣтственные телеграммы отъ университета, отъ общества равноправія женщинъ, отъ общества ремесленниковъ, приказчиковъ, отъ рабочихъ мѣстныхъ заводовъ, отъ рабочихъ электрической станціи, отъ редакцій газетъ и, кромѣ того, отправленъ адресъ, покрытый тысячами подписей отъ харьковскаго общества.

КОСТРОМА. Губернской земской управой и земскими служащими отправлена Л. Н. Толстому привѣтственная телеграмма.

ДВІНСКЪ. Городская дума постановила въ ознаменованіе 80-лѣтняго юбилея открыть школу имени Л. Н., ассигновать тысячу рублей на стипендію и назвать „Толстовской“ городскую площадь, гдѣ расположены всѣ городскія учрежденія.

ПЕРМЬ. Просвѣдительное общество отказалось отъ публичнаго чествованія юбилея Л. Н., въ виду выраженного послѣднимъ несочувствія въ празднеству юбилея.

ОРЕГЪ. Л. Н. Толстому отправлена привѣтственная телеграмма отъ кружка частныхъ лицъ.

САМАРА. Мѣстное общество отправило Л. Н. Толстому телеграмму, покрытую многочисленными подписями. Кромѣ того, самарскими и казанскими членами отправленъ привѣтственный адресъ.

КОВНО. Губернаторъ воспретилъ литовскому просвѣдительному обществу устроить собраніе для чествованія Л. Н. Толстого.

ВОЛОГДА. Въ день юбилея Л. Н. Толстого, мѣстная газета вышла безъ всякихъ статей о великомъ писателѣ. Привѣтственные телеграммы юбилару посланы редакціей газеты „Сѣверъ“, группой серьезныхъ журналистовъ и городской думой.

САМАРА. Привѣтствія Л. Н. Толстому посланы городской думой, обществомъ народныхъ университетовъ, немущими мѣщанами, комитетомъ бесплатныхъ учителей, Алексѣевскимъ сельскохозяйственнымъ обществомъ и др. обществами и лицами.

МИНСКЪ. Официальнымъ чествованіемъ Л. Н. Толстого и предполагаемаго спектакля, вслѣдствіе воспретенія ихъ, не было. Юбилейный день ознаменовался посылкой просвѣдательными обществами привѣтствій и адресовъ.

КИШИНЕВЪ. При переполненномъ театрѣ въ 1 ч. дня состоялось грандіозное чествованіе Л. Н. Толстого. Прочитаны были 3 доклада и посланы приветственныя телеграммы юбиляру отъ имени профессиональных общественныхъ организаций. Въ чествованіи принимали участіе крестьяне изъ окрестныхъ деревень.

КИЕВЪ. Вышедшіе сегодня номера газетъ посвящены Л. Н. Толстому. Юбиляру послано много приветствій и адресовъ отъ крестьянъ, рабочихъ, артистовъ и служащихъ въ отдельныхъ предпріятіяхъ.

За-границей.

БЕРЛИНЪ. Отъ городского управленія гор. Берлина за подписью оберъ-бургомейстера послана въ Исную Поляну приветственная телеграмма. Отправлены приветствія отъ многихъ германскихъ

политическихъ и профессиональных союзовъ, отъ рабочихъ корпорацій, отъ группъ проживающихъ въ Берлинѣ русскихъ литераторовъ и отъ русской военной колоніи.

ТОКИО. Союзъ японскихъ литераторовъ въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Н. Толстого устраиваетъ публичное засѣданіе вѣ рядѣ чтеній, въ которыхъ юбиляръ будетъ обрисованъ, какъ художникъ и мыслитель, и обрисованы будутъ его заслуги передъ Россіей и цѣлымъ міромъ.

„Р. Сл.“ телеграфируютъ изъ ТОКИО: Союзъ японскихъ литераторовъ въ день 80-лѣтія Толстого, устраиваетъ публичныя засѣданія и рядъ лекцій, на которыхъ ознакомитъ слушателей съ юбиляромъ, какъ художникомъ, мыслителемъ. Будутъ обрисованы его заслуги передъ родиной и человѣчествомъ.

Изъ **БЕРЛИНА:** Городскимъ управленіемъ города Берлина за подписью оберъ-бургомистра отправлена въ Исную Поляну приветственная телеграмма. Многочисленныя приветствованія отправлены также отъ различныхъ германскихъ политическихъ и профессиональных союзовъ, отъ рабочихъ корпорацій. Въ городской ратушѣ состоялся вечеръ имени Толстого. На вечеръ были прочитаны отрывки изъ сочиненій Толстого, его біографія и рефератъ о немъ.

Въ Исную Поляну прибылъ делегатъ лондонскаго комитета по чествованію Л. Н. Толстого. Составленный комитетомъ приветственный адресъ покрытъ 800 подписями и заключенъ въ кожаную панку съ отсѣненной надписью: „Графу Толстому отъ его англійскихъ друзей въ день 80-лѣтія его рожденія“.

Изъ Америки къ Исной Полянѣ получена слѣдующая телеграмма: „Привѣтъ отъ американскихъ друзей гуманнѣйшему и величайшему учителю, защитнику идей всемірнаго братства, врагу произвола и поборнику идей Генриха Джорджа“.

Отъ думы города Праги получена слѣдующая телеграмма: „Дума г. Праги, королевства чешскаго, въ день 80-лѣтія рожденія вашего, преклоняется съ глубочайшимъ изумленіемъ и почтеніемъ передъ вдохновеннымъ апостоломъ и великимъ гениемъ народа русскаго. Да сохранитъ Богъ сѣятеля старца на многія лѣта для всего русскаго народа, всего славянства и всего міра“.

МОСКВА.

По телефону.
(От нашего корреспондента).
29 сентября.
Адресъ Л. Н. Толстому.
Студенты московскаго университета посылают на-дняхъ Л. Н. Толстому приветственный адресъ по случаю 80-лѣтняго юбилея.

Газета-Копейка 30-го сент. 1908

— Л. Н. Толстой—почетный членъ университета. Министерство народнаго просвѣщенія утвердило избраніе Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ петербургскаго университета.

Газ.-Коп. 30-го сент. 1908

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ КАРТИНКИ.

Дядю Тургеневъ не выдернать...

Въ г. Симферополѣ проживаетъ дѣятельный статскій совѣтникъ Лашковъ.

Въ томъ же городѣ имѣется земскій складъ сѣмянъ и пр.

Какъ и всѣ другія учрежденія, складъ по воскресеньямъ не функционируетъ.

Но генералу Лашкову до этого дѣла дѣло: онъ полагаетъ, что для него, генерала, все должно быть открыто въ любой часъ дня и ночи.

И потому онъ смѣло отправляетъ въ одно изъ воскресеній въ складъ со строгимъ наказомъ:

— Скажи тамъ, чтобъ немедленно отпустили.

Но «тамъ» не послушался строгаго приказа генерала и сѣмянъ не отпустили.

— Сегодня воскресенье. Никакихъ операций, скажите генералу, складъ не производитъ.

Генераль пришелъ въ ярость:

— Какъ? Даже по моему приказу?

Наскорю отбѣсилъ самовольно кинулся въ складъ и... собственноручно избилъ служакаго склада г. Павленко.

«Билъ палкой по головѣ»...

За что и попалъ на скамью подсудимыхъ, въ качествѣ обвиняемаго по 135 ст. у.д. о наказ.

Но судъ генераль Лашковъ оправдалъ:

— Вонъ я читалъ, что даже Тургеневъ въ споръ съ Л. Н. Толстымъ не выдержалъ и крикнулъ: «я тебѣ въ морду дамъ!»...

Ну, вотъ и генераль Лашковъ «не выдержалъ».

— Какой-то Павленко, полный хулиганства, честь котораго можно купить за 100 руб. (?), вдругъ осмѣливается не исполнять моихъ приказаній и выступать съ возраженіями.

Ссылка на Тургенева, однако, не убѣдила мирового судью:

Генераль Лашковъ приговоренъ имъ къ аресту на 3 недѣли.

З.Б. 30-го сент. 1908

Толстой—почетный членъ университета. НАЗАНЬ, 29-го сентября. Министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ Толстого почетнымъ членомъ казанскаго университета и разрѣшилъ повѣсить его портретъ въ актовомъ залѣ.

З.Б. 30-го сент. 1908

Л. Н. Толстой—почетный членъ спб. университета.

Постановленіе совѣта профессоровъ объ избраніи почетнымъ членомъ спб. университета г. Л. Н. Толстого министромъ народнаго просвѣщенія утверждено.

З.Б. 30-го сент. 1908

МОСКВА.

(По телефону). 29 сентября.

Адресъ Л. Толстому отъ студентовъ.

Студенты московскаго университета посылаютъ на-дняхъ Лѣву Николаевичу Толстому приветственный адресъ по случаю 80-лѣтняго юбилея. Адресъ покрытъ нѣсколькими тысячами подписей и заключенъ въ скромную папку, на которой выгравировано «Лѣву Толстому отъ московскихъ студентовъ» и дата римскими цифрами.

Рим 30-го сент. 1908

Въ петербургскомъ университетѣ получено сообщеніе, что постановленіе совѣта университета отъ 28-го августа с. г. объ избраніи почетнымъ членомъ университета г. Л. Н. Толстого утверждено министромъ народнаго просвѣщенія. По постановленію правленія будетъ заготовленъ дипломъ, который и будетъ отправленъ г. Л. Н. Толстому.

Рим 30-го сент. 1908

Избраніе Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ петербургскаго университета утверждено.

Рим 30-го сент. 1908

* Θεοδοσίησιμῳ отерднымъ земскимъ собраніемъ въ ознаменованіе юбилея Л. Н. Толстого и Тургенева единогласно постановлено присвоить двумъ лучшимъ школамъ въ уѣздѣ наименованіе «Толстовской» и «Тургеневской», повѣсить въ школахъ и разослать популярныя изданія ихъ сочиненій. Представитель духовнаго вѣдомства, священникъ Николай Владимірскій, заявилъ протестъ противъ чествованія Л. Н. Толстого, «философа и мыслителя, компустированно надругавшагося надъ православною религіею».

Рим 30-го сент. 1908

— Избраніе Л. Н. Толстого почетнымъ членомъ петербургскаго университета утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія. По постановленію правленія будетъ изготовленъ дипломъ, который будетъ отправленъ Л. Н. Толстому (Корр. «Русск. Вѣд.»).

Рим 30-го сент. 1908

Нов. Врмена / 2 Окм. 1908

Л. Н. Толстой и цензура в 80-х годах.

I.

В апрѣлѣ 1882 года гр. Л. Н. Толстой доставил редактору журнала «Русская Мысль», покойному С. А. Юрьеву, рукопись своей столь известной «Исповѣди». Это было первое по времени философско-религиозное произведение гр. Толстого и отношение къ нему цензуры было трудно угадать. Думали, что оно, благодаря имени автора, хотя и съ трудомъ, но «пройдетъ».

Почеркъ графа Толстого очень своеобразенъ и крайне неразборчивъ, корректуры онъ держитъ подолгу и исправляетъ въ нѣсколько разъ, да такъ, что приходится не править, а заново набирать. Словомъ, труда съ печатаніемъ его произведений немало. Тамъ же менѣе въ майской книгѣ «Исповѣдь» успѣли помѣстить. Книга была задержана и по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати передана на разсмотрѣніе духовной цензуры. Послѣдняя держала ее очень долго, не давая никакого отбѣта. Изъ Троицкой лавры, гдѣ находился въ то время московскій комитетъ духовной цензуры, приходили свѣдѣнія, изъ которыхъ видно было, что тамъ не знали, какъ отнестись къ этому произведенію Толстого, докладывали митрополиту, а въ то время московскимъ митрополитомъ былъ известный своимъ богословскимъ сочиненіями и большимъ для архіерея либерализмомъ преосвященный Макарій. Ему не хотѣлось запретить, но и пропустить такую статью онъ не рѣшался. А время шло и редакция «Русской Мысли» вынуждена была выпустить июньскую книжку раньше застрявшей въ цензурѣ майской. Юрьевъ въ то время находился у себя въ вѣтнѣ на дѣтнемъ отдыхѣ и мнѣ, въ качествѣ завѣдующаго дѣлами редакціи, пришлось ѣхать, чтобы подвинуть разрѣшеніе вопроса о майской книжкѣ, въ Троицкую лавру. Тамъ я узналъ, что разсмотрѣніе «Исповѣди» и составленіе доклада поручено ректору Визанской семинаріи протоіерею Сергіевскому. Поѣхавъ къ нему въ Визанію, Батюшка оказался очень любезнымъ и словоохотливымъ. Подробно повѣдалъ мнѣ о затрудненіи, въ которое поставила «Исповѣдь» не только его, но и надъ нимъ стоящихъ, и предложилъ весьма удобный, по его мнѣнію, выходъ изъ этого затрудненія. Состоялъ онъ въ томъ, чтобы графъ Толстой, не замѣняя ни одного слова въ своей «Исповѣди», въ концѣ ея въ нѣсколькихъ словахъ высказалъ, что такъ онъ думалъ прежде, но теперь воззрѣвъ его нина, боже соответствующа духу

православной церкви, и тогда никакихъ затрудненій со стороны духовной цензуры къ выпуску книги не встрѣтится. На мое возраженіе, что не только графъ Толстой на это ни за что не согласится, но что и редакция не рѣшится предложить ему подобный компромисъ, Батюшка сталъ доказывать, что въ этомъ не было бы ничего предосудительнаго, и читатели отлично поняли бы, что такой «кончикъ» придѣланъ только ради цензурныхъ требованій, суть осталась бы та же, а такое выдающееся, «захватывающее», какъ выразился отецъ протоіерей, произведеніе великаго писателя было бы спасено и сдѣлалось бы достояніемъ читающей публики. Никакого другого выхода онъ не видѣлъ. Безъ такой приклейки по его, вѣроятно оправдавшемуся впоследствии, увѣренію духовная цензура не пропустила «Исповѣди».

Бесѣда наша продолжалась довольно долго. Батюшка, какъ собесѣдникъ и типъ священника-опортуниста, былъ очень интересенъ, и я не спѣшилъ покинуть его, но изъ лавры пришлось извѣстіе о византійской кончѣ въ тотъ день въ Москвѣ, во время купанья, митрополита Макарія и, почитая, произвелъ такой переполохъ, что отцу-ректору было уже не до бесѣды.

Вскорѣ послѣ этого «Исповѣдь» была окончательно запрещена и для выпуска майской книжки журнала пришлось вырѣзать ее подъ очень бдительнымъ наблюденіемъ инспектора типографій, который, печатавъ вырѣзанные листы, препроводилъ ихъ для уничтоженія въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Впоследствии мнѣ пришлось встрѣчать у нѣкоторыхъ лицъ въ Петербургѣ эти вырѣзки изъ «Русской Мысли». Оказалось, что главное управленіе по дѣламъ печати выдавало ихъ нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ, отказавъ въ просьбѣ которымъ оно не могло.

Осталось и въ редакціи «Русской Мысли» и у меня лично нѣсколько корректурныхъ оттисковъ «Исповѣди» въ верстаныхъ листахъ и въ гранкахъ, нѣкоторые даже съ поправками автора. Съ нихъ въ свое время снимались многочисленные копии, которыя затѣмъ въ тектографированномъ или литографированномъ видѣ расходились по всей Россіи. Въ Петербургѣ существовали кружокъ студентовъ, специально занимавшійся такимъ издательствомъ, и за три рубля за экземпляръ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ можно было имѣть сколько угодно оттисковъ «Исповѣди». Въ Петербургѣ главный складъ этого изданія помѣщался въ квартирѣ тестя одного изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, того именно, который завѣдывалъ тогда жандармскою частью.

Несомнѣнно, что нелегальнымъ путемъ «Исповѣдь» разошлась въ числѣ экземпля-

ровъ во много разъ большею, чѣмъ распространена бы ее «Русская Мысль», печатавшаяся тогда только въ трехъ тысячахъ экземпляровъ.

II.

Пересказъ «Исповѣди» Толстого, и притомъ въ очень интересной формѣ и увлекательномъ изложеніи, появился два года послѣ изытія ее изъ «Русской Мысли», сперва въ этомъ же самомъ журналѣ, а затѣмъ въ пропущенной цензурой, выдержавшей въ теченіе двухъ лѣтъ три изданія и въ свое время очень читавшейся, но теперь почти забытой книгѣ Громеки: «Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого». Дѣло было такъ. Приблизительно черезъ годъ послѣ неудачнаго помѣщенія «Исповѣди» въ «Русской Мысли» въ редакцію явился молодой человекъ, оказавшійся учителемъ казанской гимназіи Громекой, — сынъ известнаго въ шестидесятихъ годахъ либеральнаго жаңдармскаго поповника и писателя, впоследствии сѣдлающаго губернатара, обращавшаго униатовъ въ православіе мѣрами, ничего общаго съ кротостью и либерализмомъ не имѣющими. Пришедшій, кстати сказать на помпавшій огласти лицомъ, а въ особенности манерами и выраженіемъ глазъ В. М. Гаршина, вручилъ мнѣ довольно объемистую рукопись критическаго разбора «Анны Карениной», предупредивъ при этомъ, что это только начало. Я объяснялъ ему, что едва ли редакция найдетъ удобнымъ помѣщать разборъ «Анны Карениной» черезъ восемь лѣтъ послѣ ея появленія, но такъ какъ онъ настоятельно просилъ прочесть его рукопись, то я оставилъ ее у себя. Когда я показалъ ее Юрьеву, то тотъ только руками замахалъ, находя, какъ и я, помѣщеніе критическаго разбора «Анны Карениной» безъ какого-либо особеннаго повода несвоевременнымъ. Какъ-то поздно вечеромъ, нѣсколько дней спустя, рукопись Громеки случайно попала мнѣ подъ руку и я сталъ ее машинально перелистывать, а затѣмъ прочелъ страницу, дѣй и кончилось тѣмъ, что прочелъ ее всю отъ начала до конца, не отрываясь. На другой день я отвезъ ее Юрьеву и уприсилъ его прочесть нѣсколько страницъ при мнѣ. Юрьевъ пришелъ въ положительный восторгъ. Рѣшено было непременно напечатать статью и уговориться съ Громекой о продолженіи и окончаніи ее. Я ознакомилъ его съ Юрьевымъ, а Юрьевъ повезъ его къ графу Толстому. Черезъ нѣсколько дней Громека уѣхалъ въ Калугу и оттуда прѣзжалъ еще разъ въ Москву и привезъ небольшую часть продолженія своей статьи. Въ этотъ прѣздъ мы стали замѣчать за нимъ большія странности, ясно указывавшія на его ненормальность. Начало и продолженіе его статьи

было напечатано, если не ошибаюсь, въ двухъ книжкахъ «Русской Мысли» 1883 года, но окончанія мы отъ него такъ и не дождались. Психическая болѣзнь сломила его. Другая помѣстила его въ психиатрическую лечебницу въ Петербургъ, откуда его отпустили на побывку къ его товарищу по университету прокурору Романову, на квартирѣ котораго на Рождество 1883 г. онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера.

Послѣ него остались небольшие долги и цѣлый чемоданъ находившихся въ полномъ беспорядкѣ рукописей. Во время болѣзни онъ очень много писалъ. Въ этой грудѣ рукописей оказалась и концевъ печатавшейся въ «Русской Мысли» статьи. Романовъ прислалъ его мнѣ и сообщилъ, что все остальное для печати не годится. Но зато присланный концевъ статьи о произведеніяхъ Толстого, писанный также во время болѣзни, — наодъ сильнѣйшаго впечатлѣнія, которое произвела на автора «Исповѣдь», представлялъ собою совершенно ясно продуманное и прекрасно написанное произведеніе. Авторъ видитъ во снѣ, что онъ у Левина, ведетъ съ нимъ бесѣду и въ необыкновенно красивой и увлекательной формѣ передаетъ устами Левина содержаніе Толстовской «Исповѣди». Кончается онъ сильнымъ по чувству обращеніемъ въ лицѣ Левина къ Толстому съ мольбой раскрыть тайны открывающейся ему новой, величайшей области прекраснаго. «Говорите о Богѣ, о томъ, какіе законы оставилъ онъ намъ и какъ ихъ намъ можно исполнить. И пусть вашъ голосъ звучитъ одной только любовью. Мы все такъ измучились отъ силы и злобы, намъ такъ нужно слышать голосъ любви...» Это была по истинѣ лебединая пѣснь автора книги. По словамъ Романова, приведенныя строки были писаны въ послѣдніе дни жизни Громеки. Романовъ нашелъ ихъ на своемъ письменномъ столѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими листками присланной имъ мнѣ рукописи.

Получилъ я ее осенью 1884 года вскорѣ послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ» и «Дѣла», когда и судьба «Русской Мысли» висѣла на волосокѣ. Приходилось быть очень осторожнымъ и потому прежде, чѣмъ рѣшиться на помѣщеніе окончанія статьи Громеки, я обратился за совѣтомъ къ председателю московскаго цензурнаго комитета Федорову. Статья ему очень понравилась, но по его мнѣнію она была нецензурна. Желая испробовать все, чтобы отстоять ее, мы съ нимъ порѣшили послать корректуру статьи на просмотръ начальника главнаго управленія Феокистова. Мы оба считали дѣло почти безнадежнымъ, и были крайне удивлены и обрадованы, когда получилась ствѣть Феокистова, что хо-

133

тия статьи действительно въ цензурномъ отношеніи неудовлетворительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ талантлива и интересна, что онъ не желалъ бы препятствовать появленію ея и предоставлялъ Федорову войти со мной въ соглашеніе о тѣхъ мѣстахъ, которыя слѣдовало бы исключить. Федоровъ указалъ мнѣ всего на нѣсколько строкъ, не имѣвшихъ особеннаго значенія. Онѣ были исключены и статья появилась и читалась на-расхватъ.

Тогда же я вошелъ въ соглашеніе съ Романовымъ объ изданіи отдельной книгой этого единственнаго, сколько мнѣ извѣстно, произведенія Громеки. Изданіе я взялъ лично на себя, съ тѣмъ, что оно будетъ напечатано въ количествѣ 1,200 экземпляровъ, изъ которыхъ 200 экземпляровъ я выговорилъ себѣ для даровой раздачи, а остальную тысячу я взялся продать и всю выручку полностью передать Романову для уплаты оставшихся Громекой долговъ и постановки памятника на его могилѣ. Книга вышла въ декабрѣ 1884 г. и въ двѣ недѣли вся тысяча продажныхъ экземпляровъ разошлась до послѣдняго. Свои 200 экземпляровъ я отдалъ для продажи на благотворительномъ базарѣ, устроенномъ въ пользу общества бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтей графини Э. А. Каннистъ, женой тогдашняго попечителя московскаго учебнаго округа. На этомъ базарѣ въ качествѣ продавщицы участвовала и дочь гр. Толстого, Татьяна Львовна. Сколько помнится, она и продавала книгу. Всѣ двѣсти экземпляровъ были раскуплены чуть ли не въ одинъ день.

Въ свое время книга Громеки была, если можно такъ выразиться, модной книгой. Ею особенно зачитывались женщины. Зимой 84—85 г. въ московскихъ гостиныхъ часто собирались дамскіе кружки для чтенія ея вслухъ, и засиживались за этимъ занятіемъ до поздней ночи. Увлекались и толкованіемъ Анны Карениной и ипоказательной передачей «Исповѣди» гр. Толстого. Впослѣдствіи въ права изданія вступили братья автора. Ими были выпущены два изданія, которыя также очень быстро разошлись.

III.

Въ концѣ 1883 года гр. Толстой обратился въ редакцію «Русской Мысли» съ предложеніемъ напечатать написанное имъ тогда сочиненіе «Въ чемъ моя вѣра». О помѣщеніи въ журналъ нечего было и думать. По моему совѣту графъ согласился на напечатаніе этого произведенія отдельной книгой, въ такомъ форматѣ и такимъ образомъ, чтобы книга заключала въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, что давало право печа-

тать ее безъ предварительной цензуры. Печаталась она всего въ 50-ти экземплярахъ и на обложкѣ ея значилось, что цѣна экземпляру 25 рублей. Настала на такихъ условіяхъ изданія, я имѣлъ въ виду, что цензура будетъ несравнимо стоворичивѣ, видя изъ количества экземпляровъ и необычайно высокой продажной цѣны, что книга не предназначена къ широкому распространенію, а печатается лишь для тѣхъ немногихъ лицъ, которыя все равно, такъ или иначе, хоти бы изъ заграничныхъ изданій или по рукописямъ ознакомились съ даннымъ произведеніемъ. Но въ этомъ отношеніи расчетъ мой не оправдался.

Въ Петербургѣ очень скоро узнали о печатаніи новаго произведенія графа Толстого и оттуда, задолго еще до окончанія печатанія, пришло распоряженіе обязать типографію подпиской въ томъ, что она, какъ только книга будетъ отпечатана, передастъ всѣ экземпляры въ распоряженіе инспектора типографій, а сей послѣдній, не передавая въ мѣстный цензурный комитетъ, отправитъ ихъ въ главное управленіе по дѣламъ печати. Все это конечно было въ точности исполнено. Въ Петербургѣ книга передава была въ духовную цензуру, ею конечно запрещена и главному управленію по дѣламъ печати оставалось только съечь ее. Но именно этого-то и не случилось. Всѣ экземпляры безъ исключенія уцѣлѣли и теперь находятся въ цѣлости и невредимости въ частныхъ бібліотекахъ.

Дѣло въ томъ, что какъ только стало извѣстно, что книгу рѣшено уничтожить, то въ главное управленіе посылались отъ разныхъ особъ просьбы о выдачѣ имъ экземпляровъ этой книги. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой потребовалъ присылки ему нѣсколькихъ экземпляровъ, попросили и другіе министры, главноуправляющіе и т. п. должностныя лица; взяли себѣ по экземпляру и Феокистовъ и нѣкоторые изъ членовъ главнаго управленія. Въ дворцовыхъ и придворныхъ сферахъ также пожелали имѣть нѣсколько экземпляровъ. Скажемъ, какъ говорилъ мнѣ самъ Феокистовъ и В. М. Юзефовичъ, состоявшій тогда членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, все запрещенное цензурой изданіе избѣгло уничтоженія и разошлось.

Такимъ образомъ, цѣль изданія, хотя и инымъ, совершенно неожиданнымъ путемъ, была достигнута: произведеніе было напечатано вполнѣ легально, его читали и передавали изъ рукъ въ руки въ печатномъ видѣ, и можно съ увѣренностью сказать, что всѣ экземпляры этой обреченной цензурой на сожженіе книги существуютъ и до сихъ поръ. Нѣсколько экземпляровъ проходило потомъ черезъ

руки московских букинистов-антикваров, которые, приобретя их случайно за недорого конечно цену, брали по несколько сот рублей за экземпляры. Многие из тех, которые так или иначе добыли себе эту книгу, переплетали ее в очень дорогие художественные переплеты, и мне приходилось видеть несколько таких экземпляров, переплетенных работавшим тогда в Петербург замечательным художником-переплетчиком Яколем Мейером.

Для библиофилов могу указать, что на обложке значится: „1884 г. Москва. Типография Кушнерова“. На задней страничке обложки напечатано: «Цена 25 р.». Эта бумажная обложка темно-серого цвета.

IV.

В конце 1884 г. граф Толстой написал свое известное произведение о благотворительности: «Что же нам делать» и передал рукопись редакции «Русской Мысли», которая и поместила его в февральской книжке 1885 года. Редакция очень сомневалась, что цензура пропустит эту статью. Сомневалась не потому, что в этом произведении заключается что-либо цензурное, а потому, что в то время на все, что писал Толстой, смотрели со страхом и ужасом, даже еще не зная сути его нового произведения. И действительно, как только февральская книга журнала поступила на четырехдневное пребывание в цензурном чреве, она немедленно, по предварительному распоряжению из Петербурга, была задержана впредь до дальнейших распоряжений.

На этот раз дело обошлось без духовной цензуры, и был даже момент, когда гр. Толстой, министр, склонился разрешить выпуск книги без вырезки из нее статьи своего однофамильца. По словам Феофистова и Юзефовича, статья эта ему нравилась, как верная картина бесилия практикуемых способов благотворения. Но в конце-концов министр разрешить не решился и нам пришлось вырезать и это произведение Л. Н. Толстого.

В день, когда состоялось окончательное решение, я был в Петербурге и видяся в главном управлении по делам печати с Феофистовым. Сообщив о запрещении, он обратился ко мне с просьбой прислать ему пять экземпляров вырезок или корректурных отковок запрещенной статьи. Я возразил ему, что вырезок мне инспектор типографий ни под какими видом не даст, что же касается корректурных отковок, то вероятно набор уже разобран, а если и не разобран, то типография едва ли согласится при данном положении дела снаб-

жать меня новыми оттисками, ему же, как начальнику главного управления по делам печати, очень не трудно потребовать себе несколько вырезанных экземпляров. На это он ответил, что вырезки из февральской книги «Русской Мысли» будут уничтожаться в Москве и он находит неудобным вести об этом переписку, что дело этим путем затянется, между тем министр высказал ему желание иметь как можно скорее несколько оттисков статьи и так как я на другой день буду в Москве (я говорил ему, что уезжаю из Петербурга в тот же день с курьерским поездом), то он и просит меня оказать ему эту услугу, причем согласен даже на то, чтобы я конфиденциально сообщил типографии, для чего мне нужны эти оттиски, и уверил бы владельца типографии Кушнерова, что никакой беды ему за это не будет. Мне показалось очень курьезным такое положение дела и я общался выслать ему, точчас, как приеду в Москву, пять корректурных оттисков. Я имел их в довольно большом количестве.

Вечером, приехав на Николаевский вокзал, я застал там Феофистова, который сказал, что поджидает меня, зная что я еду с этим поездом. Озадаченный и не поняв сразу, в чем дело, я стал было благодарить за такую любезность, совершенно необычную со стороны чиновника, знакомого с которым у меня ограничивалось деловыми отношениями, но дело скоро выяснилось: он поджидает меня, чтобы просить выслать ему на другой день не пять, а восемь оттисков, я выслал ему вдвое больше, за что он меня при следующем свидании очень усердно благодарил. Потом мне пришлось видеть один из этих оттисков в очень важном по положению и очень светском петербургском доме, причем путь, по которому он пошел туда, было не трудно определить.

Вот те цензурные перипетии, которыми в восьмидесятих годах подвергались произведения гр. Л. Н. Толстого. Цензура запрещала их, а лица, стоявшие во главе ее, сами же распространяли их. Я не укоряю их в этом. Но не проще ли и не соответственнее ли достоинству государственной власти не запрещать обращения того, что под спудом никакими запретами удержать нельзя. Ведь то, что я здесь рассказываю, происходило не в дни «диктатуры сердца» и не тогда, когда провозглашалось «доверие правительства к обществу», а во время такого прямолинейно-реакционного министерства, каким было министерство гр. Д. А. Толстого.

Н. В. Г.

Рос. Арх. 1-2 Отд. 1908

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВЪ.

Одинъ православный священникъ обратился къ Л. Н. Толстому съ письмомъ, въ которомъ благодарилъ его за отказъ отъ могущаго огорчить православныхъ людей празднованія его 80 лѣтъ и выражалъ надежду на его возвращеніе въ лоно православной церкви. Отвѣтъ Л. Н. напечатанъ въ журналѣ «Къ свѣту».

Получилъ ваше письмо, любезный братъ. Иванъ Ильичъ, и съ радостнымъ удивленіемъ прочелъ его. Все оно проникнуто истинно христіанскимъ чувствомъ любви и потому оно мнѣ было особенно дорого. О себѣ скажу вамъ слѣдующее:

Въ одной арабской поэмѣ есть такое сказаніе:

«Странствуя въ пустыни, Моисей, походя къ стаду, услышалъ, какъ пастухъ молится Богу. Пастухъ молился такъ: «О, Господи, какъ бы мнѣ добраться до Тебя и сдѣлаться Твоимъ рабомъ. Съ какой бы радостью я обуздалъ Тебя, мылъ бы Твои ноги и цѣловать бы ихъ, расчесывалъ бы Тебѣ волосы, стиралъ бы Тебѣ одежду, убиралъ бы Твое жилище и приносилъ бы Тебѣ молоко отъ моего стада. Желаетъ Тебя мое сердце».

Услыхавъ такіе слова, Моисей разгнѣвался на пастуха и сказалъ: «ты богохульникъ, Богъ безтѣлесенъ, ему не нужно ни одежды, ни жилища, ни прислуги. Ты говоришь дурное».

И омрачилось сердце пастуха. Не могъ онъ представить существа безтѣлесной формы и безъ нужды тѣлесныхъ. И не могъ онъ больше молиться и служить Господу и пришелъ въ отчаяніе. Тогда Богъ сказалъ Моисею: «Взачѣмъ ты отогналъ отъ Меня вѣрнаго раба Моего? У всякаго человѣка свое тѣло и свои рѣчи. Что для тебя не хорошо, то для другого хорошо; что для тебя ядъ, то для другого медъ сладкій. Слова ничего не значатъ. Я вижу сердце того, кто ко Мнѣ обращается».

Легенда эта мнѣ очень нравится и я просилъ бы васъ смотрѣть на меня, какъ на этого пастуха. Я и самъ смотрю на себя такъ же. Все наше человѣческое помысли о Немъ всегда будетъ несовершенно. Но лишь себя надеждой, что сердце мое—такое же, какъ и у этого пастуха, и потому боюсь потерять то, что имѣю и что дастъ мнѣ полное спокойствіе и счастье.

Вы говорите мнѣ о соединеніи съ церковью. Думаю, что не ошибаюсь, полагая, что я никогда не развѣдился съ ней—не съ той какой-либо одной изъ тѣхъ церквей, которыя развѣдичились, а съ той, которая всегда соединяла и соединяетъ всѣхъ людей, искренно ищущихъ Бога, начиная отъ этого пастуха и до Будды, Лаоца, Конфуція, браминновъ, и многихъ другихъ людей.

Съ этой всемірной церковью я никогда не разлучался и болѣе всего на свѣтѣ боюсь разойтись съ ней.

Очень благодарю васъ за ваше любовное письмо и братски жму вашу руку.

Пис. 1-го Окм. 1908

* Въ началѣ лѣта 1908 года бывшій владикавказскій полиціймейстеръ, подполковникъ Д. М. Сехинъ, какъ природный казакъ станицы Старогладковской, побывавъ въ родномъ имѣніи писателя Льва Николаевича Толстого, бывшаго въ молодости одио время на Кавказѣ. Какъ извѣстно, Л. Н. во время своего пребыванія въ станицѣ Старогладковской написалъ повѣсть «Казакъ». Въ воспоминаніе этого на память о себѣ, Л. Н. просилъ Сехина передать обществу станицы Старогладковской свой портретъ, написанный масляными красками. На портретѣ была надпись: «На память Старогладковцамъ Л. Н. Толстой». Подарокъ этотъ, къ сожалѣнію, не достигъ своей цѣли: портретъ у одной изъ родственницъ Сехина неавторизованными злоумышленниками, въ числѣ другихъ вещей, былъ украденъ на станицѣ «Грозный», влад. ж. д. (Тер.).

Пис. 1-го Окм. 1908

→ 2-го октября, въ 8 ч. веч. въ Народномъ домѣ Нобеля (Выборгская ст. Ньюштадтская ул.) состоится лекція К. И. Арабажина на тему: «Л. Н. Толстой». Вилеты отъ 20 к. до 1 руб. можно получать въ книжномъ магазинѣ «Трувь» (Невскій, 60), въ магазинѣ «Мамъ Князь» (Литейный пр. 32) и въ магазинѣ Анисимова (Петерб. ст. Большой пр. 90).

Пис. 1-го Окм. 1908

♦♦ 3 октября состоится первое послѣ лѣтняго перерыва собраніе литературнаго общества, на которомъ г. Невѣдомскій сдѣлаетъ сообщеніе по поводу Л. Н. Толстого и С. А. Венгеровъ прочтеть докладъ на тему «Побѣдители и побѣжденные».

Собраніе открытостя вслѣдственной рѣшю Н. Ф. Анненскаго, посвященный вопросу объ учрежденіи музея имени Л. Н. Толстого. На слѣдующихъ собраніяхъ общества предполагаются доклады д-ра Анныизаи «Женщина и Человѣкъ» по поводу книги Вейнштера «Поль и характеръ» и Ф. Д. Батюшкова объ Эрзекъ.

Пис. 1-го Окм. 1908

Новоторжское собрание ассигновало на народное образование около трети своего бюджета. Балахнинское (нижегород. губ.) ассигновало на открытие въ Н.-Новгородѣ политехникума 2,000 р., постановило открыть въ уѣздѣ двѣ библиотеки-читальни имени Толстого и Тургенева, учредить должность заведывающаго школьнымъ дѣломъ и ежегодно выпускать популярное изданіе земскаго календаря.

Росс. 2 = Окт. 1908

Л. Н. Толстому изъ Китая.

Воскресенск. 28-го августа въ шанхайскія газеты (оуѣ имѣютъ наибольшее распространение въ Кятат) помѣстили статью, полную глубокаго уваженія къ Л. Н. Толстому, по случаю его «восьмидесятилѣтняго путешествія вокругъ солнца». Возникла затѣя мысль о переводѣ всѣхъ его сочиненій на китайскій языкъ. На частномъ собраніи, которое объединило китайцевъ съ представителями многихъ націй, живущихъ въ Шанхаѣ, подписанъ привѣтственный адресъ въ дополненіе къ краткой телеграммѣ, составленной и посланной китайскимъ писателемъ Ку-ту-инномъ. Адресъ имѣетъ три текста: китайскій, русскій и англійскій. Вотъ русскій текстъ адреса:

Высокопочтенный Левъ Николаевичъ! Собраннымъ въѣсть въ ознаменованіе 80-лѣтія вашего рожденія, мы шлемъ вамъ свое поздравленіе съ выраженіемъ восхищенія предъ величественной задачей, которую вы выполняли. Мы глубоко уважаемъ и цѣнимъ искренность и мужество, съ которыми вы встрѣтили трудныя проблемы религіозной, нравственной и социальной жизни и показали міру дорогу къ истинѣ. — Независимое и свободное мышленіе избавитъ человечество отъ тяжелыхъ путъ, дожилихъ вѣроуныи, дожилихъ обществъ, которые въ прошломъ, препятствовали полному росту умственной и моральной жизни человечества. Мы имѣемъ пониманіе, что въ религіяхъ есть процессъ развитія и что церкви съ ихъ обветшавшими и устарѣвшими вѣрованіями препятствуютъ его естественному ходу. Человѣчество должно отбросить слѣдое невѣжество и суевѣрія прошлаго и, просвѣсивъ всѣ положенія и вѣрованія чрезъ силу разума, избрать и жить доброй таинств. путемъ чистой правды въ убѣжденіи, что въ этомъ кроется источникъ жизни людей. Власть, опирающаяся на мелочные классовые интересы и предрасудки, должна быть замѣнена господствомъ разума на основахъ опыта и тщательнаго изученія. Живя въ той части Китая, гдѣ можно найти представителей всѣхъ націй, мы видимъ, что во всѣхъ религіяхъ, — въ христіанствѣ, буддизмѣ, магометанствѣ, конфуціанствѣ, таинствѣ, шинтоизмѣ и др., — есть много общихъ прекрасныхъ принциповъ, и теперь настало время извлечь сущность ихъ и показать ее міру. Мы не можемъ не признать ваше пониманіе христіанства наиболѣе истиннымъ: вѣрныи согласная съ разумомъ сущность христіанства, которую вы извлекли изъ подъ вѣста вѣковнхъ предрасудковъ и глубоимъ невѣжества, подобно тому, какъ достаютъ золото и жемчугъ или какъ складываютъ дорогую статую изъ разбросанныхъ по всему міру и испорченныхъ обломковъ, — эта сущность можетъ объединить истинныхъ послѣдователей Конфуція, Будды, Менція, Лао-цзе и другихъ религій во всемірное братство во имѣ. Зѣвѣ, на берегахъ великаго Тихаго океана, тѣхъ дожилихъ бы быть миръ и тишина, имъ знаютъ, что только усвоеніемъ вашего пониманія христіанства народы міра могутъ быть спасены отъ борьбы, которая, ведя неиз-

бѣжно къ войнѣ, искрошитъ массу людей и прольетъ на рѣки крови, какъ не-завѣдно, а обратитъ Великій Тихій океанъ въ великій кровавый океанъ.

Росс. Вост. 3 = Окт. 1908

Свиданіе съ Л. Н. Толстым.

(Письмо къ редактуру).

Глубокоуважаемый В. М. Сітцу вамъ сообщать общанныя при сегодняшнемъ разговорѣ въ Думѣ *) новости о Толстомъ. 28-го сентября я посѣтилъ его вмѣстѣ съ моимъ другомъ В. Д. Лебедевой. Нашъ великій писатель совершенно оправился отъ своей недавней болѣзни, и только пога поврежденія побаливаетъ, если долго приходится сидѣть въ одномъ и томъ же положеніи; но онъ ходитъ такъ свободно, что этого совершенно незаметно.

Онъ поразилъ меня энергіей и силой своей умственной дѣятельности. Черезъ 2—3 часа бесѣды о разныхъ интересныхъ предметахъ онъ вырисовался предо мной какъ человекъ, всецѣло занятый вопросами умственной и нравственной жизни. Я ясно понялъ, что эти вѣчные вопросы высоко-развитыхъ умовъ, — вопросы о томъ, каковы наши отношенія къ остальному міру и къ окружающимъ людямъ, до того поглощаютъ его, что всѣ быденныя событія окружающей жизни нажимаютъ ему совершенно ничтожными, прохлѣдять на его умственномъ горизонтѣ какъ минуетныя тѣни. Ему все равно, въ чемъ ему подать чай или обѣдъ: въ деревянной чашкѣ или въ золотой блюдѣ, пшеть ли онъ на деревянномъ обручѣ или на мраморномъ столѣ съ инкрустациями. Но все ли это равно передъ лицомъ тѣхъ великихъ мировыхъ вопросовъ, которые наполняютъ всю его жизнь, не оставляя мѣста для быденныхъ житейскихъ мелочей?

Въ осеннемъ нарядѣ Ясная Поляна при вѣздѣ въ паркъ оставляетъ впечатлѣніе старинной заупущенной богатой усадьбы. Домъ, гдѣ живетъ Левъ Николаевичъ вмѣстѣ со своей женою и дочерью, меблированъ очень просто. Все семейство, не исключая и графини, — вегетарианцы и не употребляютъ ничего мяснаго.

Тѣ, кто посѣщали Льва Николаевича ранѣе меня, рассказывали мнѣ, что онъ обладаетъ острымъ, пронизывающимъ взглядомъ, но я, какъ ни вглядывался, не могъ замѣтить рѣшительно ничего подобнаго. Онъ смотрѣлъ на меня такимъ добрымъ и ласковымъ взглядомъ, что я рѣшительно даже и представить не могу, какими образомъ этотъ взглядъ могъ-нибудь-могъ показаться острымъ или пронизывающимъ насвѣозъ...

Разговоръ весь вечеръ не прерывался, и казалось, что никогда въ моей жизни онъ не бывалъ такимъ легкимъ и свободнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Мы говорили о всевозможныхъ философскихъ вопросахъ и въ результатѣ согласились на томъ, что хотя изученіе природы и не даетъ въ настоящее время полного отвѣта на всѣ волнующіе насъ мировые вопросы, но если смотрѣть на современную научную дѣятельность какъ на простую закладку фундамента для работъ будущаго поколѣнія, которыя, опираясь на нашъ трудъ, могли бы ближе подойти къ познанію вѣчной истины, то современная наука находить себѣ полное оправданіе и заслуживаетъ полного сочувствія. Говорили также и о моей книгѣ объ Аполлониисѣ, которую Левъ Николаевичъ еще не читалъ, считая ее чисто астрономическимъ произведеніемъ, но, узнавъ, что она на двѣ трети историческая и написана въ астрономической части популярно, обещалъ прочесть и написать мнѣ свое мнѣніе о ней. Говорили и о современной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, причемъ Левъ Николаевичъ выразился, что его способъ дѣйствій есть простой результатъ «курнаго воспитанія».

Я не могу вамъ рассказать въ этой коротенькой запискѣ всего, о чемъ мы говорили. У Льва Николаевича такая глубокая и разносторонняя

натура, что въ предметахъ для разговора никогда не чувствуешь недостатка, а чувствуешь только недостаточность времени для того, чтобы обсудить детально всѣ возникающіе изъ разговоровъ вопросы.

Все семейство было очень привѣтливо съ нами, и вся поѣздка оставила по себѣ самое пріятное воспоминаніе.

Сердечно преданный

Николай Морозовъ.

1-го октября 1908 г.

Рус. Вѣд. 3-е Окт. 1908

«Lessing Theater», неуклонно всегда сѣдающий посѣщаетъ злостью или, открывъ осенній сезонъ «Властью Тьмы» Толстого.

Б. В. 3-е Окт. 1908

«Тульская Молва» сообщаетъ, что на дняхъ Л. Н. Толстого посѣтилъ въ Ясной Полянѣ очень богатый жидный помѣщикъ, студентъ Х., просившій великаго писателя разрѣшить сомнѣнія, возникшія у него послѣ того, какъ одинъ изъ сосѣдей роздалъ свои земли крестьянамъ, и это дало неблагоприятные результаты. Какъ разрѣшилъ Л. Н. эти сомнѣнія, газета не сообщаетъ.

Б. В. 3-е Окт. 1908

*) Встрѣтившись на торжественномъ открытіи университета Панаевского съ Николаемъ Александровичемъ Морозовымъ, только-что вернувшимся изъ Ясной Поляны отъ Л. Н. Толстого, редакторъ *Русскихъ Вѣдомостей* просилъ Н. А. Морозова сообщить нѣкоторыя подробности этого свиданія.

Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

На устройство музея въ течение сентября поступило:

Через газету «Слово»: Отъ М.—5 р., читатели—50 к., Капитанова—8 р., служавшихъ т-ва Кузнецова въ Ригѣ—8 р., 1 к., трехъ поклонниковъ—1 р. 12 к., Н. П. Соколова—10 р., вѣрующаго-армянскаго—20 к., Бадина—5 к., Н. Л. Успенской—5 р. Итого 82 р. 83 к.

Черезъ газ. «Совр. Слово»: Отъ М. О.—5 р., отъ служ. Изюмского завода—3 р., Дубровина—5 р., А. Михайлова—2 р., И. И. Л.—1 р., Н. М. Б.—1 р., М. М. В.—1 р., П. Лисенко съ 8-ю товарищами—70 к., отъ рабочихъ фабрики бр. Леонтьевыхъ—0 р. 55 к., М. Т.—3 р., отъ врача Машкина—1 р., отъ фельдшера О. В. Писарева—50 к., рабочихъ типографии Муратова изъ Боровска—2 р., любящихъ—2 р. 50 к., отъ служащихъ фармацевтовъ гор. Двинска—2 р. 30 коп., И. и Е. Головинцевъ—1 р., С. Мордвиновой и рабоч. Михайловскаго—3 р., отъ группы служащихъ пар. «Москва»—1 р. 65 к., Ожигинской—25 к., Комиссаровой—25 к., Гиро—25 к., Розы Левитъ—25 к., Вагута—25 к., Гольца—25 к., Череншескаго—25 к., Шельманъ—25 к., Баронъ—25 к., отъ Х. И. Перельманъ—50 к., Слонимской—35 к., Шельманъ Рахили—30 к., Шамесъ Рахили—20 к., Потрухъ—20 к., Ланде—20 к., А. В. Вагно—1 р., Е. М. Панежа—1 р., отъ статистиковъ тиги сб. ж. д.—6 р. 25 к., О. Н. Ваньковича—1 р., служ. правления товарищ. бр. Нобель—107 р. 25 к., отъ рабочихъ металл. завода—2 р. 20 к., фельдшера И. Суханова 1 р. Итого—168 р. 90 к.

Черезъ газ. «Рѣчь»: Отъ группы сибиряковъ студентовъ и курсистокъ—15 р., Н. В. Писенкаго изъ Балаклавы—5 р., дачниковъ, проживающихъ въ Финляндии—171 р. 87 к., П. Коренева—10 р., Г. Анварно—8 р., Н. Коношлево—5 р., А. Черенкова—1 р., Кузьмина—10 р., служ. правл. восточнаго общества—20 р. 25 к., В. Коченовскаго—1 р. Всего 269 р. 22 к.

Черезъ журналъ «Минувшіе Годы»: Отъ вол. ссѣл. Юрьева изъ енисейской губ.—1 р. 60 к., Изв. Александрова (изъ Харькова)—1 р. В. И. Шапунова (изъ губ.)—21 к. (почт. марками). Черезъ проф. А. К. Бороздина: NM—10 к., М. Б.—15 к., Д. Рихтеръ—1 р., Л.—30 к., П. Я.—1 р., Т.—1 р., В. Алексеевъ—1 р., Е. М.—3 р., Волотина—1 р., Д. Н.—1 р., Абеллова—1 р., Н. Субботина—1 р., А. Субботина—1 р., Н. Субботина—1 р., О. Субботина—1 р., Лесгафта—1 р., собрано на тург. вечерѣ въ театр. клубъ—22 р., Ходотова—2 р., Полякова—2 р., Х.—3 р., Плещеева—1 р., Михальсона—30 к., Калугина—2 р., Васенко—1 р., Баневича—50 к., Деша—1 р., Е. Писенца—3 р., Розенберга—2 р., Соболева—3 р., Л. Яковлева—3 р., Н. Дамачева—1 р., М. Клааса—50 к., Т. Ранена—50 к., Беренсона—50 к., Бенеза—50 к., Андерсона—50 к., Вабенкова—1 р., Нюзенберга—1 р., О. Грау—1 р., Н. Грау—1 р., Е. Прина—1 р., Евдокимова—20 к., Эйхенбаума—10 к., Суханова—10 к., Смирнова—15 к., Никшилова—20 к., Калинина—20 к., Болословскаго—15 к., Дерюжневскаго—3 р., Будича—1 р., Брауна—1 р., В. Нюзенберга—1 р., Н. И. Сальева—1 р., Н. Мамонтова—3 р. Итого черезъ проф. Бороздина—84 р. 51 к. Отъ Н. Н. Титушкина (Крымъ)—5 р., N.N.—5 р., Е.—3 р., А. Н. Максимова (Москва)—3 р., Н. К. Муравьева (Москва)—5 р., Аристовыхъ—10 р. Итого 117 р. 96 к.

Черезъ журн. «Рус. Богатство»: Отъ Е. М.—3 р., Черемшанской—5 р. Итого—8 р. Всего 587 р. 75 к.

Съ прежде поступившими—1341 р. 14 к.) и одна финляндская марка.

Въ течение сентября поступили для музея слѣд. предметы: Отъ Н. Е. Рѣпина—новый его кисти портретъ Толстого. Отъ пзд. Солище—портр. Толстого съ натуры. Прокудина-Горская (2 экз.), два стереоскопа и 2 серии картинокъ къ нему съ изображеніемъ Толстого въ Ясной Полянѣ. Отъ пзд. И. Д. Сытина: большой портр. Толстого, серия портретовъ Толстого (12).

*) «Рус. Слово» сообщаетъ, что коммерческій клубъ въ Россіи-на-Дону ассигновалъ на устройство дома-музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ—500 р.

No

Южн. Вѣст., Севастополь; Крымск. Вѣст.; Ялта; Рус. Ривьера; Ростовъ и Д.: 1) «Приап. Край», 2) Юж. Телъ. Мариуполь; Мар. Жития; Таганрогъ: «Тар. Вѣст.» Николаевъ; «Ник. Газета». Херсонъ: «Хер. Вѣст.», Одесса: 1) «Од. Обозр.», 2) «Од. Новз.», 3) «Од. Листъ», 4) «Рус. Рѣчь», Киншинева: 1) «Вол. Жития», 2) «Другъ», Житомиръ: 1) «Вол. Жития», 2) «Вѣст.», Киевъ: Пятигорскъ, Зем. Земл. Владикавказъ: 1) «Торекъ», 2) «Тер. Вѣд. Новороссиадора»: «Куб. Вѣд.», Старополи: 1) «Сѣв.-Кавк. Газ.», 2) «Югъ», 3) «Намъ Край», Тифлисъ: 1) «Иванка» 2) «Тифл. Листъ», 3) «Од. Кавказа», 4) «Знамя», 5) «Благи» (гура), Баку: «Баку», Ахалъ, байдъ: «Ахалбаи», Токмокъ: «Томск. Курьеръ», Симферополь: «Симф. Торг. Журналъ», «Ом. Телъ», Сибирскъ: «Сиб. Листъ», Томскъ: «Сиб. Отписки», Красноярскъ: «Красноярскъ», Иркутскъ: 1) «Сиб. Заря», 2) «Сибирь», Троицко-савскъ: «Даурскій Край», Благовещенскъ: «Амур. Край», Хабаровскъ: «Приамуръ», Николаевскъ: «Амур. Листы», Владивостокъ: 1) «Амур. Боецъ», 2) «Даль. Опр.», Ханьяны: 1) «Ханьянъ», 2) «Харбинъ», 3) «Донской Вѣст.», Варшава: «Kur. Warsz.», 2) «Glos Warsz.», 3) «Lat. i Sztuka», 4) «Słowo», 5) «Nowa Gazet.», 6) «Prz. Poranek.», 7) «Wapn. Dzi.», Лодзь: «Kur. Lodz.», Финляндія: 1) «Tubö.», 2) «Hels. Suomalai.», 3) «Suomelais Kausen.», 4) «Huivudstadtbladet.», 5) «Wakke Suomalai.», 6) «Raja Karjalas.», 7) «Lounis», 8) «Hämeleläin.», 9) «Karjal. Suomi.», 10) «Uuden Suom.», 13) «Finla. Газ.», Еженедельники нежелательныя: 1) «Гражд.», 2) «Весна», 3) «Прпр. и Люди.», 4) «Моск. Эксп.», 5) «Фина», 6) «Даль Росс.», 7) «Къ Сибирю» (Рост.-и-Д.), 8) «Гонецъ», 9) «Сарат. Жез. Под. Вѣст.», 10) «Нижнег. Нем. Нестилъ», 11) «Сарт. Вѣст.», 12) «Весьма», 13) «Правос.», 14) «Тружокъ», 15) «Слово», 16) «Нов. лит. мел. журн. (о-ра Окса).», 17) «Сиб. Востокъ», 18) «Сатурнионъ», 19) «Дня нар. учить.», 20) «Искръ», 21) «Лигитакъ» (Баку), 22) «Од. Росс.», 23) «Вѣд. И. Р. Техн. О-бщ.», 24) «Мысли Поэтовъ», 25) «Зап. М. Р. Техн. О-бщ.», 26) «Вѣст. Вост.», 27) «Вѣст. Евр.», 28) «Сопр. Миръ», 29) «Рус. Бог.», 30) «Рус. Мысль», 31) «Шт.», 32) «Мил. Голосъ», 33) «Вѣд. Инста-бульск. (гура)», Матракъ (гура), 35) «Эво-

Большинство перечисленных изданий доставлены в 2 экз., но некоторые издания (преимущественно провинциальных газет) не достаёт, вследствие чего комитет снова покорнейше просит доставить недостающие издания по адресу: Спб. Редакц. жур. «Минушіе Годы». Лигов. кв. 44.

Составлены комитеты: 1) Л. Н. Андреев, 2) К. В. Аркадский, 3) Ф. Д. Батюшков, 4) В. Я. Богучарский, 5) С. А. Венгеров, 6) В. В. Водовозов, 7) Г. К. Градовский, 8) М. М. Ковалевский, 9) В. Г. Короленко, 10) Д. С. Мережковский, 11) П. Н. Миллюков, 12) Г. В. Плеханов, 13) Л. З. Сяноцкий, 14) М. А. Стахович, 15) М. М. Филолов.

Пожертвования принимаются у всех членов комитета и в ред. газет: "Речь", "Слово" и "Современное Слово" и журналов: "Современный Мир", "Русское Богатство", "Образование" и "Минувшие Годы".

Комитет пожелает просить других газет (особенно провинциальных) перепечатать настоящий отчет.

* Въ с. Юнаковѣ, сумскаго у., харьковской губ., состоялся миссіонерскій съѣздъ духовенства, на которомъ свящ. слободы Палловъ Николай Чепуринъ сдѣлалъ докладъ о толстовствѣ. Изъ этого доклада, — по словамъ «К. Г. В.», — видно, что толстовство въ Палловѣ продолжаетъ развиваться, хотя и принимаетъ форму т. н. теософическаго міровоззрѣнія. Число сектантовъ официально не увеличилось противъ прошлаго года, но число клебящихся, по мнѣнію о. Чепурина, доходитъ до 800 чело-вѣкъ.

Рига 4-го Октя. 1906

МОСКВА.

(По телефону). 3 октября.

Въ Ясной Полянѣ.

Шанселебуржецъ Н. Морозовъ, находящійся въ настоящее время въ Ясной Полянѣ, въ письмѣ въ газ. «Русскія Вѣдомости» сообщаетъ, что великій писатель совершенно оправился отъ недавней болѣзни. Только по временамъ чувствуется боль въ ногѣ, когда ему приходится долго сидѣть въ одномъ и томъ же положеніи. Въ бесѣдѣ съ Морозовымъ, между прочимъ, Л. Н. коснулся вопроса о книгѣ Морозова «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ», которую Л. Н. до сихъ поръ еще не читалъ, такъ какъ считалъ ее чисто астрономическимъ произведеніемъ. Узнавъ, что въ книгѣ много историческихъ фактовъ и что астрономическая часть ея написана очень популярно, Левъ Николаевичъ заявилъ автору, что постарается книгу въ самомъ непродолжительномъ времени прочесть и обещалъ написать о ней свой отзывъ. Л. Н. по-прежнему живо интересуется всѣми текущими событіями. Разговорившись какъ-то съ Морозовымъ о волненіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и о политикѣ министра народнаго просвѣщенія Шварца, Л. Н. сказалъ, что способъ дѣйствій Шварца есть просто результатъ дурнаго воспитанія.

Рига 4-го Октя. 1906

137

МОСКВА.

8-го октября.
(По телефону).

Л. Н. Толстой совершенно оправился от недавней болезни. Только по временам чувствуется боль в ноге, если ему приходится сидеть в одном и том же положении.

Б.В. 4-ое окт. 1908

Н. А. Морозов о Толстом.

Шлиссельбургец Морозов посетил Льва Николаевича в Ясной Поляне 28-го сентября и в «Русск. Вѣд.» почти полностью сообщает интересныя подробности о свидании. Нашъ великій писатель совершенно оправился от своей недавней болезни, и только нога по временам побаливает, если долго приходится сидеть в одном и том же положении; но онъ ходитъ такъ свободно, что это совершенно незаметно.

Онъ поразили меня энергіей и силой

резь 2—3 часа бесѣды о разныхъ интересныхъ предметахъ онъ вырисовался предо мной, какъ человекъ, всецѣло занятый вопросами умственной и нравственной жизни. Я ясно понялъ, что эти вѣчные вопросы высоко-развитыхъ умовъ,—вопросы о томъ, каковы наши отношенія къ оставшему міру и къ окружающимъ людямъ, до того поглощаютъ его, что всѣ обыденныя событія окружающей жизни кажутся ему совершенно ничтожными, проходить на его умственномъ горизонтѣ какъ мимолетная тѣнь. Ему все равно, въ чемъ ему подадутъ чай или обѣды: въ деревянной чашкѣ или въ золотомъ блюдѣ, пить-ли онъ на деревянномъ обручѣ съ инкрустациями. Не все-ли это равно передъ лицомъ тѣхъ великихъ мировыхъ вопросовъ, которые наполняютъ всю его жизнь, не оставили мѣста для обыденныхъ житейскихъ мелочей?

Тѣ, кто посѣщали Льва Николаевича ранѣе меня, рассказывали мнѣ, что онъ обладаетъ острѣйшимъ, пронизывающимъ взглядомъ, но я, какъ ни вглядывался, не могъ замѣтить рѣшительно ничего подобнаго. Онъ смотрѣлъ на меня такимъ добрымъ и ласковымъ взглядомъ, что я рѣшительно даже и представить не могу, какимъ образомъ этотъ взглядъ кому-нибудь могъ показаться острѣйшимъ или пронизывающимъ наскомъ...

Разговоръ весь вечеръ не прерывался, и казалось, что никогда въ моей жизни онъ не бывалъ такимъ легкимъ и свободнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Мы говорили о всевозможныхъ философскихъ вопросахъ и въ результатѣ согласились на то, что хотя изученіе природы и не даетъ въ настоящее время полного отвѣта на всѣ волнующіе насъ мировые вопросы, но если смотрѣть на современную научную дѣятельность, какъ на простую закладку фундамента для работъ будущихъ поколѣній, которая, опираясь на нашъ трудъ, могли бы ближе подойти къ познанію вѣчной истины, то современная наука находитъ себѣ полное оправданіе и заслуживаетъ полного сочувствія.

Говорили и о современной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія, причемъ Левъ Николаевичъ выразилъ, что его способъ дѣйствій есть простой результатъ «духанаго воспитанія».

Б.В. 4-ое окт. 1908

Письмо Н. А. Морозова, о которомъ вчера упоминалось въ телефонѣ изъ Москвы, приводимъ изъ «Русск. Вѣд.» почти полностью.

28 сентября я посетилъ Л. Н. Толстого вмѣстѣ съ моимъ другомъ В. Д. Лебедевымъ. Нашъ великій писатель совершенно оправился отъ своей недавней болѣзни и только нога немного побаливаетъ, если приходится сидѣть вѣ одномъ и томъ же положеніи; но онъ ходитъ такъ свободно, что этого совершенно незаметно.

Онъ поразили меня энергіей и силой своей ум-

ственной дѣятельности. Черезъ 2—3 часа бесѣды о разныхъ интересныхъ предметахъ онъ вырисовался предо мной какъ человекъ, всецѣло занятый вопросами умственной и нравственной жизни. Я ясно понялъ, что эти вѣчные вопросы высоко-развитыхъ умовъ,—вопросы о томъ, каковы наши отношенія къ оставшему міру и къ окружающимъ людямъ, до того поглощаютъ его, что всѣ обыденныя событія окружающей жизни кажутся ему совершенно ничтожными, проходить на его умственномъ горизонтѣ какъ мимолетная тѣнь. Ему все равно, въ чемъ ему подадутъ чай или обѣды: въ деревянной ли чашкѣ или въ золотомъ блюдѣ, пить-ли онъ на деревянномъ обручѣ или на мраморномъ столѣ съ инкрустациями. Не все-ли это равно передъ лицомъ тѣхъ великихъ мировыхъ вопросовъ, которые наполняютъ всю его жизнь, не оставили мѣста для обыденныхъ житейскихъ мелочей?

Въ осеннемъ нарядѣ Ясная Поляна при вѣздѣ въ паркъ оставляетъ впечатлѣніе старинной замкнутой богатой усадьбы. Домъ, гдѣ живетъ Левъ Николаевичъ вмѣстѣ съ своей женою и дочерью, меблированъ очень просто. Все семейство, не исключая и графини,—вегетарианцы и не употребляютъ ничего мясного.

Тѣ, кто посѣщали Льва Николаевича ранѣе меня, рассказывали мнѣ, что онъ обладаетъ острѣйшимъ, пронизывающимъ взглядомъ, но я, какъ ни вглядывался, не могъ замѣтить рѣшительно ничего подобнаго. Онъ смотрѣлъ на меня такимъ добрымъ и ласковымъ взглядомъ, что я рѣшительно даже и представить не могу, какимъ образомъ этотъ взглядъ кому-нибудь могъ показаться острѣйшимъ или пронизывающимъ наскомъ...

Разговоръ весь вечеръ не прерывался и казалось, что никогда въ моей жизни онъ не бывалъ такимъ легкимъ и свободнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Мы говорили о всевозможныхъ философскихъ вопросахъ и въ результатѣ согласились на то, что хотя изученіе природы и не даетъ въ настоящее время полного отвѣта на всѣ волнующіе насъ мировые вопросы, но если смотрѣть на современную научную дѣятельность, какъ на простую закладку фундамента для работъ будущихъ поколѣній, которая, опираясь на нашъ трудъ, могли бы ближе подойти къ познанію вѣчной истины, то современная наука находитъ себѣ полное оправданіе и заслуживаетъ полного сочувствія. Говорили также и о моей книгѣ объ Апокалипсисѣ, которую Левъ Николаевичъ еще не читалъ, считая ее чисто астрономическимъ произведеніемъ, но, узнавъ, что она на двѣ трети историческая и написана въ астрономической частіи популярно, обилжалъ прочесть и написать свое мнѣніе о ней. Говорили и о современной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія.

Нол. Русск. 5-ое окт. 1908

Въ обществахъ и собраніяхъ.

8 октября состоялось первое собраніе литературно-художественнаго кружка имени Я. П. Полонскаго. Въ этомъ году кружокъ празднуетъ десятилѣтіе своего существованія, и въ день десятилѣтія смерти Я. П. Полонскаго кружокъ устраиваетъ вечеръ, посвященный специально его произведеніямъ. Первый вечеръ былъ посвященъ памяти И. С. Тургенева и члена и урядителя кружка П. И. Вейнберга. Однѣмъ изъ ближайшихъ вечеровъ кружка будетъ посвященъ Л. Н. Толстому.

Нол. Русск. 5-ое окт.

НАМЪ ПИШУТЪ:

Изъ Кашина, тверской губернии.

Незадолго до очередного собранія въ кашинскую земскую управу было подано заявление, подписанное 167 лицами изъ различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, съ предложеньемъ ознаменовать восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого, назвавъ его именемъ одну изъ предполагаемыхъ къ открытію сельскихъ школъ и помѣстивъ въ школахъ портреты великаго писателя, а въ школьнымъ библиотеки—собраніе его сочиненій.

Заявленіе это, не будучи прочтано въ собраніи, поступило въ редакционную комисію. Члены комисіи, повидимому, были смущены предстоящею имъ задачей—обсужденіемъ этого заявленія.

— Ничего особеннаго Л. Н. Толстой какъ писатель не представляетъ. Мало ли у насъ есть писателей?—выразилъ свое мнѣніе одинъ видный членъ комисіи.

Другой, тоже видный членъ комисіи, посмотрѣвъ на подписи подъ заявленіемъ, произнесъ:

— Тутъ, вѣроятно, подписывались мальчишки, да кухарки; такихъ подписей по гриценанку съ человѣка можно много собрать.

Комисія постановила предположеніе 167 лицъ отклонить. Это постановленіе, прочитанное на другой день въ собраніи, было молча принято собраніемъ.

При выборѣ кашинскими уважаемымъ земскимъ собраніемъ почетныхъ мировыхъ судей избранъ присяжный повѣренный Г. Д. Старгитинъ, бывшій членъ виленской судебной палаты.

При баллотировкѣ въ почетные мировые судьи Д. И. Дубасова (симбирскаго губернатора) получилось пять набирательныхъ шаровъ и восемь неизбирательныхъ; такимъ образомъ, г. Дубасовъ оказался забаллотированнымъ.

Рига. 5^е Окт. 1908

— Изъ Двинска Новому Времени телеграфируютъ: «Губернаторомъ постановлено постановленіе Думы ассигновать ежегодно 1,000 руб. на школу имени Льва Толстого». 24.10.1908

Рига. 24.10. 5^е Окт. 1908

— Обществомъ фабричныхъ врачей послана приветственная телеграмма г. Л. Н. Толстому, запоздавшая по причинѣ невозможности собрать членовъ Общества во время лѣтнихъ каникулъ. Телеграмма слѣдующаго содержанія: «О. 21 1/2 1908»
«Московское Общество фабричныхъ врачей приветствуетъ васъ, гордость русскаго народа. Богатію русскою литературой, философію и мыслителю слава!»

Рига. 24.10. 5^е Окт. 1908

Въ союзѣ драматическихъ и музыкальных писателей.

Состоявшееся вчера въ 2½ ч. дня, чрезвычайное собрание членовъ союза драматическихъ и музыкальных писателей прошло очень оживленно.

Обсуждался вопросъ о желательности или нежелательности присоединения Россіи къ международной конвенціи, причемъ въ преніяхъ рѣтко обозначились два диаметрально противоположныхъ направленія—за и противъ конвенціи.

Убѣжденный противникъ конвенціи А. Р. Кугель доказывалъ, что присоединеніе къ конвенціи идетъ въ разрѣзъ съ интересами и страны, и драматурговъ, и союза драматическихъ писателей. Для культурнаго развитія страны количество поступающихъ на книжный рынокъ дешевыхъ музыкальных и драматическихъ произведеній имѣетъ огромное значеніе. Выгоды отъ присоединенія къ конвенціи очень проблематичны. Русскіе драматурги отъ конвенціи не выиграютъ, такъ какъ и теперь самый бѣдный театръ предпочитаетъ даже посредственное оригинальное произведеніе блестящему переводу съ иностраннаго. Если Кому нибудь конвенція и принесетъ пользу, то только крупнымъ издателямъ, которые, располагая большими средствами, захватятъ въ свои руки всю иностранную литературу и наводнять рынокъ бездарными переводами.

Театръ пострадаетъ, такъ какъ придется платить за переводы пьесъ дороже, не выиграетъ и союзъ драматическихъ и музыкальных писателей, такъ какъ издатели предпочтутъ черезъ своихъ агентовъ входить въ непосредственныя сношенія съ театрами, какъ это дѣлается теперь за границей. Наконецъ, присоединеніе къ конвенціи отниметъ послѣдній кусокъ хлѣба у переводчика-пролетарія.

Возраженія сторонниковъ конвенціи опирались, главнымъ образомъ, на этикъ, а затѣмъ—на указаніе, что иностранно драматурги живутъ богато, въ то время, когда русскіе драматурги и писатели получаютъ гроши.

Въ концѣ копцовъ, такъ и не удалось примирить эти два диаметрально-противоположныхъ точки зрѣнія, и собраніе рѣшило избрать Комиссію для всесторонней разработки вопроса съ тѣмъ, чтобы докладъ комисіи въ двухнедельный срокъ представленъ былъ на заключеніе общаго собранія. Въ составъ комисіи избраны: И. В. Вессель, В. А. Тихоновъ, А. Р. Кугель, М. А. Суконниковъ, И. Н. Потапенко и О. Норвежскій.

Въ томъ же собраніи единогласно почетнымъ членомъ союза драматическихъ и музыкальных писателей избранъ Л. Н. Толстой.

Въ обществѣ грамотности.

5 окт. состоялось годичное собраніе общества грамотности. Присутшіе подъ крыломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, рядомъ съ домовою церковью министерства, это общество—наследникъ знаменитаго комитета грамотности—не торопясь и безъ излишества съѣлъ „просвѣщеніе“, о чемъ свидѣлствуютъ цифры отчета за 1907 годъ, который правленіе наконецъ удалось издать. Дѣятельность о—на выразилась въ безплатной разсылкѣ книгъ... на сумму 94 р. 85 к.

Громадный трудъ по этой разсылкѣ выполняла особая „Библиотечная“ Комиссія, состоявшая изъ 26 человекъ (върѣе послѣ этого жалоба на то, что у насъ „людей нѣтъ“) и жившая въ теченіе года 8 засѣданій. Не менѣе продуктивно „работала“ Комиссія народныхъ чтеній, на расходы которой по смѣтѣ назначено было 800 р., а израсходовано 5 р. 10 к.,—и о дѣятельности которой ничего не зналъ даже членъ ея.

Книжный складъ и магазинъ о—ва продали въ теченіе года за наличныя на 782 р. 29 к., въ кредитъ и черезъ комиссіонеровъ—на 2,036 р. 82 к., а всего на 2,819 р. 11 к.

Немногомъ лучше обстояло дѣло въ издательской комисіи. Издано новыхъ книгъ на 5,066 р. 77 к. Въ теченіе года комиссія успѣла просмотрѣть 10 рукописей и рѣшить вопросъ объ изданіи сочиненій Накитина въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ предположеніе о томъ, что авторское право на его произведенія никому не принадлежитъ, оказалось ошибочнымъ.

Наконецъ, дѣятельность о-ва выразилась въ содержаніи одной школы (въ Сестрорѣцкѣ) и курсовъ грамоты для взрослыхъ при двухъ школахъ.

На общемъ собраніи возникъ вопросъ о чествованіи людина Л. Н. Толстого и ознаменованіи 25-лѣтія со дня смерти И. С. Тургенева.

Нашлась пара „человѣчковъ въ футлярѣ“, которые протестовали противъ чествованія Л. Н. Толстого и потребовали рѣшенія вопроса закрытой баллотировкой,—однако они остались въ меньшинствѣ. Большинство голосовъ рѣшено было повѣсить портреты Толстого и Тургенева въ школахъ общества и залѣ засѣданій его, издать брошюры о ихъ дѣятельности и послать Л. Н. Толстому привѣтственную телеграмму. Это единогласно рѣшено соорудить памятникъ и для того открыть подписку члену о-ва А. Е. Филонову (составителю хрестоматіи и нѣсколькихъ компиляцій).

Нов. Русс. 6^е окт. 1908

Нов. Русс. 6^е окт. 1908

ВЪ КРУГУ ДУХОВНОМЪ.

Синодъ продолжнеть обновляться.

До прошлаго года въ числѣ присутствовавшихъ въ синодѣ іерарховъ были лишь два представителя блага духовенства: протопресвитеръ придворнаго духовенства І. І. Янышевъ и протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства А. А. Желобовскій.

Предъ открытіемъ прошлагодня сессіи въ составъ синода назначенъ былъ и небезызвѣстный Кронштадтскій протоіерей І. И. Сергіевъ.

Назначеніе это состоялось подъ давленіемъ реакціонной партіи, утверждавшей, что протоіерей Сергіевъ, какъ пользующійся яко бы неограниченными вліяніемъ на широкую массу народа, сумѣетъ привлечь ее на сторону реакціи. Жизнь однако не оправдала этихъ предположеній и надеждъ.

Ни одно синодальное опредѣленіе, подъ которымъ стояла въ числѣ прочихъ и подпись протоіерея Сергіева, не встрѣтило особаго сочувствія народнаго, а къ нѣкоторымъ изъ нихъ (вродъ, напр., посланія о несправедливаніи юбілея І. Н. Толстого) и народъ, и духовенство отнеслись отрицательно и выступили даже съ открытыми протестами.

Какъ бы то ни было, его имя включено было въ списокъ іерарховъ, назначенныхъ къ присутствованію въ синодѣ и въ только что открывшуюся сессію.

Это новое назначеніе поставило протоіерея Сергіева въ очень неудобное положеніе.

Съ одной стороны ему предстояло работать хотя и не Богъ вѣсть съ какими прогрессистами, но все же съ лицами, въ большинствѣ не раздѣляющими его ультра-реакціонныхъ убѣжденій.

Съ другой—въ силу постановленія Кіевского мисіонерскаго съѣзда, онъ долженъ былъ въ качествѣ присутствующаго въ синодѣ вырабатывать совмѣстно съ остальными синодальными членами мѣры борьбы съ „іованнитами“, т. е. съ тѣми самими „Михаилами архангелами“ и „Ильями пророками“, которые являются наиболее приближенными къ нему лицами.

Выходъ изъ этого положенія былъ одинъ: отказаться добровольно отъ званія присутствующаго въ синодѣ.

Протоіерей Сергіевъ понялъ это и надѣялся, какъ намъ сообщаютъ, подалъ надлежащее заявленіе о своемъ отказѣ отъ дальнѣйшаго присутствованія въ синодѣ, ссылаясь на свой преклонный возрастъ и болѣзненное состояніе здоровья.

„Созвонники“ и ихъ единомышленники крайне огорчены однако такимъ шагомъ своего ставленника и, по слухамъ, энергично хлопочутъ, чтобы просьба протоіерея Сергіева была отклонена.

Со стороны митрополита Антонія и другихъ синодальныхъ властей, ходатайство ихъ, какъ говорятъ, не встрѣчаетъ однако поддержки и врядъ ли будетъ удовлетворено.

М. П.

Взгляд на Л. Н. Толстого

В «Русских Ведомостях» напечатано следующее сообщение Н. Морозова о посещении г. Л. Н. Толстого:

«28-го сентября я посетил его вместе с моим другом В. Д. Лебедевым. Наш великий писатель совершенно оправился от своей печальной болезни, и только ноги по временам покачиваются, если долго приходится сидеть в одном и том же положении; но он ходит так свободно, что этого совершенно не замечать.

Ему все равно, в чем ему подадут чай или обед: в деревянный чашник или золотом блюде, пишет-ли он на деревянном обрубке или на мраморном столе с пирустасиями. Не все-ли это равно перед лицом тех великих мировых вопросов, которые наполняют всю его жизнь, не остаются места для бытовых житейских мочей?

В осеннем парке Ясная Поляна при въезде в парк оставляет впечатленье старинной запертой богатой усадьбы. Дом, где живет Лев Николаевич, вместе со своей женой и дочерью, меблирован очень просто. Все семейство, не исключая и графини, — вегетарианцы и не употребляют ничего мясного.

Те, кто носили Льва Николаевича раньше меня, рассказывали мне, что он обладает острым, пронизывающим взглядом, но я, как ни вглядывался, не мог заметить решительно ничего подобного. Он смотрел на меня таким добрым и ласковым взглядом, что я решительно даже и представить не могу, каким образом этот взгляд кому-нибудь мог показаться острым или пронизывающим.

Он поразила меня энергией и силой своей умственной деятельности. Через 2—3 часа беседы о разных интересных предметах, он высказался передо мной как человек, всегда занятый вопросами умственной и нравственной жизни. Я ясно понял, что эти вечные вопросы высоко-развитых умов, — вопросы о том, каковы наши отношения к остальному миру и к окружающим людям, до того поглощают его, что все бытовые события окружающей жизни кажутся ему совершенно ничтожными, проходят для его умственного горизонта как мимолетная тень.

Разговор весь вечер не прерывался, и казалось, что никогда в моей жизни еще не бывал таким легким и свободным, как в этот вечер. Мы говорили о несомненных философских вопросах и в результате соглашались на том, что хотя изучение природы и не дает в настоящее время полного ответа на все волнующие нас мировые вопросы, но если смотреть на современную научную деятельность, как на простую зачатку фундамента для работ будущих поколений, которая, опираясь на нашу трудную, может-бы ближе подойти к несомненной истине, то современная наука находит себе полное оправдание и заслуживает полного сочувствия. Говорили также и о моей книге об Анкаланиях, которую Лев Николаевич еще не читал, считая ее чисто астрономическим произведением, но, узнав, что она на две трети историческая и написана в астрономической части популярно, обещал прочесть и написать мне свое мнение о ней. Говорили и о современной деятельности министра народного просвещения, причем Лев Николаевич выразился, что его способ действий есть простой результат «дурного воспитания».

И не могу мне рассказать в этой короткой заметке всего, о чем мы говорили. У Льва Николаевича такая глубокая и равнодушная натура, что в предмете для разговора никогда не чувствуешь недостатка, а чувствуешь только недостаточность времени для того, чтобы обсудить детально все возникающие из разговоров вопросы.

Все семейство было очень приветливо к нам, и вся обстановка оставила во мне самое приятное воспоминание.

Петербург. 20. 6 Окм. 1908

Во союз драматических и музыкальных писателей. Вчера, под председательством г. Бесселя, состоялось чрезвычайно общее собрание членов союза драматических и музыкальных писателей. Собрание прошло очень живо.

Рассматривался вопрос о формах участия России в международной литературной конвенции.

Мнения по этому вопросу разделились: одно мнение с А. Р. Кугелем во главе доказывало, что Россия должно отнестись к мысли примкнуть к международной литературной конвенции, так как абсолютно никакой пользы она дать не может, она только сыграет в руку издателям, другие же мнения шли вразрез с мнением г. Кугеля и доказывали все блага и преимущества, если у нас будет авторская конвенция.

А. Р. Кугель говорил, что связывать литературу, искусство путями не следует, что искусством должны пользоваться абсолютно все, как все пользуются воздухом и светом.

Ввиду того, что мнения разделились, решено было выбрать особую комиссию для обсуждения этого вопроса, с правом кооптации.

Комиссия дана два недели сроку, в который она будет представлять свои соображения.

В комиссию вошли: Бессель, Суккеников, Норвежский, Кугель, Тихонов и Потаново.

Вопрос о литературной конвенции будет обсуждаться в государственной думе, в декабре м.б.

Предложение правления, об избрании в почетные члены союза Л. Н. Толстого, прошло единогласно.

Петербург. 20. 6 Окм. 1908

ТОЛСТОЙ И РЕФОРМАЦИЯ.

I.

Я прочел если не все, то многое из того, что написано было у нас по поводу юбилея Толстого, и если къ этому многу рѣшаюсь прибавить свое слово, то потому, что мнѣ показалось, что нѣчто существенное еще осталось невысказаннымъ о Толстомъ. Изъ трехъ ликовъ его творческаго гения сочувствіе почти всѣхъ писавшихъ о немъ удѣлялось первымъ двумъ,—Толстому-художнику и Толстому-моралисту, между тѣмъ какъ Толстой-религіозный мыслитель былъ обойденъ вѣжливымъ молчаніемъ. Эту послѣднюю сторону толстовской дѣятельности подчеркнуть только синодъ, который—какъ это ни странно—обнаружилъ болѣе тонкое критическое чутье, нежели сочувствующая интеллигенція. У страха глаза оказались не только велики, но и проницательны. Синодъ былъ правъ, признавая религіозный моментъ въ дѣятельности Толстого самымъ жизненнымъ и конструктивнымъ. Но если такъ, то не должны ли мы подчеркнуть эту сторону творчества Толстого? Мнѣ кажется, что цѣнить въ немъ, главнымъ образомъ, моралиста значить разсматривать его не съ русской, а съ европейской точки зрѣнія. Въ Европѣ, гдѣ культъ комфорта и спорта безраздѣльно царитъ надъ умами и совѣстью людей, морализирующее слово Толстого, подтвержденное примѣромъ его жизни, произвело на самомъ дѣлѣ потрясающее дѣйствіе. Толстой поразилъ воображеніе захопотававшихся европейцевъ почти въ той же мѣрѣ, въ какой въ свое время Сахья-Муни поразилъ фантазію напѣженныхъ азіатовъ. Вѣсть о томъ, что королевичъ, имѣвшій возможность пользоваться высшими, почти божественными дарами жизни, многоженнымъ гаремомъ, тѣнистыми садами, мягкими диванами, добровольно отказался отъ этой небесной роскоши ради мудрости и святости,—вѣсть эта разбудила соннаго азіата, заставила увѣровать въ возможность несбыточнаго, въ чудо. Не менѣе потрясенъ и взволнованъ былъ европейскій буржуа, узнавъ, что богатый графъ, не самозваный, а подлинный, имѣющій возможность кататься въ автомобилѣ и заказывать платье въ Лондонѣ, проповѣдуетъ скромную трудовую жизнь крестьянина, и не только проповѣдуетъ, но самъ питается и одѣвается какъ крестьянинъ, шьетъ сапоги, кладетъ печи и гнѣшомъ ходитъ изъ Москвы въ Ясную Поляну. Еще болѣе былъ изумленъ европейскій писатель, у котораго, по удачному выраженію Тургенева, при мысли о гонорарѣ не только глаза, но и зубы загораются, когда онъ узналъ, что есть гениальный романистъ, который добровольно отказывается отъ гонорара, пренебрегаетъ сакраментальнымъ авторскимъ правомъ.

Дѣло было тутъ не въ гениі Толстого, но въ убѣдительности гениальнаго слова, а въ томъ, что гений имѣетъ больше правъ на нависшій гонораръ. Гениі Толстого

сыграли ту же роль, какъ королевскій титулъ Сахья-Муни. Возможность подобной невозможности, какъ добровольный отказъ отъ чека, отъ живыхъ денегъ, произвела глубокий переворотъ въ психологіи европейскихъ писателей. Это не значить, что и они, по примѣру Толстого, готовы были отказаться отъ священннхъ прерогативъ авторскаго права. Нѣтъ, болѣе подпадавшие подъ вліяніе Толстого, болѣе морализирующіе европейскіе писатели—не исключая ни Ибсена, ни Метерлинка—въ своихъ денежныхъ отношеніяхъ къ издателямъ и переводчикамъ остались по-прежнему аккуратными и нечеперными строгими. Переворотъ произошелъ въ глубинѣ воли и чувства. Жизнь Толстого сдѣлалась житіемъ въ глазахъ культурнаго человѣчества. Въ холодный вѣбомученный океанъ европейскаго соперничества слово Толстого влилось, какъ теплый благодарственный голѣфстремъ, отъ проповѣди его повѣло доброты, всепрощеніемъ, благоволеніемъ, и подъ вліяніемъ ея измѣнились темы, идеалы и самый тонъ европейскаго романа и театра. Куда нибудь а подробнѣе расскажемъ объ этомъ удивительномъ преobraженіи всемірной литературы, которое подъ воздѣйствіемъ Толстого совершилось на нашихъ глазахъ, въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ. Теперь ограничусь замѣчаніемъ, что къ европейской мысли и совѣсти Толстой былъ обращенъ только ликомъ моралиста, а все остальное—его художественный гений, его религіозный энтузіазмъ—въ глазахъ европейца имѣли второстепенное значеніе, были чѣмъ-то вроде ореола вокругъ этого строгаго и въ то же время непостижимо-кроткаго лика.

Не таково значеніе Толстого для Россіи. Отреченіемъ, недѣланіемъ, стремленіемъ къ опрощенію никого у насъ не удивили. Въ періодъ хожденія въ народъ молодые люди съ легкимъ сердцемъ отказывались отъ своихъ общественныхъ и экономическихъ привилегій и приносили жертвы, передъ которыми толстовское питье сапогъ и кладка печей кажутся невинной забавой. Самое слово „опрощеніе“ было создано Тургеневымъ до появленія „Исповѣди“. Какъ проповѣдникъ простой жизни, какъ апологетъ крестьянской правды, Толстой являлся въ Россіи не учителемъ, а однимъ изъ послѣдователей, не творцомъ новаго теченія, а однимъ изъ подражающихъ теченіемъ, уже до него существовавшимъ. Толстой въ Россіи одинъ изъ опрощившихся, одинъ изъ ушедшихъ въ народъ. Даже главный парадоксъ толстовской морали—ученіе о непротивленіи злу—было не чѣмъ инымъ, какъ возведеніемъ въ теоретическій тезисъ русской пасивности и лѣнью. Объ этомъ парадоксѣ много спорили, но вліяніа на жизнь онъ не имѣлъ у насъ никакого. Никто не возвелъ его въ законъ своего поведенія, и всѣ событія послѣднихъ лѣтъ были живымъ опроверженіемъ этого парадокса, такъ что если видѣть въ немъ сущность толстовской морали то пришлось бы

отрицать за ней всякое значение. Дёло, конечно, не въ этомъ парадоксѣ и не въ томъ, что Толстой, вмѣстѣ со многими другими, опростился и ушелъ въ народъ, а въ томъ, что сдѣлать онъ это по особому, не такъ какъ все, по инымъ мотивамъ и съ иную цѣлью. По него всѣ искавшіе сліянія съ народомъ вдохновлялись идеями или консервативно-политическими, какъ славянофиламъ, или революціонно-политическими, какъ народоувольцы. Толстой первый устремился къ сліянію съ народомъ по мотивамъ не политическимъ и не экономическимъ, а чисто религиознымъ, и въ этомъ религиозномъ моментѣ вся новизна и вся необычайность его подвига, по крайней мѣрѣ, для русскихъ. Кто хочетъ знать, что такое Толстой для Россіи, долженъ сперва разобраться въ вопросѣ, что такое религія Толстого. Постараюсь дать на этотъ вопросъ по возможности краткій и определенный отвѣтъ.

II.

До Толстого у насъ существовало двойное отношеніе къ религіозности—наивное утвержденіе и наивное отрицаніе. Наивно утверждающіе брали своимъ девизомъ слова Тертуліана: „credo, quia absurdum“;—вѣроу въ чудесное, въ нарушение законности, пріемлю все это вѣроу именно потому, что разумомъ принять этого нельзя. Внутреннюю надорванность такой религіозности всего ярче выразилъ Достоевскій, утверждая, что если бы ему предстояло сдѣлать выборъ между истиной и Богомъ, онъ предпочелъ бы Бога истинѣ. Этими словами онъ, конечно, желалъ возвысить божественное надъ человѣческимъ, а на самомъ дѣлѣ охулялъ то и другое. Человѣческое онъ охулялъ, допустивъ, что наша истина можетъ оказаться противною Богу, но и Божество онъ принизилъ, допустивъ, что оно можетъ оказаться въ противорѣчіи съ истиной. Такимъ образомъ, ницующе Бога въ отрицаніи истины и разума обрѣтають отрицательное божество, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Достоевскому въ русской дѣйствительности мерещились „бѣсы“, а Владиміру Соловьеву финаль всемірной исторіи представлялся въ видѣ повѣсти объ Антихристѣ. Что же касается „нео-христіанъ“, то извѣстно, что черти, антихристы и сатаны такъ и мелькають въ ихъ разсужденіяхъ, какъ летучія мыши передъ грозой.

III.

Въ противоположность этимъ поклонникамъ формулы „credo, quia absurdum“, у идѣ съ шестидесятихъ годовъ явились поклонники разума, но разума ограниченнаго и самодовольнаго, кудача разума, отрицающаго не только чудеса и преданія, но только шелуху старой религіозности, не и самую религіозность, и рѣшающаго все вѣчное вопроса бытія „очень просто“,—хлестко вымучивая ихъ. Смерть? Ха, ха. Вся тамъ будешь. Начало жизни? Ха, ха. Обезьяна. Конецъ жизни? Ха, ха. Лопухъ. Желая очистить русскую дѣйствительность отъ гниди мнимыхъ цѣнностей, незамѣтно для себя обезцвѣтили жизнь и съ самыми добрыми намереніями

ми создали тусклую дѣйствительность. Реализмъ, отрицая божественность жизни, выпрохался въ нигилизмъ, а нигилистическая веселость привела къ скукѣ. Тѣсно стало душѣ между обезьяной и лопухомъ, и дѣлу не помогло ни рѣзаніе лягушекъ, ни хожденіе въ народъ, ни политическое подвижничество. Уходя въ народъ, реалисты въ сущности бѣжали отъ своей необожественной жизни къ необожественной жизни народной, мѣнявъ свою обезьяну и свой лопухъ на обезьяну и лопухъ ближняго. Русский нигилизмъ создалъ подпольную Россію, подпольную въ смыслѣ не только полицейскомъ, но и вселенскомъ, ибо, надвинувъ на жизнь вмѣсто неба божественной безконечности цитолокъ животнo-бездѣльного существованія, нигилизмъ превратилъ саму вселенную въ подвалъ, въ подполье.

IV.

Въ своей борьбѣ съ религіозностью наша доморощенные реалисты ссылались на примѣръ Запада, цитировали Бюхнера и Спенсера, забывая, что Западъ пришелъ къ своей культурѣ не дорожкой бойкаго издѣвательства, а труднымъ и славнымъ путемъ религіозной реформации. Наши реалисты прогидляли великій историческій законъ, гласящій, что только тотъ народъ созрѣваетъ для высшей культуры, который не застылъ въ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и не легкомысленно отгнулъ ихъ, а внутренне ихъ преобразилъ, провѣлъ черезъ таинственный процессъ реформации, въ которомъ личность какъ бы вторично рождается и облагораживается, подобно тому, какъ виноградный сокъ преобразуется въ процессѣ броженія и изъ сладковатой жидкости становится благороднымъ виномъ. Въ этомъ отношеніи всѣ народы Запада могутъ быть раздѣлены на двѣ огромныя духовныя расы,—на расу высшую, къ которой принадлежатъ народы, вторично рожденные въ процессѣ реформационнаго броженія, и расу низшую, къ которой относятся народы, застывшіе въ религіозной ортодоксіи или же изъ огня предразсудковъ брошившіеся въ поля атеизма. Разница между тѣми и другими коренная, органическая, и проявляется она во всѣхъ областяхъ творчества и дѣланія, даже въ такихъ, которыя какъ будто ни въ одной точкѣ не сопрягаются ни съ религіозными предразсудками, ни съ религіознымъ просвѣщеніемъ. Возьмите, напримеръ, сферу, наиболѣе отдаленную отъ религіи, имѣющую въ настоящій моментъ для насъ такое злободневное значеніе,—сферу тѣлесной чистоты и гигиены,—и вы увидите, что культъ чистоты господствуетъ какъ разъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ вліяніе реформации было наиболѣе сильнымъ, и наоборотъ. Приходится думать, что процессъ реформации важенъ не только тѣмъ истинами, къ которымъ онъ приводитъ, сколько тѣмъ закаломъ, который въ немъ приобретаетъ личность или, вѣрнѣе, разумъ личности, испытывающей Бога и утверждающей себя въ безконечности. Народъ, прошедшій черезъ реформацию, подобенъ организму, состоящему изъ кѣл-

чекъ устойчивыхъ, вооруженныхъ для борьбы, между тѣмъ какъ до процесса реформации кѣточки эти остаются шаткими и безвольными.

Къ великому прискорбію, слѣдуетъ сознаться, что до сихъ поръ русскій народъ въ цѣломъ не былъ причастенъ реформации. Русская личность не переболѣла религиозными сомнѣніями, не рѣшила наединѣ съ собою послѣднихъ, неизреченныхъ запросовъ жизни, не утвердила верховныхъ правъ разума и, слѣдовательно, сама не утвердилась, ибо личность и разумъ тождественны. Русское старообрядчество было шагомъ не впередъ, а назадъ. Сектанство же, являясь отраженіемъ занесенныхъ извнѣ, когда-то освободительномощныхъ, но давно устарѣлыхъ вывѣтрившихся нѣмецкихъ реформаціонныхъ идей, не могло выйти за околицу деревень и оказалось безсильнымъ вліять на образованные классы, уже узнавшие, хотя бы съ чужихъ словъ, о свободѣ научной критики. Оставаясь внѣ реформации, русскій народъ осужденъ былъ до сихъ поръ пребывать на задворкахъ культуры.

V.

Первымъ провозвѣстникомъ русской религиозной реформации, современнымъ русскимъ Лютеромъ является Левъ Толстой, который, въ противоположность веселымъ реалистамъ, утвердилъ божественность жизни, но въ то же время, въ противоположность поклонникамъ „абсурда“, устранилъ изъ религіи (что и отличаетъ его ученіе отъ нѣмецкой реформации) все неразумное. Жизнь—божественна. Въ мірѣ совершается не человѣческая, а божественная воля, —таковъ основной религиозный тезисъ, которымъ Толстой искупилъ грѣхъ русскаго нигилизма и вернулъ вещамъ абсолютную дѣйность. Но божественность жизни поставается не какимъ-то особеннымъ чувствомъ сѣдой или самоотверженной вѣры, не при посредствѣ преданія и книгъ, но самой личностью, ея собственнымъ разумомъ, достигшимъ высшей зрѣлости и приобретающимъ высшую зрѣчьсть. Въ одной изъ своихъ брошюръ Толстой предостерегаетъ противъ ложныхъ пророковъ, утверждающихъ, что они больше истины любятъ еще нѣчто. Кто больше истины любитъ еще нѣчто, тотъ ничего поистинѣ не любитъ. У Толстого истина и Божество тождественны. Религія Толстого—это религія мистическаго разума, религія безъ вѣры въ чудеса. Явившись въ вѣкъ сомнѣній и безвѣрія, Толстой показалъ, что истинная религія не боится безвѣрія. Въ этомъ новизна и могущество возвѣщенной Толстымъ религиозной реформации.

VI.

Вернувъ міру абсолютную дѣйность и утвердивъ въ верховныхъ правахъ разумную личность, Толстой предстоитъ намъ какъ одинъ изъ величайшихъ борцовъ за культуру. Последнее нуждается въ пѣноторомъ поясненіи. Если видѣть въ Толстомъ только моралиста, то его пришлось бы причислять къ врагамъ культуры. Толстой, проповѣдующій недѣланіе, зовущій къ плугу, отрицаю-

щій медицину и астрономию, смѣющійся надъ борьбой съ бациллами, ставящій симфоніи Бетховена ниже крестьянской плѣсни и издѣвающійся надъ Пекспиромъ,—такой Толстой, очевидно, не положить начала нашему культурному ренессансу. Жить по толстовски,—пахать землю, отказываться отъ военной службы и платежа налоговъ,—всего легче, повернувшись спиною къ міру и замкнувшись въ деревенской глупи. Но все мѣняется, если признать мораль Толстого пережиткомъ и отраженіемъ нашего стараго, безплоднаго, мечтательнаго народничества, а всю самобытность, все творческое величіе Толстого видѣть въ его религиозной проповѣди. Какъ религиозный мыслитель, какъ борецъ за права разума, Толстой зоветъ впередъ къ философіи, къ наукѣ, къ высшимъ формамъ культурнаго дѣланія. Деревня никогда не пойметъ религіи безъ вѣры и, если восприметъ ученіе Толстого, то немедленно же изуродуетъ его, превратитъ въ сектанство, въ безпоповщину, въ новую вѣру, въ новый культъ чудесъ и молитвъ. Если считать Толстого русскимъ Лютеромъ, то это Лютеръ городовъ, а не деревень, интеллигенція, а не темныхъ массъ. Толстой только заявилъ со всей присущей его слову силой и искренностью, что разумъ, отвергая чудо, какъ нарушение законности, самъ прозрѣваетъ въ мірѣ высшую божественную законность. Но, высказавъ эту истину, Толстой ее не доказалъ. Набросавъ планъ новой религіи, онъ строить по этому плану предоставилъ своимъ будущимъ преемникамъ и послѣдователямъ. И отъ того, какъ русскія подростующія поколѣнія относятся къ завѣщанной Толстымъ религиозной проблемѣ, зависитъ все наше будущее. Я говорю это не потому, что низко ставлю практическія заботы жизни, а потому, что между практическимъ разумомъ и религиознымъ существуетъ неразрывная связь, и источники силъ находятся не внизу, а паверху. Окажемся ли мы побѣдителями въ борьбѣ съ японцами, въ борьбѣ со старымъ режимомъ, въ борьбѣ съ бациллами,—все эти практическіе вопросы русской дѣйствительности зависятъ отъ того, — найдеть ли въ себѣ русская культурная личность желаніе и силу наединѣ со своей собою перестрадать и продумать религиозно-философскую проблему жизни вообще. Подобно тому, какъ все виды земной энергіи, начиная съ тепла, скрытаго въ каменномъ углѣ, и кончая силою вѣтра, являются лишь видоизмѣненной энергіей солнечныхъ лучей, такъ и все виды духовной энергіи имѣють своимъ началомъ и источникомъ философское разумье и религиозное воодушевленіе. Разговоръ о Толстомъ не юбилейный, не праздничный, а насущный духовный хлѣбъ нашихъ будней. Судьба послала намъ новаго Лютера, провозвѣстника новой Реформации, но воплотитъ и осуществитъ эту Реформацию можемъ только мы сами.

Н. Минскій.